

„КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“ ПУШКИНА.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Н. И. Черняева.

Оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе* 1897 года.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1897.

Доволено цензурой. Москва, августа 12 дня 1897 года.

„КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“ ПУШКИНА.

Историко-критическій этюдъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Съ чувствомъ весьма понятной робости мы приступаемъ къ разбору „Капитанской дочки“,—этого гениальнаго созданія великаго русскаго поэта, въ которомъ онъ явилъ неуздаемый образецъ художественнаго совершенства и достигъ крайнихъ граний искусства. Строгая критика можетъ указать на нѣкоторые недостатки и пробѣлы и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, и въ „Борисѣ Годуновѣ“, но въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ слабыхъ мѣстъ: она принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣчно юныхъ и чарующихъ произведеній, которыя никогда не утрачиваютъ своего значенія и лучше которыхъ въ томъ же родѣ ничего нельзя себѣ представить. „Капитанская дочка“—единственный русскій романъ, который можетъ выдержать какое угодно сравненіе, и на который мы можемъ смѣло указать и германо-романской Европѣ, и нашимъ соплеменникамъ-славянамъ, какъ на непререкаемое доказательство изумительной мощи русскаго народнаго гениа, сказавшейся въ особенно нынѣ распространенномъ и любимомъ родѣ поэзіи, то-есть въ области романа, заполонившей собою чуть не всю современную изящную литературу. „Капитанскую дочку“ мы смѣло можемъ противопоставить и „Донъ-Кихоту“ Сервантеса, и романамъ Гете, Вальтеръ-Скотта, Жоржъ-Занда, Диккенса и Теккерея. Не говоримъ уже о сомнительныхъ твореніяхъ тѣхъ звѣздъ второй и третьей величины, которыя теперь мерцаютъ или недавно мерцали на сѣренькомъ небосклонѣ заграничной беллетристики: сравнивать „Капитанскую дочку“ съ этими твореніями, а Пушкина съ ихъ авторами значило бы впасть въ своего рода ко-

шунство. „Капитанская дочка“, подобно картинам Рафаэля или операм и Requiem'у Моцарта, никогда не будет забыта и всегда будет служить предметом изумления, восторгов и тщательного изучения. И в то время, когда всё свѣтила нашей современной литературы кануть в Лету, слухъ о „Капитанской дочкѣ“

...пройдемъ по всей Руси великой,—

и чудный романъ получить громкую извѣстность во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ, какъ одно изъ самыхъ законченныхъ, гармоничныхъ и прелестныхъ эпическихъ созданий. Въ наше время, когда рабское копированіе „растрепанной дѣйствительности“ принимается за художественную правду, а безцѣльное ковырянье въ человѣческой душѣ—за глубокое знаніе человѣческаго сердца, „Капитанская дочка“ не можетъ пользоваться такою популярностью, какая ей подобаешь. Но когда теперешняя испорченность вкуса уступить мѣсто болѣе здоровымъ пониманіямъ прекраснаго, „Капитанская дочка“ наложитъ яркій отпечатокъ на нашихъ романистовъ, и они будутъ воспитывать на ней свой талантъ. Опредѣляя значеніе Пушкина, Гоголь нѣкогда писалъ: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа. Это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла“. То же самое можно сказать и о „Капитанской дочкѣ“, ибо изъ всѣхъ пушкинскихъ произведеній преимущественно въ ней отразились русская природа, русская душа, русскій языкъ и русскій характеръ въ той чистотѣ и въ той очищенной красотѣ, которая столь поражала Гоголя въ Пушкинѣ.

Мы знаемъ, что многіе не согласятся съ нашимъ взглядомъ на „Капитанскую дочку“ и найдутъ, что мы преувеличили ея значеніе. Намъ, конечно, прежде всего укажутъ на Гоголя и на его „Мертвыя души“. Но можно ли ставить на одну доску съ „Капитанскою дочкой“ неоконченныя „Мертвыя души“, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ гениально набросанныхъ и ничѣмъ не связанныхъ между собой силуэтовъ, сценъ и картинъ, имѣвшихъ въ виду отразить, но не отразившихъ, всю Россію. Гоголь зналъ себѣ цѣну. Онъ никогда не упускалъ изъ виду той разницы въ разносторонности, широтѣ и глубинѣ даро-

ванія, которою онъ и отличался отъ своего учителя. Благоговѣніе и смиреніе, съ которыми онъ говорилъ о немъ, опредѣляютъ точку зрѣнія, съ какой надлежитъ смотрѣть на отношеніе „Капитанской дочки“ къ „Мертвымъ душамъ“. „Капитанская дочка“—одно изъ чудесъ искусства; „Мертвыя души“—это хотя и грандіозно задуманное, но не достроенное зданіе, въ которомъ ничего нельзя разсмотрѣть, за лѣсами и грудами строительныхъ матеріаловъ, кромѣ мастерски воздвигнутаго перваго этажа и кое-какихъ сооруженій втораго.

А романы графа Л. Н. Толстого, Тургенева и Достоевскаго? Неужели они не выдерживаютъ ни малѣйшаго сравненія съ „Капитанскою дочкой“? Безъ сомнѣнія. Мы можемъ съ гордостью указать на нихъ, если иностранцы будутъ спрашивать, есть-ли у насъ Флоберы, Додэ, Шпильгагены и т. д.—и только. Но французскою литературой весь міръ интересуется не ради Флобера и Додэ, а ради Мольера, Расина и Корнеля, такъ же точно, какъ англійская литература пользуется всемірною извѣстностью не потому, что въ Англии есть Уйдъ, а потому, что у нея есть Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Не будемъ же предаваться литературнымъ мечтаніямъ о тѣхъ изъ нашихъ романистовъ, которымъ исторія литературы отведетъ такое же мѣсто, какое она отвела такимъ, безспорно, талантливымъ, но не гениальнымъ писателямъ, какъ Озеровъ, Батюшковъ, князь Шаховской и другіе. За послѣдніе 50 лѣтъ русскій романъ отгѣснилъ на задній планъ и русскую лирику, и русскую драму, но „Капитанская дочка“ по-прежнему остается для нашихъ романистовъ недостижимымъ идеаломъ, къ которому они могутъ только стремиться, ибо изъ всѣхъ нашихъ романовъ одна „Капитанская дочка“ даетъ полное и наглядное представленіе о томъ, что такое художественная правда, въ чемъ заключается разгадка слиянія простоты съ совершенствомъ формы и какъ нужно воспроизводить русскую дѣйствительность; по своему же стилю и по его выдержанности, „Капитанская дочка“ въ полномъ смыслѣ слова неподобное произведеніе, и намъ, русскимъ, слѣдуетъ дорожить имъ и чтить его, какъ одинъ изъ величайшихъ памятниковъ, какіе создавало и когда-либо создастъ русское искусство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выводы нашей критики о „Капитанской дочкѣ“.—Отсутствіе критическихъ статей, специально посвященныхъ „Капитанской дочкѣ“.—Равнодушіе, съ которымъ встрѣтило наше общество этотъ романъ.—Письмо князя Одоевскаго по поводу „Капитанской дочки“.—Сужденія, высказанныя о ней Бѣлинскимъ.—Отзывъ Гоголя.—Отзывъ Анненкова.—Взглядъ Григорьева на „Капитанскую дочку“ въ связи съ его же взглядами на значеніе повѣстей и типа Бѣлкина.—Мнѣніе г. Страхова о „Капитанской дочкѣ“ и объ ея особенностяхъ и высокихъ достоинствахъ, какъ образчикъ новаго, созданнаго Пушкинымъ, рода повѣствовательныхъ произведеній—*семейной хроникѣ*.—Паралель Чернышевскаго между пушкинскою и гоголевскою прозою и его точка зрѣнія на „Капитанскую дочку“.—Оцѣнка „Капитанской дочки“, сдѣланная г. Скабичевскимъ.—Г. Незеленовъ о „Капитанской дочкѣ“.—Почему „Капитанская дочка“ досель пользуется столь незначительною популярностью и стоитъ, въ смыслѣ школы, какимъ-то особнякомъ въ нашей литературѣ?

„Капитанская дочка“, этотъ непревзойденный образецъ русскаго романа вообще и русскаго историческаго романа въ частности, принадлежитъ, какъ это ни странно, къ числу литературныхъ явленій, которыми наша критика занималась очень мало. О нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драмахъ болѣе даровитыхъ представителей школы, созданной Пушкинымъ и Гоголемъ, можно найти въ нашихъ журналахъ цѣлые десятки болѣе или менѣе обстоятельныхъ статей, но о „Капитанской дочкѣ“ у насъ нѣтъ ничего, кромѣ 5—6 небольшихъ замѣтокъ. Если собрать ихъ вмѣстѣ, составитъ небольшая брошюра въ четверть или въ полъ печатнаго листа, въ родѣ миниатюрныхъ изданій, выпускаемыхъ для дѣтей и народа. А между тѣмъ „Капитанская дочка“ причисляется обыкновенно къ лучшимъ, классическимъ произведеніямъ нашей словесности, составляетъ предметъ обязательнаго изученія въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ; но тѣ похвалы, которыми ее осыпаютъ, сильно смахиваютъ на общія мѣста, прикрывающія отсутствіе ясной мысли и точнаго пониманія дѣла. А все потому, что „Капитанская дочка“, какъ и другія великія созданія Пушкина, опередила свой вѣкъ, не была понята современниками, да и по сіе время не оцѣнена по достоинству.

Казалось бы, что появленіе „Капитанской дочки“ должно было произвести громадное впечатлѣніе на людей пушкинской эпохи, что оно должно было вызвать всеобщій восторгъ, какъ великое художественное откровеніе, знаменующее собою громад-

ный литературный переворотъ. Ничуть не бывало. „Капитанскую дочку“ постигла такая же участь, какъ „Бориса Годунова“ и другія, вполнѣ зрѣлыя произведенія Пушкина. Она не возбудила въ массѣ читающей публики ни изумленія, ни энтузіазма. Ея значеніе уразумѣли лишь весьма немногія, близкія къ Пушкину, лица, или, вѣрнѣе сказать, чуть ли не одинъ Гоголь. Всѣ же остальные, не замѣтивъ въ чудномъ романѣ поэта ничего особеннаго, отнеслись къ нему сдержанно и какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и даже „Русланъ и Людмила“ породили гораздо больше толковъ, чѣмъ „Капитанская дочка“, самое законченное и по истинѣ дивное прозаическое произведеніе поэта.

Этого мало. Если сравнить впечатлѣніе, произведенное на русскую публику „Капитанской дочкой“, съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее „Юріемъ Милославскимъ“, то окажется, что шумный успѣхъ, выпавшій на долю романа Загоскина, совершенно затмилъ собою тотъ скромный успѣхъ, которымъ сопровождалось появленіе гениальнаго пушкинскаго романа. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Загоскинѣ С. Т. Аксаковъ говоритъ, что восхищеніе „Юріемъ Милославскимъ“ было всеобщимъ. „Публика обѣихъ столицъ и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная, пришла въ совершенный восторгъ... Всѣ обрадовались „Юрью Милославскому“, какъ общественному и пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы,—обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи—писали къ нему. Всякій день онъ получалъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія“. Съ 1829 года до 1852 „Юрій Милославскій“ выдержалъ восемь изданій и получилъ самое широкое распространеніе среди всѣхъ грамотныхъ людей Россіи. Его съ увлеченіемъ читали и перечитывали и въ барскихъ хоромахъ, и въ крестьянскихъ избахъ. Да, и въ крестьянскихъ избахъ! С. Т. Аксаковъ говоритъ, что онъ знавалъ торговыхъ крестьянъ, которые рассказывали „Юрія Милославскаго“ безграмотнымъ крестьянамъ, и что онъ встрѣчалъ простолюдиновъ, которые знали не только „Юрія Милославскаго“, но и другіе, послѣ него вышедшіе, романы и повѣсти Загоскина. Сильное впечатлѣніе, произведенное „Юріемъ Милославскимъ“, сказывалось, между прочимъ, и въ нелишенныхъ комизма фор-

махъ. Въ продажѣ появилось огромное число табакерожъ и набивныхъ платковъ съ изображеніемъ разныхъ сценъ изъ этого романа. Эти табакерки и платки развозились по всей Россіи и поддерживали извѣстность сочинителя. ¹ Словомъ, успѣхъ „Юрія Милославскаго“ былъ полный,—такой успѣхъ, на какой, вѣроятно, ужъ никакъ не разсчитывалъ авторъ.

Ничего подобнаго не было, когда, семь лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати „Юрія Милославскаго“, была напечатана въ четвертой книжкѣ *Современника* за 1836 годъ „Капитанская дочка“. „Капитанскую дочку“, конечно, всѣ прочли и похвалили, но она не вызвала ни общихъ восторговъ, ни горячихъ споровъ, ни шумныхъ толковъ. Ея сомнительный успѣхъ можно назвать *succès d'honneur*. Никто не произнесъ слова осужденія, никто не рѣшился заявить во-всеуслышаніе, что „Капитанская дочка“ плохая вещь, но равнодушіе, съ какимъ она была встрѣчена, говорило само за себя: „Капитанская дочка“ не удовлетворила общихъ ожиданій и вызвала въ массѣ читающей публики нѣчто вродѣ разочарованія. Что дѣлать? „Капитанская дочка“ ей пришлось не по-плечу. Вотъ почему она и предпочитала ей „Юрія Милославскаго“.

Значеніе „Капитанской дочки“ было плохо понято даже въ близкихъ къ Пушкину литературныхъ кружкахъ. До насъ дошло лишь одно единственное письмо, полученное Пушкинымъ по поводу его романа. Письмо это принадлежитъ князю Одоевскому ². Князь Одоевскій былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и высоко цѣнилъ Пушкина. Какъ же онъ отнесся къ „Капитанской дочкѣ“? Самымъ поверхностнымъ образомъ.

„Капитанскую дочку“, писалъ Одоевскій, я читалъ два раза и буду о ней говорить особо въ „Литературныхъ добавленіяхъ“. Compliments вамъ въ лицо дѣлать не буду; вы знаете все, что я о васъ думаю и къ вамъ чувствую. Но вотъ *критика* не въ художественномъ, но въ читательномъ отношеніи“. Послѣ этого предисловія слѣдуетъ цѣлый рядъ замѣчаній о мнимыхъ недостаткахъ „Капитанской дочки“. Бѣгло перечисляя эти недостатки, князь Одоевскій весьма благодушно учитъ Пушкина, какъ можно было-бы исправить ихъ. „Пугачевъ, говоритъ онъ, слишкомъ скоро послѣ того, какъ о немъ въ первый разъ упо-

¹ С. Т. Аксакова. *Разныя сочиненія*, стр. 267—274.

² *Русскій Архивъ*, 1864 г., стр. 817.

минается, нападаетъ на крѣпость; увеличеніе елуховъ не довольно растянута; читатель не имѣеть времени побояться за жителей Бѣлогорской крѣпости, какъ она уже взята. Семейство Гриневыхъ хотѣлось-бы видѣть еще разъ послѣ всей передраги: хочется знать, что скажетъ Гринева, увидѣвъ Машу съ Савельичемъ... Швабринъ набросанъ прекрасно, но только набросанъ: для зубовъ читателя трудно пережевать его переходъ изъ гвардіи офицеровъ въ сообщника Пугачева. По выраженію Іосифа Прекраснаго (князь Одоевскій говоритъ здѣсь о баронѣ Брамбеусѣ, то-есть о Сенковскомъ), Швабринъ слишкомъ уменъ и тонокъ, чтобы повѣрять возможности успѣха Пугачева, и не довольно страстенъ, чтобы изъ любви къ Машѣ рѣшиться на такое дѣло. Маша такъ долго въ его власти, а онъ не пользуется такими минутами. Покамѣстъ Швабринъ для меня имѣеть много нравственно чудеснаго; можетъ быть, какъ прочту въ третій разъ, лучше пойму.“

Князь Одоевскій безусловно восхищался только Савельичемъ и Пугачевымъ. „Савельичъ, писалъ онъ, чудо. Это лицо самое трагическое, то-есть, котораго больше всѣхъ жаль въ повѣсти. Пугачевъ тоже чудесенъ. Онъ нарисованъ мастерски“. Въ заключеніе своего поверхностнаго и легкомысленнаго отзыва о великомъ созданіи великаго поэта, князь Одоевскій прибавлялъ: „О подробностяхъ не говорю, объ интересѣ тоже: я не могъ ни на минуту оставить книги, читая ее даже не какъ художникъ, но стараясь быть просто читателемъ, добравшимся до повѣсти“.

Очевидно, что князю Одоевскому нравилась „Капитанская дочка“, но нравилась, какъ ему нравилось все, что писалъ Пушкинъ. И тонъ, и содержаніе письма доказываютъ, что кн. Одоевскій не давалъ себѣ яснаго отчета, что онъ имѣеть дѣло съ исключительнымъ произведеніемъ, о которомъ нельзя говорить слегка и къ которому нельзя прилагать масштаба мелкой и „читательной“ критики. Кн. Одоевскій не понялъ Швабрину, ибо не вдумался въ его характеръ. Онъ не понималъ и цѣли, съ которою такъ быстро слѣдуетъ въ „Капитанской дочкѣ“ событіе за событіемъ въ главахъ, посвященныхъ пугачевщинѣ и приступу. Поэтъ съ умысломъ ускорилъ взятіе крѣпости и не растянулъ слуховъ о появленіи самозванца, ибо Пугачевъ палъ, какъ снѣгъ на голову, на бѣднаго Рейнсдорпа и на всю мѣстную администрацію, не давая ей опомниться и переходя отъ побѣды къ побѣдѣ, быстро слѣдовавшими одна за другой. То, что сдѣлалъ Пушкинъ глубоко обдуманно

и съ тонкимъ пониманіемъ дѣла, кн. Одоевскій отнесъ къ его промахамъ и счелъ себя вправѣ давать ему совѣты.

Не далеко ушли отъ разсужденій князя Одоевскаго и разсужденія Бѣлинскаго о „Капитанской дочкѣ“.

Бѣлинскій, находившійся во вторую половину своей литературной дѣятельности подѣ сильнымъ вліяніемъ Жоржъ-Занда, Герцена, Пьера Леру, Прудона и т. д., не могъ, конечно, сочувствовать тогда тѣмъ бытовымъ и нравственнымъ, чисто народнымъ и чисто русскимъ симпатіямъ, которыя выказалъ Пушкинъ въ „Капитанской дочкѣ“. Но этимъ однимъ нельзя объяснить той близорукости и холодности, которыя замѣчаются въ отзывахъ Бѣлинскаго о пушкинскомъ романѣ. Онъ, видимо, не особенно нравился ему и не особенно поразилъ его: Бѣлинскій говорилъ о „Капитанской дочкѣ“ весьма сдержанно даже и въ тѣ годы, когда еще не усвоилъ себѣ отрицательнаго взгляда на коренныя основы русской жизни. Понимая ея художественныя достоинства, онъ замалчивалъ ихъ и сопровождалъ свои двусмысленныя похвалы оговорками, сильно умалявшими значеніе его похвалъ.

Въ литературной хроникѣ *Московского Наблюдателя* за 1838 годъ, давая отчетъ о послѣднихъ произведеніяхъ Пушкина, Бѣлинскій упоминалъ вскользь и о „Капитанской дочкѣ“, удѣливъ ей всего *четыре строчки*, причемъ поставилъ Пушкину въ примѣръ Гоголя. „О, такихъ повѣстей (какъ „Капитанская дочка“), еще никто не писалъ у насъ, и только одинъ Гоголь умѣетъ писать повѣсти, еще болѣе дѣйствительныя, болѣе конкретныя, болѣе творческія—похвала, выше которой у насъ нѣтъ похвалъ“. (Сочиненія Бѣлинскаго, II, 329).

Въ 1839 году Бѣлинскій написалъ восторженную статью о „Ледяномъ домѣ“ и „Басурманѣ“ Лажечникова. (Сочиненія Бѣлинскаго, т. III). Эта статья наводитъ на мысль, что „Ледяной домъ“ произвелъ на критика болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ „Капитанская дочка“. По словамъ Бѣлинскаго, онъ былъ нѣкое время подавленъ обаяніемъ „Ледянаго дома“. „Помню я, говоритъ Бѣлинскій, какъ мучилъ меня „Ледяной домъ“, какъ какая-то неразгаданная загадка, какъ собирался я тогда написать о немъ огромную статью (здѣсь рѣчь идетъ о 1835 годѣ, когда вышло первое изданіе „Ледянаго дома“), живо и увлекательно раскрыть всѣ его красоты, и какъ не могъ написать ни строки... Тяжесть подвига подавляла силы... По крайней мѣрѣ, такъ ка-

залось мнѣ тогда. Говоря о Лажечниковѣ, Бѣлинскій ни единымъ словомъ не обмолвился о неизмѣримомъ превосходствѣ „Капитанской дочкѣ“ надъ „Ледянымъ домомъ“. Въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь, Бѣлинскій мимоходомъ замѣчаетъ даже, что у насъ нѣтъ еще ни одного истинно русскаго романа и тѣмъ самымъ какъ-бы даетъ понять, что и „Капитанскую дочку“ нельзя считать образцовымъ произведеніемъ.

Два года спустя послѣ статьи о Лажечниковѣ, говоря о по-
смертныхъ сочиненіяхъ Пушкина, Бѣлинскій снова высказалъ
свой взглядъ на „Капитанскую дочку“, причемъ ставилъ ее ниже
„Дубровскаго“, оставшагося послѣ смерти поэта въ черновомъ
наброскѣ. „Повѣсть „Дубровскій“, писалъ онъ, совершенно новая
и доселѣ неизвѣстная публикѣ. Это одно изъ величайшихъ со-
зданій гения Пушкина. Вѣрностью красокъ и художественною
отдѣлкой она не уступаетъ „Капитанской дочкѣ“, а богатствомъ
содержанія, разнообразіемъ и быстротою дѣйствія далеко пре-
восходитъ ее“ (V, 321).

Такимъ образомъ, „Капитанская дочка“, если вѣрнѣе Бѣлин-
скому, должна быть поставлена на второе мѣсто, какъ по срав-
ненію съ повѣстями Гоголя, такъ и между прозаическими сочи-
неніями самого Пушкина.

Начиная съ 1843 до 1846 года Бѣлинскій посвятилъ Пушкину
одиннадцать большихъ статей, составляющихъ въ общей слож-
ности около 600 страницъ восьмага тома его сочиненій. Но и
здѣсь Бѣлинскій не далъ себѣ труда остановиться со вниманіемъ
на „Капитанской дочкѣ“ и посвятилъ ей въ концѣ послѣдней
статьи всего полъстраницы. „Капитанская дочка“, говоритъ онъ,
нѣчто въ родѣ „Онѣгина“ въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней
нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія
картины по вѣрности, истинѣ содержанія—чудо совершенства.
Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера—француза
и, въ особенности, его дядьки изъ псарей, Савельяча, этого рус-
скаго Калеба ¹, Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана
Игнатьевича, наконецъ, самого Пугачева съ его господами ене-
ралами; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ,
не находимъ нужнымъ пересчитывать“. Прочитавъ эти строки,
можно подумать, что Бѣлинскій признаетъ „Капитанскую дочку“
гениальною вещью. Но онъ говоритъ въ заключеніи своего бѣг-

¹ Калебъ, слуга Равенсвуда, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Дамермурской невѣсты“, романа Вальтеръ-Скотта.

лаго разбора вотъ что: „Ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматическій характеръ Швабрина, хотя принадлежать къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти, однако, не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы“. Такова была послѣдняя и весьма сдержанная похвала, которую воздалъ Бѣлинскій „Капитанской дочкѣ“, поставивъ ее на одну доску со многими *другими* замѣчательными произведеніями нашей бѣдной словесности. Его мнѣніе долго считалось у насъ непогрѣшимымъ, и его голословный, ни на чемъ не основанный отзывъ о характерахъ Гринева, Марьи Ивановны и Швабрина доселѣ принимается многими за истину, не подлежащую сомнѣнію.

Интересно, что въ своей послѣдней статьѣ о Пушкинѣ Бѣлинскій говоритъ о „Дубровскомъ“ далеко не то, что говорилъ о немъ прежде. Дубровскій, замѣчаетъ онъ—pendant къ „Капитанской Дочкѣ“. Въ обѣихъ преобладаетъ паеосъ помѣщичьяго принципа, и молодой Дубровскій представленъ Ахилломъ между людьми этого рода,—роль, которая рѣшительно не удалась Гриневу, герою „Капитанской дочки“. Но Дубровскій, несмотря на все мастерство, какое обнаружилъ авторъ въ его изображеніи, все-таки остался лицомъ мелодраматическимъ и не возбуждающимъ къ себѣ участія. Вообще, вся эта повѣсть сильно отзывается мелодрамой“. И несмотря на такой взглядъ на „Дубровскаго“, сильно отличающійся отъ взгляда, высказаннаго подъ живымъ впечатлѣніемъ перваго знакомства съ „Дубровскимъ“, Бѣлинскій не взялъ назадъ своихъ словъ о сравнительномъ достоинствѣ „Капитанской дочки“ и „Дубровскаго“; можно думать, онъ навсегда остался при томъ мнѣніи, что „Капитанская дочка“, въ общемъ, ниже „Дубровскаго“,—романа конечно, превосходнаго, но не получившаго той законченности, которою отличается „Капитанская дочка“, и стоящаго, несмотря на изумительно мастерскую обрисовку характера Кириллы Петровича, несравненно ниже ея. Итакъ, Бѣлинскій не обогелъ „Капитанской дочки“ гробовымъ молчаніемъ, но онъ удѣлилъ ей меньше вниманія, чѣмъ другимъ, даже второстепеннымъ, произведеніямъ Пушкина. Отношеніе Бѣлинскаго къ „Капитанской дочкѣ“—одинъ изъ его тяжкихъ литературныхъ грѣховъ. Доселѣ у насъ держится мнѣніе, что приговоры Бѣлинскаго надъ всѣми болѣе или менѣе крупными явленіями русской словесности его эпохи безусловно вѣрны, и что каждому изъ нихъ онъ отвелъ надлежащее мѣсто. Но уже одно то обстоятельство, что онъ оставилъ

безъ подробнаго разбора „Капитанскую дочку“ и не выяснили ея громаднаго значенія для русской прозы, доказываютъ, что ко взглядамъ Бѣлинскаго нужно относиться съ большою осторожностью, и что ихъ давно слѣдовало бы подвергнуть тщательному пересмотру.

Первый, кто понялъ и выразилъ со всею ясностью громадное историко-литературное значеніе „Капитанской дочки“, какъ одного изъ гениальнѣйшихъ созданій Пушкина и, вообще, литературы всѣхъ временъ и народовъ, былъ Гоголь. У насъ до сихъ поръ еще мало цѣнить его критическія статьи, а между тѣмъ въ этихъ статьяхъ, несмотря на ихъ незначительный размѣръ, можно найти не меньше глубокихъ замѣчаній, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ Бѣлинскаго, и не только не меньше, а даже, пожалуй, больше. Бѣлинскій понималъ, какой чуткій, прозорливый критикъ жилъ въ Гоголѣ, и не разъ пользовался его указаніями. Страница, посвященная „Капитанской дочкѣ“ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“¹ (изданы въ 1846 г.) принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ нашей скудной критической литературы. Эта характеристика написана очень кратко, но она вѣрна отъ перваго слова до послѣдняго. Вотъ что говоритъ Гоголь: „Всѣ черты нашей природы въ немъ (Пушкинѣ) отозвались, и все обнито иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ. Свойство это разрасталось въ немъ постепенно, и онъ откликнулся бы потомъ цѣлкомъ на всю русскую жизнь такъ же, какъ откликался на каждую отдѣльную ея черту. Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую безыскусственную повѣсть русской жизни, занималъ его въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже никто не нашелъ никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ „Капитанскую дочку“, рѣшительно лучшее произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ „Капитанскою дочкой“ всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазней. Чистота и безыскусственность вошли въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность ка-

¹ См. статью: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“

жется передъ нею искусственною и каррикатурною. Въ первый разъ выступили истинно русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ, сама крѣпость съ единственною пушкой, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все — не только самая правда, еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобъ изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратитъ намъ въ очищенномъ видѣ. Великій русскій прозаикъ, конечно, зналъ, что говорилъ, когда называлъ „Капитанскую дочку“ рѣшительно лучшимъ русскимъ произведеніемъ въ повѣствовательномъ родѣ, сравнительно съ которымъ всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазней. Онъ, очевидно, ясно сознавалъ великое превосходство Пушкина не только надъ всѣми современными ему русскими романистами вообще, но въ частности и надъ имъ, авторомъ „Тараса Бульбы“ и „Мертвыхъ Душъ“. Восторженная похвала, которую воздалъ Гоголь „Капитанской дочкѣ“, лучшая похвала Пушкину, и русской критикѣ остается только раскрыть весь ея смыслъ для того, чтобы выяснитъ значеніе „Капитанской дочки“.

Въ книгѣ Анненкова „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи“ (эта книга, какъ извѣстно, вышла въ свѣтъ въ 1855 году въ видѣ перваго тома Анненковскаго изданія Сочиненій Пушкина) критической оцѣнкѣ „Капитанской дочки“ удѣлено всего лишь нѣсколько строкъ, но въ нихъ такъ мѣтко опредѣлены главные особенности пушкинской прозы и лучшаго пушкинскаго романа, что намъ нельзя обойти этихъ строкъ молчаніемъ. Анненковъ называетъ „Капитанскую дочку“ „образцовымъ романомъ“, „имѣющимъ теплоту и прелесть историческихъ записокъ“. Говоря о томъ, что мысль объ историческомъ романѣ изъ русской жизни была любимымъ предположеніемъ Пушкина съ 1826 года, когда имъ былъ написанъ „Арапъ Петра Великаго“, Анненковъ даетъ сжатую, но блестящую характеристику „Капитанской дочки“ и ея стиля. „Никто болѣе его (Пушкина) не былъ способенъ къ созданію такого (историческаго) романа: его ровный, невозмутимо спокойный разговоръ, въ которомъ безъ всякаго усилія являются на сцену лица и происшествія, вполне живыя и законченныя; твердыя стопы, какими ведетъ онъ происшествіе, не замазывая пустыхъ мѣстъ, не изукрашая и не пестря подробностей, что уже стало нынѣ необходимымъ условіемъ успѣха,—все это упрочивало за Пушкинымъ возможность

полнаго достиженія задуманной имъ цѣли. Даже теперь, послѣ мощныхъ произведеній Гоголя, рассказъ Пушкина, свѣтлый и мѣрно льющійся, какъ прозрачная струя, имѣетъ обаятельную прелесть для чувства эстетически развитаго...“ Эта характеристика обличаетъ читателя, глубоко изучившаго Пушкина. Нельзя, однако, согласиться со всѣми замѣчаніями Анненкова о „Капитанской дочкѣ“ и о пушкинской прозѣ вообще. „Несомнѣнно, говоритъ Анненковъ: что по тону разсказа „Арапъ Петра Великаго“ и „Капитанская дочка“ такъ схожи, какъ будто написаны вмѣстѣ, хотя ихъ раздѣляетъ цѣлыхъ девять лѣтъ. Такъ съ перваго раза, добавляетъ Анненковъ, нашелъ Пушкинъ свой оригинальный стиль, чего другіе не находятъ всю жизнь, не смотря на множество усилій“. Анненковъ упустилъ изъ виду, что „Капитанская дочка“—внѣзецъ пушкинской прозы, и что „Арапу Петра Великаго“ далеко до нея. Правда, „Арапомъ“ Пушкинъ положилъ основаніе простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался его достояніемъ и не имѣлъ подражателей.“ Но въ „Арапѣ“ мы видимъ только первую, хотя и гениальную попытку къ созданію такого языка; а въ „Капитанской дочкѣ“ мы уже имѣемъ дѣло съ его идеаломъ. Вообще, Пушкинъ, какъ поэтъ-прозаикъ, вовсе не сразу нашелъ свой оригинальный стиль, и самъ Анненковъ признаетъ это, усматривая цѣлую пропасть между „Капитанскою дочкою“ и „Повѣстями Бѣлкина“, значеніе которыхъ въ общемъ онъ опредѣляетъ совершенно вѣрно, не повторяя близорукихъ сужденій Бѣлинскаго, свысока называвшаго „Повѣсти Бѣлкина“ „побасенками“. ¹ То, къ чему Пушкинъ только стремился въ „Арапѣ Петра Великаго“ и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, нашло свое полное выраженіе въ „Капитанской Дочкѣ“.

Изъ русскихъ критиковъ 60-хъ и второй половины 50-хъ годовъ никто не указывалъ съ такою настойчивостью на громадное значе-

¹ „Повѣсти Бѣлкина“ должно разбирать теперь только со стороны слога, изложенія, а не содержанія, которое отъ качествъ того и другого заимствовало все свое значеніе. Такъ понималъ ихъ и самъ авторъ. Тонкая иронія, лукавый и вмѣстѣ добродушный юморъ ихъ, простота языка и средствъ, употребляемыхъ авторомъ для сдѣлания и развитія пропешествій,—заслуживаютъ и теперь вниманія. Очерки и краски „Повѣстей Бѣлкина“ чрезвычайно живы, и, послѣ яркой живописи Гоголя, надо уже вниманіе и зоркость любителя, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству.“ См. „Матеріалы“ Анненкова, изд. 1873 г., стр. 191. 192. 251.

ніе „Капитанской дочки“ и не упоминалъ о немъ такъ часто, какъ Аполлонъ Григорьевъ. Онъ не далъ подробнаго разбора „Капитанской дочки“, но въ отдѣльныхъ, здѣсь и тамъ разбросанныхъ, замѣчаніяхъ, очень ясно высказалъ свой взглядъ на этотъ романъ. На „Капитанскую дочку онъ смотрѣлъ, какъ на осуществленіе программы романа, набросанной Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца или дяди старика,
Дѣтей условленные встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья..
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Когда поэтъ писалъ эти стихи, онъ, какъ выражается Григорьевъ, „еще не въ силахъ былъ раздѣлаться съ давившимъ его призракомъ байронизма и только постигалъ своимъ пророческимъ предвѣдніемъ, что все, о чемъ онъ полупушутя, полусерьезно мечталъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, будетъ осуществлено или имъ самимъ, въ пору его зрѣлости, или художниками послѣдующихъ временъ“. Слѣдя за борьбою Пушкина съ разными типами и идеалами,—со смутно чувственной струей псевдоклассицизма, съ туманнымъ романтизмомъ, съ увлеченіемъ байроновскимъ Чайльд-Гарольдомъ, Донъ-Жуаномъ и т. д.,—Григорьевъ придавалъ громадное значеніе повѣстямъ и романамъ Пушкина, особенно „Капитанской дочкѣ“, какъ выраженію самобытнаго, чисто русскаго типа, которое выносилъ поэтъ въ своей душѣ. „Въ Пушкинѣ“, говоритъ Григорьевъ, наше типовое не только сказалось, но и выразилось, то-есть, облеклось въ высочайшую поэзію, поравнялось со всѣмъ великимъ, что онъ зналъ и на что отзывался своею великою душой, пробуждая въ ней кровныя, племенные симпатіи“. Съ этой точки зрѣнія Григорьевъ опредѣлялъ и высокое значеніе „Капитанской дочки“. „Капитанскую дочку“ онъ всегда разсматривалъ въ связи съ „Повѣстями Бѣлкина“, и видѣлъ въ ней, какъ и въ этихъ „Повѣстяхъ“, первое проявленіе трезваго пониманія русской дѣйствительности, безхитростнаго, любовнаго отношенія къ ней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критическаго

и даже проницательнаго отношенія къ чуждымъ нашей жизни идеаламъ. „Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, въ настоящее время литература наша развивается только его задачп—въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ „Капитанской дочкѣ“ хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и хронику семейства Багровыхъ; Бѣлкинъ и у Тургенева, и у Писемскаго, Бѣлкинъ отчасти и у Толстого, ибо Бѣлкинъ пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различные міры“. Говоря въ другомъ мѣстѣ о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, Григорьевъ такъ опредѣляетъ ихъ значеніе: „Передъ нами предсталъ совершенно новый человѣкъ, великій протестантъ умалился до лица Ивана Петровича Бѣлкина,—лица, хотя нѣсколько ироническаго, но все-таки подчиненнаго окружающей дѣйствительности“. „Въ Пушкинѣ, замѣчаетъ Григорьевъ въ одной изъ своихъ статей, все—наше (разумѣется, только, какъ у поэта, въ благоуханіи),—отъ любви къ загнанной старинѣ („Родословная моего героя“) до сочувствія реформѣ („Мѣдный всадникъ“); отъ нашихъ странныхъ увлеченій эгоистически обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савельича („Капитанская дочка“); отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды „Матери пустыни“. Но въ „Капитанской дочкѣ“ воплотилось не одно „смирненное служеніе“ Савельичей, и Григорьевъ отмѣтилъ это, указавъ на мастерскую обработку такихъ чисто народныхъ *типичныхъ* типовъ, какъ Пугачевъ. Въ своихъ окончательныхъ выводахъ Григорьевъ сводитъ значеніе „Капитанской дочки“ къ тому, что въ ней, какъ и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, и въ „Лѣтописи села Горохина“, поэтъ достигаетъ удивительнаго отождествленія съ возрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже прадѣдовъ. Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ критической дѣятельности Бѣлинскаго, Григорьевъ, однако, упрекалъ его въ томъ, что онъ не оцѣнилъ по достоинству повѣстей и романовъ Пушкина. „Пушкина - Бѣлкина, говоритъ Григорьевъ, Бѣлинскій положительно не понималъ; великій нравственный процессъ, который породилъ это лицо и его созерцаніе у поэта,—процессъ, который породилъ одни изъ высшихъ его созданій („Капитанская дочка“, „Дубровскій“, „Лѣтопись села Горохина“) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исходныя точки всей нашей современной литературы,—отъ него ускользнула, или, лучше сказать, заслонился отъ его зоркаго ока нимбомъ теорій“.

Григорьевъ былъ правъ, обращаясь къ Бѣлинскому съ только-

что приведенными упреками, хотя, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, „нимбомъ теоріи“ объясняется въ данномъ случаѣ далеко не все. Григорьевъ вѣрнѣе Бѣлинскаго понималъ значеніе пушкинской прозы и очень остроумно истолковывалъ ея внутренній смыслъ вообще и повѣстей Бѣлкина въ частности. Въ этомъ отношеніи его взгляды, въ общихъ чертахъ, имѣютъ много общаго со взглядами Гоголя. Григорьевъ понялъ и значеніе „Капитанской Дочки“, какъ поэтическаго воспроизведенія русской старины и русскаго быта. Ошибка его заключалась лишь въ томъ, что онъ придавалъ черезчуръ преувеличенное значеніе Ивану Петровичу Бѣлкину и припутывалъ этотъ типъ къ такимъ произведеніямъ поэта, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Бѣлкинъ—комичное лицо, характеристика котораго составляетъ у Пушкина совершенно самостоятельный художественный очеркъ (Предисловіе *отъ издателя*), и это лицо, если и сливается по языку и міросозерцанію съ какимъ-либо произведеніемъ поэта, такъ развѣ только съ „Лѣтописью села Горохина“. Бѣлкинъ стоитъ особнякомъ не только отъ „Капитанской Дочки“, съ которою сближаетъ его Григорьевъ, но даже и отъ рассказовъ, изданныхъ Пушкинымъ подъ заглавіемъ „Повѣсти Бѣлкина“. Между этими повѣстями, съ одной стороны, и языкомъ, а также понятіями и нравственнымъ обликомъ Бѣлкина, съ другой, нѣтъ и тѣни той общности, которая бросается въ глаза между языкомъ, понятіями и нравственнымъ обликомъ хотя-бы Рудого Панька и нѣкоторыми, болѣе простодушными страницами гоголевскихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, если такъ можно выразиться, нѣтъ ничего бѣлкинскаго. Сознвая это, Пушкинъ сдѣлалъ изъ Бѣлкина не ихъ автора, а какъ бы ихъ стенографа: каждую изъ нихъ Бѣлкинъ слышалъ отъ того или другого лица и дословно записалъ ее, не примѣшивая къ чужому разсказу ни своего своеобразнаго „стиля“, ни своихъ нравственныхъ сентенцій. Григорьевъ говоритъ о Бѣлкинѣ-Пушкинѣ; но Пушкина-Бѣлкина не было и быть не могло, ибо Пушкинъ никогда не могъ отождествить себя съ такимъ придурковатымъ простакомъ и съ такою жалкою пародіей на писателя, какимъ былъ Иванъ Петровичъ. Нечего и говорить о томъ, что Григорьевъ сильно преувеличилъ значеніе „Повѣстей Бѣлкина“. Въ этихъ „Повѣстяхъ“ Пушкинъ далъ замѣчательные образцы русской прозы. Но ихъ, конечно, нельзя ставить на одну доску съ „Капитанскою Дочкой“, ибо между небольшимъ и легонькимъ, хотя и прелестнымъ разсказомъ, и вполнѣ закончен-

нымъ, глубокимъ по мысли и содержанію, гениальнымъ романомъ, цѣлая бездна. „Повѣсти Бѣлкина“ принадлежали къ числу первыхъ прозаическихъ опытовъ Пушкина, но онъ написалъ тремя годами раньше ихъ „Арапа Петра Великаго“, въ которомъ мы найдемъ не меньше, если не больше, „трезваго пониманія русской дѣйствительности, и любовнаго, хотя и нѣсколько ироническаго отношенія къ ней“, чѣмъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“. И по широтѣ замысла, и по живости изображенія „Арапъ Петра Великаго“, несмотря на то, что Пушкинъ набросалъ изъ него лишь нѣсколько главъ, стоитъ выше „Повѣстей Бѣлкина“, въ которыхъ мы встрѣчаемъ и такое сочиненное лицо, какъ Сильвіо, этотъ послѣдній отголосокъ байроновскаго вліянія на Пушкина, и такія тускляя лица, какъ героиня „Мятели“. Нельзя придавать „Повѣстямъ Бѣлкина“ такого значенія, какое имъ придаетъ Григорьевъ съ точки зрѣнія народности, также и потому, что Пушкинъ обнаружилъ глубокое постиженіе народности гораздо раньше, чѣмъ написалъ эти „Повѣсти“: въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, въ „Борисѣ Годуновѣ“ и т. д. Григорьевъ думалъ, что семейную хронику Гриневыхъ („Капитанскую Дочку“) писалъ тотъ же Бѣлкинъ, но ее писалъ Гриневъ, котораго ужъ никакъ нельзя смѣшивать съ безцвѣтнымъ, робкимъ, недалекимъ и забавнымъ Иваномъ Петровичемъ. Григорьевъ, однако, сдѣлалъ это и тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности ясно опредѣлить общій характеръ и значеніе „Капитанской Дочки“ и ея отношеніе къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ и къ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Пушкина ¹. Несмотря на эти пробѣлы, тѣ отрывочныя замѣчанія, которыя разбросаны о „Капитанской Дочкѣ“ въ статьяхъ Григорьева, составляютъ все-таки положительно самыя цѣныныя отзывы объ этомъ романѣ изъ всего того, что говорилось о немъ непосредственно послѣ Гоголя. Этимъ опредѣляется и заслуга Григорьева, какъ истолкователя пушкинской прозы.

¹ Такъ, напримѣръ, Григорьевъ совершенно ошибочно старается втиснуть „Капитанскую Дочку“ въ рамки той семейной идилліи, о воспроизведеніи которой Пушкинъ мечталъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Нужно-ли доказывать, что—

Любови плѣнительные слы

И правы нашей старшны—

далеко не исчерпываютъ содержанія пушкинскаго романа: Пугачевъ, Хлопуша, Швабринъ, мятежные казаки, картины взятія крѣпости, мученической смерти Пвана Кузьмича и Пвана Игнатьевича, сцена дуэли, прирушка самозванца въ Бердѣ и пр. и пр. — все это довольно трудно подогнать подъ ту программу, которую набросалъ для себя Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, но которой ему не суждено было выполнить

Отъ взглядовъ Григорьева на „Капитанскую дочку“ всего естественнѣе перейти ко взглядамъ Н. Н. Стрхова. Г. Стрховъ такъ же, какъ и Григорьевъ, придаетъ громадное значеніе типу пушкинскаго Ивана Петровича Бѣлкина. Разъясняя „открытіе“, сдѣланное Григорьевымъ относительно внутренняго смысла этого типа, г. Стрховъ говоритъ: „протестъ противъ высокопарныхъ мечтаній, противъ увлеченія мрачными и блестящими типами, выразился у Пушкина любовью къ простымъ типамъ, способностью къ умѣренному пониманію и чувствованію“. Одной поэзіи Пушкинъ противопоставилъ другую, Байрону—Бѣлкина. Будучи великимъ поэтомъ, онъ спустился со своей высоты и сѣумѣлъ такъ подойти къ бѣдной дѣйствительности, его окружавшей и невольно имъ любимой, что она открыла ему всю поэзію, какаѣ только въ ней была“. Въ другомъ мѣстѣ г. Стрховъ говоритъ: „Пушкинъ въ созданіи этого типа совершилъ величайшій поэтический подвигъ, ибо, чтобы понимать предметъ, нужно стать къ нему въ надлежащее отношеніе, и Пушкинъ нашелъ такое отношеніе къ предмету, который былъ вовсе неизвѣстенъ и требовалъ всей силы его зоркости и правдивости. „Капитанскую дочку“ нельзя рассказывать въ иномъ тонѣ и съ инымъ взглядомъ, чѣмъ какъ она рассказана, иначе въ ней все будетъ искажено и извращено. Наше русское, типовое, нашъ душевный типъ, здѣсь въ первый разъ былъ воплощенъ въ поэзію, но явился въ столь простыхъ и малыхъ своихъ формахъ, что потребовалъ особаго тона и языка. Пушкинъ долженъ былъ измѣнить возвышенный строй своей лиры. Для тѣхъ, кто не понималъ смысла этой перемѣны, она показалась шалостью поэта, недостаткомъ его генія, но тутъ-то и обнаружилась гениальная широта взгляда и вполне самобытная сила творчества нашего Пушкина“.

Считая „открытіе“ важнаго значенія Бѣлкина въ пушкинскомъ творествѣ главною заслугою Григорьева, г. Стрховъ впадаетъ въ ту же ошибку, въ какую впасть и Григорьевъ, то-есть, придаетъ Бѣлкину слишкомъ широкое значеніе и примѣшиваетъ его къ такимъ созданіямъ поэта, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Можно найти и въ остальныхъ замѣчаніяхъ г. Стрхова о „Капитанской дочкѣ“ не мало общаго съ Григорьевымъ. Но г. Стрховъ не ограничился, подобно Григорьеву, общимъ опредѣленіемъ значенія „Капитанской дочки“, онъ сдѣлалъ еще и ея характеристику; въ этой характеристикѣ многое подмѣчено и угадано очень вѣрно, но кое-что требуетъ провѣрки и оговорокъ.

Съ точки зрѣнія г. Страхова, „Капитанская дочка“ не историческій романъ; она не имѣетъ въ виду обрисовать былую жизнь, и лица, игравшія важную роль въ исторіи. „Пугачевъ, Екатерина, говоритъ г. Страховъ: являются у Пушкина мелькомъ и то въ немногихъ сценахъ. Главное вниманіе сосредоточено на событіяхъ частной жизни Гриневыхъ и Мироновыхъ; историческія событія описаны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они прикасались къ жизни этихъ простыхъ людей. „Капитанская дочка“ есть, собственно говоря, хроника семейства Гриневыхъ. Впослѣдствіи у насъ явилось немало подобныхъ хроникъ, между которыми высшее мѣсто занимаетъ „Семейная хроника“ С. Т. Аксакова“. Объясняя, что слѣдуетъ разумѣть подь *семейною хроникой*, какъ художественнымъ произведеніемъ, г. Страховъ говоритъ: „Этотъ своеобразный родъ, котораго нѣтъ въ другихъ словесностяхъ, и идея котораго долго тревожила Пушкина и, наконецъ, была осуществлена имъ, можетъ быть характеризованъ двумя особенностями, на которыя указываетъ его названіе. Во-первыхъ, это—*хроника*, то-есть, простой, безхитростный рассказъ, безъ всякихъ завязокъ и запутанныхъ приключеній, безъ наружнаго единства и связи. Эта форма, очевидно, проще, чѣмъ романъ,—ближе къ дѣйствительности, къ правдѣ; она хочетъ, чтобы ее принимали за быль, а не за простую возможность. Во-вторыхъ, это—быль семейная, то-есть, не похождения отдѣльнаго лица, на которомъ должно сосредоточиваться вниманіе читателя, а событіе, такъ или иначе, важное для цѣлаго семейства. Для художника какъ-будто одинаково дороги, одинаково героичны—всѣ члены семейства, хроникѣ котораго онъ пишетъ, и центръ тяжести произведенія всегда въ семейныхъ отношеніяхъ, а не въ чемъ-нибудь другомъ. „Капитанская дочка“ есть рассказъ о томъ, какъ Петръ Гриневъ женился на дочери капитана Миронова. Дѣло вовсе не въ любопытныхъ ощущеніяхъ, и всѣ приключенія жениха и невесты касаются не измѣненія ихъ чувствъ, простыхъ и ясныхъ отъ самаго начала, а составляютъ случайныя препятствія, мѣшавшія простой развязкѣ,—не помѣхи страсти, а помѣхи женитьбы; отсюда такая естественная пестрота этого рассказа; романической нити въ немъ, собственно, нѣтъ. Нельзя не подивиться геніальности Пушкина, обнаружившейся въ этомъ случаѣ. „Капитанская дочка“ имѣетъ всѣ вышнія формы романовъ Вальтеръ-Скотта: эпиграфы, раздѣленія на главы и т. п., но, вздумавши подражать, Пушкинъ написалъ произведеніе въ высшей степени оригинальное“.

Видя въ „Капитанской дочкѣ“ нашу первую семейную хронику и считая такую же семейною хроникой „Войну и Миръ“ графа Толстого, г. Страховъ такъ опредѣляетъ высокое достоинство „Капитанской дочки“: „Всѣмъ извѣстно, что это одно изъ драгоценнѣйшихъ достояній нашей литературы. По простотѣ и чистотѣ своей поэзіи это произведение одинаково доступно, одинаково првлекательно для взрослыхъ и дѣтей. На „Капитанской дочкѣ“ (такъ же, какъ на „Семейной хроникѣ“ С. Аксакова), русскія дѣти воспитываютъ свой умъ и свои чувства, такъ какъ учителя безъ всякихъ постороннихъ указаній находятъ, что нѣтъ въ нашей литературѣ книги, болѣе понятной и болѣе занимательной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь серіозной по содержанию и высочай по творчеству“.

Этими замѣчаніями, собственно говоря, и исчерпывается все существенное изъ того, что было высказано г. Страховымъ о „Капитанской дочкѣ“

Разбирая только-что изложенные взгляды уважаемаго критика, нельзя не остановиться, прежде всего, на мнѣніи, въ силу котораго „Капитанская дочка“ не историческій романъ, а семейная хроника. Г. Страховъ основываетъ это мнѣніе на томъ, что у Пушкина былая жизнь и историческія лица будто-бы отодвинуты на задній планъ. На самомъ дѣлѣ они играютъ въ романѣ громадную роль и обрисованы не эскизно, а съ рельефностью и полнотой, не оставляющими желать ничего лучшаго. Пугачевцы и типичные представители военной администраціи, лицаго казачества и помѣщичьяго быта конца прошлаго вѣка занимаютъ въ „Капитанской дочкѣ“ тоже весьма видное мѣсто. Страница, посвященная Екатеринѣ II, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ „Капитанской дочкѣ“. Но намъ еще придется говорить объ этомъ впереди.

Г. Страховъ противопоставляетъ семейную хронику роману и видитъ въ хроникѣ особый родъ художественнаго повѣствованія. Но, во-первыхъ, семейная хроника, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, ибо семейная хроника есть не что иное, какъ та же лѣтопись, но лѣтопись, рамки которой ограничены исторіей одного семейства. Семейная хроника составляетъ одну изъ разновидностей мемуаровъ, то-есть, исторической, а не художественной литературы. То, что называетъ г. Страховъ семейною хроникой есть повѣсть или романъ и отнюдь не составляетъ исключительной особенности нашей словесности. Съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ

г. Страховъ называетъ семейными хрониками „Капитанскую дочку“ и „Войну и Миръ“, можно назвать семейными хрониками „Домби и сына“ Диккенса, „Исторію Пенденниса“ Теккерея и т. д. Трудно также согласиться со взглядомъ г. Страхова на психологію „Капитанской дочки“. Эта психологія далеко не такъ проста, какъ онъ полагаетъ; она не выставляется на показъ и не бьетъ въ глаза, но по своей глубинѣ и сложности стоитъ несравненно выше психологическаго анализа всѣхъ новѣйшихъ и всѣми признанныхъ художниковъ-психологовъ. Г. Страховъ высоко ставитъ значеніе „Капитанской дочки“ и не повторяетъ ошибочныхъ замѣчаній Бѣлинскаго, но онъ все-таки не вполне оцѣнилъ достоинства этого романа, ибо низвелъ его на степень какого-то уже черезчуръ безхитростнаго и почти безсвязнаго повѣствованія о женитьбѣ Петра Гринева. Г. Страховъ упустилъ изъ виду, что въ тѣсныхъ рамкахъ этого разсказа у Пушкина отразилась Россія прошлаго вѣка, и что фабула „Капитанской дочки“ отнюдь не отличается простотой. „Запутанныхъ приключеній“ въ „Капитанской дочкѣ“ не меньше, чѣмъ въ любомъ романѣ Вальтеръ-Скотта. Вообще, подогнать „Капитанскую дочку“ подъ тотъ видъ художественныхъ произведеній, которымъ г. Страховъ даетъ названіе семейныхъ хроникъ, положительно невозможно.

То, что говоритъ г. Страховъ о „Капитанской дочкѣ“ и объ ея языкѣ и общедоступности, совершенно вѣрно.

Если г. Страховъ и Григорьевъ, по своимъ взглядамъ на „Капитанскую дочку“, всего ближе подходятъ къ Гоголю, то авторъ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“, Чернышевскій, какъ критикъ „Капитанской дочки“, напоминаетъ Бѣлинскаго. Чернышевскій, такъ же какъ и Бѣлинскій, не понималъ значенія пушкинской прозы. По его мнѣнію, отцомъ русской прозы былъ Гоголь. „Онъ (Гоголь) не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ; ему одному наша проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми своими успѣхами“. При этомъ Чернышевскій не дѣлаетъ исключенія даже для прозаическихъ сочиненій Пушкина. Пушкинъ, съ его точки зрѣнія, не заслуживаетъ названія ни предшественника, ни помощника Гоголя въ дѣлѣ созданія русской прозы. „Прозаическія сочиненія Пушкина, говоритъ Чернышевскій, далеко не имѣютъ того значенія въ исторіи литературы, какъ его сочиненія, писанныя стихами. „Капитанская дочка“ и „Дубровский“—повѣсти

въ полномъ смыслѣ слова превосходныя. Но укажите, въ чемъ отразилось ихъ вліяніе, гдѣ школа писателей, которыхъ можно было бы назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика? Но главное—Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаикъ. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина, если не считать нѣкоторыхъ отрывковъ, были напечатаны „Повѣсти Бѣлкина“; но всѣ согласятся, что эти „Повѣсти“ не имѣли большаго художественнаго достоинства. Затѣмъ до 1836 года была напечатана только „Пиковая дама“ (въ 1834 г.). Никто не сомнѣвается въ томъ, что эта небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности. Между тѣмъ Гоголемъ были напечатаны „Вечера на хуторѣ“ (1831—1832 гг.), „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ (1833 г.), „Миргородъ“ (1835 г.), то-есть, все, что впослѣдствіи составило двѣ первыя части его сочиненій; кромѣ того, въ „Арабескахъ“ (1835 г.),—„Портретъ“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго“. Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ „Капитанскую дочку“, но въ томъ же году явился „Ревизоръ“, и, кромѣ того, „Коляска“, „Утро дѣловаго человѣка“ и „Носъ“. Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ „Ревизоръ“, были извѣстны публикѣ, когда она знала только „Пиковую даму“ и „Капитанскую дочку“. „Арапъ Петра Великаго“, „Лѣтопись села Горюхина“, „Сцена изъ рыцарскихъ временъ“ были напечатаны въ 1837 году, по смерти Пушкина, а „Дубровскій“ только въ 1841 году. Публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя, прежде нежели познакомилась съ произведеніями Пушкина, какъ прозаика“ („Очерки гоголевскаго періода“, стр. 15—16). Въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій говоритъ, что наша литература обязана своею самостоятельностью преимущественно Гоголю, потому что произведенія Пушкина все еще очень близко напоминаютъ Шекспира, Байрона, или Вальтеръ-Скотта, изъ романовъ котораго, по мнѣнію критика, возникла и „Капитанская дочка“.

Вотъ собственно и все, что высказалъ Чернышевскій объ одномъ изъ величайшихъ твореній Пушкина. Онъ отзывается о немъ, конечно, съ большими похвалами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ понять, что его нельзя признать вполне самостоятельнымъ и что оно уступаетъ лучшимъ вещамъ Гоголя. Чернышевскій нигдѣ не говоритъ, чтобы Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку“ подъ замѣтнымъ вліяніемъ Гоголя, но послѣдователи Чернышев-

скаго не разъ дѣлали именно этотъ выводъ изъ хронологическихъ сопоставленій своего учителя.

Главная ошибка Чернышевскаго заключается въ томъ, что онъ, увлекаясь сатирическимъ плп, какъ онъ выражался, критическимъ направленіемъ Гоголя, не понялъ значенія пушкинской прозы и не видѣлъ въ ней ничего, кромѣ столь ненавистнаго ему служенія чистому искусству. Желая выдвинуть на первый планъ Гоголя и умалить значеніе Пушкина, какъ прозаика, Чернышевскій проглядѣлъ, какой крупный шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ русской прозѣ „Повѣстями Бѣлкина“, этою попыткой правдиваго изображенія дѣйствительности. „Если Григорьевъ и г. Страховъ придали чрезмѣрно большое значеніе этимъ повѣстямъ такъ же, какъ и типу Бѣлкина, то Чернышевскій повторилъ ошибку Бѣлинскаго, не замѣтивъ новаторскихъ стремленій Пушкина ни въ „Выстрѣлъ“, ни въ „Барышнѣ-крестьянкѣ“, ни въ „Станціонномъ смотрителѣ“, ни въ „Мятелѣ“, ни въ „Гробовщикѣ“. Чернышевскій упустилъ изъ виду, что переворотъ, произведенный Гоголемъ въ русской литературѣ, былъ предугаданъ и предрѣшенъ Пушкинымъ гораздо раньше Гоголя. „Арапъ Петра Великаго“, „Рославлевъ“, „Лѣтопись села Горохина“ и нѣкоторые другіе прозаическіе отрывки Пушкина были написаны имъ прежде, чѣмъ онъ познакомился съ гоголевскою прозою. Пушкинъ шелъ, какъ прозаикъ, своимъ особеннымъ, отдѣльнымъ отъ Гоголя путемъ, причемъ иногда велъ Гоголя за собою и вдохновлялъ его, передавая ему планы задуманныхъ сочиненій („Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“). Вліяніе Пушкина, какъ автора „Евгенія Онегина“, „Бориса Годунова“, „Графа Нулина“, „Домика въ Коломнѣ“, „Сказокъ“, „Утопленника“, „Бури“ и т. д. и т. д.—несомнѣнно сказалось на Гоголѣ. Несомнѣнно сказалось также и вліяніе прозаическихъ сочиненій Пушкина на Гоголѣ, но доказать, что Гоголь имѣлъ вліяніе на Пушкина, едва-ли кому-нибудь удастся. Правда, „Капитанская дочка“ вышла въ свѣтъ позже цѣлаго ряда повѣстей и рассказовъ Гоголя, но всѣ они стоятъ и въ художественномъ отношеніи, и по всестороннему и трезвому пониманію исторіи, народности, русской жизни и человѣческаго сердца неизмѣримо ниже ея. Замѣчаніе, вскользь брошенное Чернышевскимъ объ отношеніи Пушкина къ Вальтеръ-Скотту, по своей бездоказательности, не заслуживаетъ разбора, хотя и повторялось много разъ, какъ нѣчто серіозное. Настоящую цѣну этого замѣчанія мы опредѣлимъ впоследствии, когда будемъ говорить о вліяніи Вальтеръ-Скотта на Пушкина.

Изъ отзывовъ о „Капитанской дочкѣ“, появившихся въ послѣдніе годы, мы отмѣтимъ лишь то, что высказали о ней г. Скабичевскій въ статьѣ „Русскій историческій романъ“ (см. его Собраніе сочиненій) и г. Незеленовъ въ статьѣ „Кѣмъ и почему пропущена одна глава изъ повѣсти „Капитанская дочка“ (см. „Шесть статей о Пушкинѣ“). Какъ извѣстно, г. Скабичевскій принадлежитъ къ той школѣ критиковъ, представителями которой считаются Добролюбовъ, Писаревъ и Чернышевскій. Въ виду этого, а также въ виду не разъ проявлявшагося безвкусія г. Скабичевского, можно было думать, что при разборѣ „Капитанской дочки“ онъ не сумѣетъ возвыситься надъ взглядами своихъ учителей и повторитъ всѣ ихъ промахи съ кой-какими прибавленіями. На сей разъ г. Скабичевскій, однако, измѣнилъ самому себѣ, и хотя не понялъ многого въ лучшемъ романѣ Пушкина, но за то многое оцѣнилъ совершенно правильно. Сущность взгляда г. Скабичевского на „Капитанскую дочку“ сводится вотъ къ чему:

„Капитанская дочка“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Пушкина. Въ ней поэтъ обнаружилъ „историческое безпристрастіе“, полное „отсутствіе какихъ-либо историческихъ словословій“, „глубину пониманія“, „трезвый реализмъ“, „геніальную иронію“ и ясный, прозрачный, лаконически-сжатый языкъ, доведенный до послѣдней степени простоты. Проводя параллель между „Капитанскою дочкою“ и „Тарасомъ Бульбой“, слѣдуетъ придти къ заключенію, что романъ Пушкина выше романа Гоголя. „Если сравнить, какое впечатлѣніе производитъ „Тарасъ Бульба“, съ впечатлѣніемъ, производимымъ „Капитанскою дочкою“, то „передъ вами сейчасъ же предстанетъ все то громадное различіе, которое существуетъ между южнымъ типомъ поэзіи малороссійской и сѣвернымъ великороссійской“. Пушкинъ остерегался сказать хоть одно лишнее слово и чуждался какого-бы то ни было поднятія тона. Какъ русскій человекъ сѣвера, онъ точно стыдился выражать свои чувства громко и цвѣтисто и любилъ блистать сдержанностью и неизмѣнно ровнымъ, холоднымъ, объективнымъ безпристрастіемъ. Творецъ „Тараса Бульбы“, напротивъ того, выражается цвѣтистымъ языкомъ, уснащеннымъ крайне рискованными эпитетами и метафорами, что еще болѣе удлиняетъ и безъ того длинные періоды; къ тому же въ этихъ періодахъ слова всегда бываютъ расположены такъ, что слогъ принимаетъ совершенно пѣвучій, словно размѣренный, тонъ. Читая нѣкоторые стихи Пушкина (напримѣръ, „Евгенія Онѣ-

гина“), вы имѣете дѣло съ простою, разговорною рѣчью и совершенно забываете, что это стихи; только рѣмы напоминаютъ объ этомъ. Читая же иную прозу Гоголя, особенно его описанія природы, вы забываете, что это проза, а не стихи. Музыка рѣчи порою до того увлекаетъ Гоголя, что онъ забываетъ изъ-за нея дѣйствительность и далеко переходитъ за предѣлы реальности“. Изъ этого г. Скабичевскій дѣлаетъ тотъ выводъ, что считать Гоголя родоначальникомъ натурализма въ Россіи—большое заблужденіе. „Инициатива истиннаго натурализма, этого сѣвернаго типа поэзіи, безпорно принадлежитъ Пушкину (конечно, въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности, и особенно въ его прозаическихъ произведеніяхъ). Гоголь же, выступившій вполне на поприщѣ натурализма только въ 30-хъ годахъ, созданіемъ „Миргорода“,—является уже не инициаторомъ, а послѣдователемъ Пушкина, его ученикомъ, воспитавшимся притомъ не только на твореніяхъ своего великаго учителя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подъ вліяніемъ его личныхъ, устныхъ наставленій... Однимъ словомъ,—въ лицѣ Пушкина сѣверный геній покорилъ своему неотразимо-энергическому, мужскому вліянію блестяще яркій, но женственно мягкій южный геній, олицетвореніемъ котораго является Гоголь“.

Дѣлая сблженіе между пушкинскимъ и гоголевскимъ юморомъ, г. Скабичевскій говоритъ, что добродушный, тонкій и чисто народный юморъ „Капитанской дочки“ до сихъ поръ еще не оцѣненъ въ должной мѣрѣ, хотя онъ и не уступаетъ юмору Гоголя.

Останавливаясь на разборѣ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“, г. Скабичевскій осыпаетъ Пушкина похвалами, и хотя про нѣкоторыя изъ нихъ и можно сказать:

Не поздоровится отъ такихъ похвалъ,—

но кое-что г. Скабичевскій и тутъ подмѣтилъ вѣрно. Его приводятъ въ восторгъ, какъ художественные образы, и пушкинскій Пугачевъ, который, „словно какъ какой-то мнѣической духъ грозы и бури, внезапно вырисовывается изъ мутной мглы бурана“, и Марья Ивановна, и молодой Гриневъ. Всѣхъ ихъ г. Скабичевскій считаетъ мастерски очерченными, вполне живыми лицами. Но онъ не понялъ, что хотѣлъ сказать имп. Пушкинъ. Пугачевъ обазывается у г. Скабичевского самымъ зауряднымъ бродягой и плутомъ, который при иныхъ условіяхъ навсегда остался бы обыкновеннымъ конокрадомъ, молодой Гриневъ—мелкой на-

турой, а Марья Ивановна—простой, будничной дѣвушкой, какими изобиловали всѣ захолустья конца прошлаго вѣка. На Марью Ивановну г. Скабичевскій смотритъ рѣшительно свысока и говорить о ней не безъ презрительной ироніи, что не мѣшаетъ ему такъ отзываться о ней въ одномъ мѣстѣ: „Марья Ивановна—дѣвушка безъ всякой аффектаціи и сентиментальности, у которой любовь и замужество соединяются въ одно неразрывное понятіе, и которая видитъ въ этомъ серьезное и, можно даже сказать, религіозное дѣло всей жизни“.

О другихъ дѣйствующихъ лицахъ „Капитанской дочки“ г. Скабичевскій упоминаетъ лишь мимоходомъ, но онъ уже не повторяетъ упрека, сдѣланнаго Пушкину Бѣлинскимъ за Швабрина: онъ не находитъ Швабрина малодраматическимъ злодѣемъ, а видитъ въ немъ прекрасно схваченный типъ коварнаго, деморализованнаго бреттера временъ Екатерины II.

Такимъ образомъ г. Скабичевскій разошелся съ Бѣлинскимъ и съ Чернышевскимъ. Его параллель между прозой Пушкина и прозой Гоголя совершенно вѣрна; вѣрно также и все то, что онъ говоритъ объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Гоголемъ. Но „Капитанскую дочку“, какъ и вообще пушкинскую прозу, нельзя считать порожденіемъ чистаго реализма. Въ ней безусловно преобладаетъ художественный идеализмъ. Нечего и говорить о томъ, что высокомѣрное отношеніе г. Скабичевского къ такимъ выдающимся личностямъ, какъ Марья Ивановна, молодой Гриневъ и пушкинскій Пугачевъ, крайне наивно. Бѣлинскій старался опозлить дочь капитана Миронова и ея жениха въ силу предвзятой идеи, — въ силу своего непреодолимаго отвращенія къ тѣмъ идеаламъ, представителями которыхъ они являются, г-нъ же Скабичевскій просто проглядѣлъ возвышенныя качества ума и характера Петра Андреевича Гринева и Марьи Ивановны Мироновой, хотя, какъ мы видѣли, и догадывался по временамъ, что пушкинская героиня не совсѣмъ обыкновенная дѣвушка.

Оцѣнка „Капитанской дочки“, сдѣланная г. Незеленовымъ, носитъ на себѣ отпечатокъ вліянія Григорьева и г. Страхова и является развитіемъ вскользь брошеннаго замѣчанія Анненкова о томъ, что пушкинскій романъ имѣетъ: „теплоту и прелесть историческихъ записокъ“.

„Между великими созданіями Пушкина, говоритъ г. Незеленовъ повѣсть „Капитанская дочка“ занимаетъ несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ... Она носитъ на себѣ явные признаки полнаго

расцвѣта таланта великаго поэта. Она замѣчательна, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что въ ней Пушкинъ съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ простымъ русскимъ людямъ, къ нашей старинѣ, къ нашей обыденной дѣйствительности, съумѣвши открыть въ ней безсмертную нравственную красоту; во-вторыхъ, по своей художественности. Художественность сказалась не только въ томъ обстоятельстве, что герои повѣсти какъ живые возникаютъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ, но еще въ большемъ: ведя рассказъ отъ лица Гринева (повѣсть имѣетъ форму его записокъ), Пушкинъ до такой степени входитъ самъ въ нравственное бытіе своего героя, влѣзаетъ, какъ говорится, въ его кожу, что совершенно почти скрывается за личностью добродушнаго и любящаго просвѣщеніе, нѣсколько наивнаго, но обладающаго здравымъ умомъ, помѣщика конца прошлаго вѣка (здѣсь, можетъ быть, и начало слабой стороны „Капитанской дочки...“) Мы видимъ въ повѣсти съ осязательною очевидностью взгляды и убѣжденіе Гринева, его сочувствія и антипатіи, степень его просвѣщенія, его литературныя знанія (последнее, напримѣръ, въ эпитафияхъ къ отдѣльнымъ главамъ произведенія, въ различныхъ ссылкахъ). Чрезвычайно замѣчателенъ языкъ, слогъ повѣсти: къ нему какъ нельзя болѣе примѣнимо извѣстное положеніе—слогъ это чело-вѣкъ: въ спокойномъ и вмѣстѣ живомъ теченіи простой, не изысканной рѣчи, въ употребленіи устарѣлыхъ „сей“ и „оный“, въ попадающихся порою неправильныхъ оборотахъ—такъ и видится Гринева. По всѣмъ этимъ причинамъ „Капитанская дочка“ — верхъ художественнаго совершенства: въ повѣсти нѣтъ ни одного неумѣстно поставленнаго слова, и ни одного слова нельзя изъ нея исключить.⁴ ¹

Г. Незеленовъ правъ, указывая на строгое соотвѣтствіе формы „Капитанской дочки“ съ ея содержаніемъ. Но трудно понять, почему онъ считаетъ слабою стороною „Капитанской дочки“ то, что Пушкинъ почти скрывается за личностью Гринева. Поэтому-то именно „Капитанская дочка“ и дышитъ „теплотою и прелестью историческихъ записокъ“, что Пушкинъ нигдѣ не измѣнилъ разъ взятому имъ тону воспоминаній очевидца и героя описываемыхъ въ романѣ происшествій. Къ тому же самъ г. Незеленовъ признаетъ, что Пушкинъ не скрывается совершенно за личностью Гринева: онъ зачастую высказываетъ его устами свои

⁴ Незеленова „Шесть статей о Пушкинѣ“, стр. 96 и 97.

мысли и придаетъ всему повѣствованію такую жизнь, рельефность и красоту, какую могли бы имѣть воспоминанія Гринева развѣ только въ томъ случаѣ, если бы онъ обладалъ талантомъ Пушкина. Вѣдь „Капитанская дочка“ не поддѣлка подъ мемуары, и Пушкинъ никого не хотѣлъ ввести въ заблужденіе, приписывая ее въ своемъ послѣсловіи Гриневу. „Капитанская дочка“— это въ полномъ смыслѣ слова историческій романъ, написанный въ стилѣ мемуаровъ.

Ужь не намекаетъ-ли г. Незеленовъ, говоря о слабой сторонѣ „Капитанской дочки“, на то, что Пушкинъ не могъ въ своемъ романѣ, скрывшись за личность Гринева, объяснить тѣ сложныя причины, которыя вызвали пугачевщину и ея историческое значеніе? Намъ приходилось слышать и такой упрекъ великому поэту. Но, во-первыхъ, Гринева описываетъ все то, что онъ видѣлъ и пережилъ, безъ малѣйшаго желанія превращаться въ глубокомысленнаго историка и политика. Единственная историческая справка, которую онъ даетъ въ началѣ шестой главы „Капитанской дочки“ о положеніи оренбургскаго края въ концѣ 1773 года и раньше, имѣетъ характеръ небольшой вставки, сдѣланной для читателей, совершенно незнакомыхъ съ исторіей пугачевского бунта, вставки, составляющей сжатое изложеніе всего того, что говоритъ Пушкинъ въ своей монографіи о причинахъ мятежа. Гринева нигдѣ не умнчаетъ по поводу описываемыхъ имъ событій. Онъ даетъ только рядъ сценъ и картинъ изъ временъ пугачевщины и тогдашней русской жизни, и эти сцены и картины лучше всякихъ разсужденій показываютъ намъ психологію мятежа,—психологію его вожаковъ и панургова стада,— а также и психологію тѣхъ людей, которые вели борьбу съ самозванцемъ. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и тѣни односторонняго изображенія событій и какой-бы то ни было фальши.— Чтобы покончить съ отзывомъ г. Незеленова о „Капитанской дочкѣ“, сдѣлаемъ оговорку объ его фактической ошибкѣ. Онъ ищетъ въ эпиграфахъ къ отдѣльнымъ главамъ романа указаній на литературныя знанія Гринева, упуская изъ виду, что эти эпиграфы въ пушкинскомъ послѣсловіи „Капитанской дочки“ приписываются не Гриневу, а „издателю“ его рукописи.

Г. Незеленовымъ можно завершить обзоръ всего того, что было высказано въ нашей критической литературѣ о „Капитанской дочкѣ“. Онъ вполне подтверждаетъ то, что мы сказали въ началѣ этой главы: „Капитанская дочка“, это чудное, гениальное произведеніе великаго поэта, составляющее гордость и славу

нашей литературы, была почти не замѣчена нашею критикою. „Капитанская дочка“ не вызвала ни одной статьи, посвященной ей всестороннему разбору. О ней говорилось доселѣ только вскользь и между прочимъ, и если собрать все то, что было написано по поводу „Крейцеровой Сопаты“ или „Хозяина и работника“, то окажется, что каждый изъ этихъ рассказовъ графа М. Н. Толстого возбудилъ гораздо больше толковъ и общественнаго вниманія, чѣмъ „Капитанская дочка“, несмотря на то что она читается и перечитывается болѣе полувѣка. Что это доказываетъ? Это доказываетъ, что „Капитанская дочка“, до сихъ поръ составляетъ нѣчто недоступное пониманію громаднаго большинства русскихъ образованныхъ и полубразованныхъ людей. Она опередила свой вѣкъ и будетъ оцѣнена по достоинству только нашимъ потомками. Вотъ разгадка и того явленія, которое подчеркивали Чернышевскій и Анненковъ,—отсутствія подражателей „Капитанской дочкѣ“, отсутствія школы, которая вела бы отъ нея свое начало. „Капитанская дочка“, конечно, и теперь уже оказала извѣстное вліяніе на русскую литературу, тѣмъ не менѣе она все-таки стоитъ въ ней какимъ-то особнякомъ—дивнымъ памятникомъ Пушкинскаго генія, не имѣющимъ среди остальныхъ произведеній русской словесности ничего себѣ подобнаго.

Г Л А В А В Т О Р А Я.

Время созданія „Капитанской дочки“.—Мнѣніе Анненкова и его несостоятельность.—Письма Пушкина къ графу Бенкендорфу по поводу „Исторіи пугачевского бунта“ и задуманнаго романа.—Какіе выводы можно сдѣлать изъ этихъ писемъ?—Наброски общаго плана „Капитанской дочки“.— Два позднѣйшіе наброска были написаны Пушкинымъ послѣ путешествія на Уралъ.—„Капитанская дочка“ писалась между 1834 и 1836 годами.

Когда Пушкинъ началъ писать, когда онъ окончилъ „Капитанскую дочку“, и чѣмъ отличалась ея первоначальная редакція отъ окончательной? Постараемся отвѣтить на эти вопросы, какъ можно обстоятельнѣе, хотя о точности въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи за отсутствіемъ ясныхъ указаній въ рукописяхъ и письмахъ поэта.

Анненковъ думаетъ, что Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку“ одновременно съ „Исторіей пугачевского бунта“, въ 1833 году „Рядомъ съ своимъ историческимъ трудомъ, говоритъ онъ, Пушкинъ началъ, по неизбѣжному требованію артистической природы, романъ „Капитанская дочка“, который представлялъ другую

сторону предмета: сторону нравовъ и обычаевъ эпохи. Оба произведенія были окончены въ одно время, и когда въ августѣ 1833 года собрался онъ посѣтить Оренбургъ и Казань, то въ числѣ причинъ, побуждавшихъ его къ этой поѣздкѣ, представлялъ и необходимость довершить романъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ его дѣйствіе. Коммерческія соображенія занимаютъ тутъ, какъ и всегда свою долю.“ (Анненкова А. С. *Пушкинъ*, матеріалы для его біографіи, стр. 353 и 354).

Анненковъ при этомъ имѣлъ въ виду черновой набросокъ письма Пушкина къ графу Бенкендорфу, — набросокъ, съ котораго поэтомъ было, вѣроятно, составлено оффиціальное прошеніе объ отпускѣ, какъ лицомъ, состоявшимъ на службѣ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

„Впродолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ,—писалъ поэтъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, игравшему роль посредника между нимъ и императоромъ Николаемъ Павловичемъ,—занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить обѣ сіи губерніи. 30 июля. *Черная рѣчка*“.

Намъ кажется, что Анненковъ не имѣлъ основанія сдѣлать изъ этого письма тѣ выводы, которые имъ были сдѣланы. Онъ впалъ въ ошибку, принявъ за чистую монету все, что говорится въ этомъ письмѣ. Къ тому-же онъ не совсѣмъ вѣрно истолковалъ даже и прямой смыслъ его.

Прежде всего изъ письма не видно, чтобы Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку“ рядомъ съ „Исторіей пугачевского бунта“. По словамъ поэта, онъ *давно* началъ свой романъ, то-есть, задолго до письма отъ 3 іюля 1833 года, но въ теченіе *двухъ послѣднихъ лѣтъ*, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ зачисленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а это, какъ извѣстно, произошло 23 іюля 1831 года, не написалъ ни одной литературной строчки, то-есть, совершенно забросилъ искусство. Слѣдовательно, если

принять за несомнѣнную правду все то, что говорится въ письмѣ съ Черной рѣчки, такъ выйдетъ, что „Капитанская дочка“ была начата не одновременно съ „Исторіей пугачевского бунта“, не въ 1833 году, а гораздо раньше. Пушкинъ, замѣтимъ кстати, говорилъ въ письмѣ съ Черной рѣчки, что ему нужно было только дописать романъ, но слово *дописать* не разъясняетъ намъ, даже приблизительно, какая именно часть романа была готова къ 30 іюля 1833 года: бѣльшая или меньшая?

Но, можетъ быть, Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку“ рядомъ съ „Исторіей пугачевского бунта“ въ концѣ 1833 года. Нельзя сдѣлать и такого предположенія. Во время путешествія по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ бушевала пугачевщина, ему было не до систематическаго труда надъ романомъ; онъ объѣхалъ въ теченіе сентября значительную часть Поволжья и восточной окраины Россіи; въ октябрѣ же и ноябрѣ поѣтъ, проживая въ Болдинѣ, былъ занятъ, судя по всему, исключительно „Исторіей пугачевского бунта“, которая была имъ начерно написана еще въ Петербургѣ. 8 октября 1833 года онъ писалъ женѣ: „Вотъ уже недѣля, какъ я въ Болдинѣ; привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ“. О романѣ ни слова. Очевидно, Пушкинъ и не думалъ писать его въ Болдинѣ. Это подтверждается и вторымъ письмомъ его къ графу Бенкендорфу.

Вернувшись въ концѣ ноября 1833 года въ Петербургъ съ совершенно готовою къ печати рукописью „Исторіи“, Пушкинъ, испрашивая черезъ графа Бенкендорфа Высочайшаго разрѣшенія издать ее въ свѣтъ, писалъ ему 6 декабря: „я думалъ нѣкогда (?) написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ „Исторію пугачевщины“. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволенія представить оную на Высочайшее усмотрѣніе“. Если сопоставить письмо Пушкина отъ 30 іюля 1833 года съ его же письмомъ отъ 6 декабря того же года и придать имъ безусловную вѣру, то нельзя будетъ не придти къ заключеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мнѣніемъ Анненкова о томъ, когда была написана „Капитанская дочка“. Пушкинъ, судя по его перепискѣ съ графомъ Бенкендорфомъ, началъ писать „Капитанскую дочку“ прежде, чѣмъ сталъ посѣщать архивы и изучать по архивнымъ источникамъ и на мѣстѣ событій исторію пугачевщины, во второй же половинѣ 1833 года онъ не кончилъ свой романъ, а наоборотъ, *оставилъ вымыселъ*

и всецѣло посвятилъ себя задуманной монографіи. Значить, и судя по письмамъ Пушкина къ графу Бенкендорфу, „Капитанская дочка“ еще не была доведена до конца, когда „Исторія“ уже была приготовлена къ печати.

Но этого мало: изъ переписки поэта съ графомъ Бенкендорфомъ выясняется, что онъ не только не начиналъ писать „Капитанской дочки“ въ 1833 году и раньше, но что 30 іюля 1833 года

... далъ свободаго романа
(Онъ) съвозъ магическій кристалль
Еще не ясно различаль.

Поэтъ говоритъ въ письмѣ съ Черной рѣчки, что „большая часть дѣйствія романа происходитъ въ Оренбургѣ и Казани“, но въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ ни одного эпизода, за исключеніемъ допроса Гринева и очной ставки его со Швабринымъ, который произошелъ бы въ Казани. Что же касается до Оренбурга, то въ немъ происходитъ лишь то, что описывается въ десятой главѣ повѣсти („Осада города“), да первая встрѣча героя повѣсти съ Рейнсдорпомъ (въ концѣ второй главы). Если допустить, что Пушкинъ былъ вполне искрененъ съ графомъ Бенкендорфомъ, то выйдетъ, что къ августу 1833 года онъ не только не кончилъ „Капитанской дочки“, но и не выработалъ ея плана, хотя уже и думалъ о ней. Можно, конечно, сдѣлать еще одно предположеніе,—предположеніе о томъ, что кромѣ „Капитанской дочки“ Пушкинъ написалъ, а затѣмъ уничтожилъ еще одинъ историческій романъ о пугачевщинѣ, посвященный, главнымъ образомъ, изображенію оренбургской осады и казанскаго разгрома. Но такое предположеніе будетъ ужъ совершенно фантастическимъ. Несмотря на то, мы не считаемъ себя въ правѣ, обсуждая вопросъ о времени созданія „Капитанской дочки“, придавать рѣшающее значеніе перепискѣ Пушкина съ графомъ Бенкендорфомъ и указаніямъ поэта на Оренбургъ и Казань, какъ на мѣсто дѣйствія романа. Дѣло въ томъ, что письмо отъ 30 іюля 1833 года Пушкинъ писалъ не безъ задней мысли и былъ при этомъ далекъ отъ желанія посвятить графа Бенкендорфа во всѣ свои литературные замыслы. Поэтому весьма рискованно искать разгадки занимающаго насъ вопроса въ письмѣ съ Черной рѣчки. Это письмо нуждается въ самой тщательной проверкѣ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько явныхъ несообразностей, которыя допустилъ поэтъ для того, чтобы склонить графа Бенкендорфа на свою сторону и добиться разрѣшенія прожить нѣкоторое время въ Болдинѣ, посѣтивъ тотъ край, гдѣ разыгралась

пугачевщина. Все это легко может быть доказано путем подробнаго изученія письма.

Въ этомъ письмѣ Пушкинъ говорить, будто за послѣдніе два года онъ не написалъ „ни одной чисто литературной строчки“, а между тѣмъ, именно въ это время онъ написалъ „Пѣсни западныхъ славянъ“, „Русалку“, „Дубровскаго“, не считая другихъ, не столь значительныхъ поэтическихъ произведеній. Но Пушкинъ умолчалъ объ этомъ въ письмѣ къ Бенкендорфу. Почему? Объ этомъ мы будемъ говорить дальше.

Добиваясь отпуска и хорошо зная литературные взгляды графа Бенкендорфа, великій художникъ называлъ свое служеніе искусству „суетными занятіями“ и оправдывалъ его денежными расчетами. Говорить-ли, что и въ этомъ случаѣ онъ писалъ не то, что думалъ? Доказывать-ли, что поэтъ взводилъ на себя напраслину, увѣряя, будто „ему совѣстно тратить время“ на поэтическое творчество?

Анненковъ вдался въ обманъ, въ который Пушкинъ умышленно хотѣлъ ввести графа Бенкендорфа, и подчеркнуть „коммерческія соображенія“ поэта при созданіи „Капитанской дочки“. Но въ чемъ же проявились эти „коммерческія соображенія“? Пушкинъ зналъ цѣну деньгамъ и не принадлежалъ къ защитникамъ безвозмездности литературнаго труда, держась того взгляда, что

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать,—

тѣмъ не менѣе, онъ не издалъ „Капитанской дочки“ отдѣльною книгой, а напечаталъ ее, три года спустя послѣ окончанія „Исторіи пугачевского бунта“, въ своемъ „Современникѣ“. Въ виду этого, налегать на „коммерческія соображенія“ Пушкина, когда идетъ рѣчь о „Капитанской дочкѣ“, нѣтъ никакого основанія.

Въ письмѣ съ Черной рѣчки бросается въ глаза вотъ еще какая странность: Пушкинъ говорить, что ему нужно было уединиться въ деревню для окончанія романа, а попавъ въ Болдино, онъ пишетъ тамъ свою „Исторію“. Предпринимая путешествіе на Волгу и Уралъ, онъ имѣлъ въ виду, конечно, собраніе письменныхъ памятниконъ и устныхъ преданій не только для „Капитанской дочки“, но и для своей монографіи о пугачевщинѣ. Но онъ скрылъ это отъ графа Бенкендорфа. Въ письмѣ отъ 30-го іюля онъ упоминалъ только о романѣ, о своемъ же историческомъ трудѣ довелъ до свѣдѣнія шефа жандармовъ только по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1833 года. Чѣмъ объяс-

няется это? Это объясняется, вмѣстѣ съ другими особенностями письма съ Черной рѣчки, служебнымъ, подневольнымъ положеніемъ Пушкина, его отношеніями къ графу Бенкендорфу и тѣмъ недовѣріемъ, которое онъ питалъ къ его уму и сердцу. Этимъ же недовѣріемъ объясняется и то, что Пушкинъ утаилъ отъ графа Бенкендорфа въ письмѣ отъ 30-го іюля, что задуманный романъ предполагаетъ посвятить изображенію пугачевщины.

Дѣло вотъ въ чемъ. Пушкинъ хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга для того, чтобы увидѣть тотъ край, въ которомъ разыгрался мятежъ, и закончить на досугѣ свою „Исторію“. Если бы онъ откровенно заявилъ объ этомъ графу Бенкендорфу, тотъ могъ бы возбудить вопросъ, подобаешь-ли правительству поощрять такія занятія, какъ изученіе пугачевского бунта, и не рисковано-ли поручать ихъ Пушкину, политическая благонадежность котораго, съ точки зрѣнія Третьяго Отдѣленія, все еще подлежала нѣкоторому сомнѣнію. Опасаясь, что графъ Бенкендорфъ усмотритъ въ собраніи преданій и письменныхъ памятниковъ о пугачевскомъ бунтѣ не только праздное, но и вредное препровожденіе времени, Пушкинъ счелъ ненужнымъ сообщать ему истинную цѣль своего путешествія¹. Вотъ разгадка того, на первый взглядъ страннаго обстоятельства, что въ письмѣ отъ 30 іюля ничего не говорится ни объ „Исторіи пугачевского бунта“, надъ которой тогда работалъ Пушкинъ, ни о пугачевщинѣ. Поэтъ прибѣгнулъ къ ссылкѣ на романъ, дѣйствіе котораго происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, какъ къ самому подходящему средству для того, чтобы получить разрѣшеніе на предполагаемую поѣздку. Но такъ

¹ Пушкинъ основывался въ данномъ случаѣ не на однихъ предположеніяхъ, но и на опытѣ. Въ іюлѣ 1827 года онъ представилъ графу Бенкендорфу, въ числѣ другихъ произведеній, и „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“. Что это были за пѣсни, составляли-ли онѣ оригинальный поэтический трудъ Пушкина, къ сожалѣнію, утраченный, или онѣ были не сочинены, а только записаны имъ, подобно тѣмъ народнымъ пѣснямъ, которыя были найдены въ его бумагахъ, — этотъ вопросъ до сихъ поръ остается спорнымъ. Отвѣтъ графа Бенкендорфа дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ первое изъ этихъ предположеній, такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается не только цензурный запретъ, но и критическій отзывъ о „Пѣсняхъ“, который едва ли бы имѣлъ мѣсто, если бы дѣло шло о созданіяхъ народной поэзіи. Графъ Бенкендорфъ писалъ, что онъ, „при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанию своему неприличны для напечатанія, и что, сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина равно, какъ и Пугачева“. (*Русская Старина*, 1874 г. № 8). Это письмо графа Бенкендорфа было для Пушкина своего рода „внушеніемъ“ держаться подальше отъ изученія и художественнаго воспроизведенія жизни и мятежей Стеньки Разина и Пугачева.

какъ поэтъ зналъ, что люди, подобные графу Бенкендорфу, относились весьма пренебрежительно къ его поэтическимъ трудамъ, то онъ и старался склонить его на свою сторону „коммерческими соображеніями“, которыя были для графа Бенкендорфа вразумительнѣе и доступнѣе соображеній литературнаго и научнаго свойства. Пушкинъ обратился къ „коммерческимъ соображеніямъ“, между прочимъ, и потому, что графъ Бенкендорфъ могъ задать себѣ вопросъ: подобаешь-ли чиновнику, состоящему при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и получающему казенное жалованье за архивныя разысканія, терять время на отдаленныя экскурсіи ради какихъ-то „побасенокъ“? Будучи невысокаго мнѣнія о графѣ Бенкендорфѣ, но находясь отъ него въ немалой зависимости, Пушкинъ примѣнялся къ уровню его понятій. Отсюда и тотъ пренебрежительный тонъ, которымъ говоритъ поэтъ объ искусствѣ, которому онъ посвятилъ свою жизнь... На невеселыя мысли о положеніи Пушкинна и объ его „жестокомъ вѣкѣ“ наводитъ письмо съ Черной рѣчки. Если-бы Пушкинъ могъ обратиться непосредственно къ Императору Николаю со своею просьбой, все уладилось бы безъ малѣйшихъ затрудненій. Но Пушкинъ, съ его благородною гордостью и щепетильною деликатностью, не любилъ беспокоить Государя безъ крайней необходимости. Къ тому же онъ не настолько былъ близокъ ко Двору, чтобы говорить съ Императоромъ обо всѣхъ своихъ литературныхъ начинаніяхъ.

Все сказанное, надѣмся, объясняетъ, почему мы не считаемъ возможнымъ придавать письмамъ Пушкина къ графу Бенкендорфу рѣшающаго значенія по вопросу о томъ, когда была написана „Капитанская дочка“. Что къ концу 1833 года „Капитанская дочка“ не была еще написана даже вчернѣ, мы основываемся не на этихъ письмахъ, или, по крайней мѣрѣ, не на нихъ однихъ, а на цѣломъ рядѣ другихъ соображеній, основательность которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Вотъ эти соображенія:

Въ одной изъ первоначальныхъ программъ романа, получившаго впоследствии названіе „Капитанской дочки“, Пушкинъ проектировалъ для него такую фабулу: „Шванвичъ за буйство сосланъ въ гарнизонъ. Степная крѣпость. Подступаетъ Пугачевъ. Шванвичъ передаетъ ему крѣпость. Взятіе крѣпости. Шванвичъ дѣлается сообщникомъ Пугачева. Ведетъ свое отдѣленіе въ Нѣжнѣй. Спасаетъ сосѣда отца своего. Чика между тѣмъ чуть было не повѣсилъ стараго Шванвича. Шванвичъ привозитъ сына въ Петербургъ. Орловъ выпрашиваетъ ему прощеніе“. Изъ этой

программы, помѣченной 31 января 1833 года, видно, что первоначальный планъ историческаго романа изъ временъ пугачевщины имѣлъ очень мало общаго съ „Капитанскою дочкою“. Въ этомъ планѣ нѣтъ и рѣчи ни о семьѣ Гриневыхъ, ни о семьѣ Мироновыхъ, ни о Савельичѣ. Главнымъ героемъ романа предполагалось сдѣлать Шванвича, то-есть, Швабрина и вывести въ романѣ нѣкоторыхъ лицъ и нѣкоторые эпизоды, которыхъ нѣтъ въ „Капитанской дочкѣ“. Такъ Пушкинъ сначала думалъ сдѣлать Шванвича предателемъ крѣпости и начальникомъ пугачевского отряда, идущаго къ Нижнему-Новгороду, столкнуть пугачевского генерала Чику (Ивана Зарубина) съ отцомъ Шванвича, и, наконецъ, закончить романъ изображеніемъ Орлова, а также, вѣроятно, и петербургскаго Двора. Изъ всей этой программы въ „Капитанской дочкѣ“ уцѣлѣли лишь ссылка Швабрина въ степной гарнизонъ (но не за буйство, а за дуэль) и картина степной крѣпости. Въ спасеніи Шванвичемъ сосѣда своего отца можно видѣть какъ-бы первый намекъ на содержаніе добавочной главы „Капитанской дочки“, а изъ заключительной части программы нужно сдѣлать выводъ, что Пушкинъ хотѣлъ завершить романъ царичнымъ судомъ еще тогда, когда фабула „Капитанской дочки“ не сложилась въ его воображеніи, и когда онъ только-что началъ думать о ней.

Изъ примѣчаній Пушкина къ „Исторіи пугачевского бунта“ видно, что поэтъ узналъ всѣ приведенныя въ нихъ подробности о Шванвичѣ и его отцѣ отъ П. Свѣчина. Когда именно П. Свѣчинъ говорилъ съ Пушкинымъ о Шванвичахъ,—неизвѣстно. Очень можетъ быть, что незадолго до 31 января 1833 года. Очень можетъ быть также, что первоначальный планъ романа былъ набросанъ поэтомъ подъ вліяніемъ рассказовъ Свѣчина объ одномъ изъ дѣятелей той эпохи, которая въ то время уже сильно интересовала Пушкина.

Надо думать, что Пушкинъ не придавалъ большаго значенія первоначальной программѣ задуманнаго романа и скоро совершенно забылъ о ней, ибо не могъ не видѣть всѣхъ ея недостатковъ. Она не представляла ни занимательной фабулы, ни раздолья для психологій и всесторонняго воспроизведенія эпохи. Сосредоточивая весь интересъ на такомъ человѣкѣ, какъ Швабринъ, она давала поэту возможность ярко и выпукло представить лишь мрачныя стороны XVIII вѣка; для его же положительныхъ типовъ и явленій—въ ней не было мѣста. Вотъ почему Пушкинъ и не удовлетворился этою программой, а про-

должалъ передѣлывать ее до тѣхъ поръ, пока въ его головѣ не сложилась сложная и причудливая фабула „Капитанской дочки“, давшая поэту такой широкій просторъ, и какъ психологу, и какъ живописцу русскаго быта.

Но прежде чѣмъ Пушкинъ додумался до фабулы „Капитанской дочки“, онъ, вѣроятно, составилъ цѣлый рядъ ея программъ, изъ которыхъ выяснился для него лишь постепенно окончательный планъ романа. Къ сожалѣнію, вся эта черновая работа почти совершенно утрачена для насъ. Кромѣ отрывка о Шванвичѣ, о которомъ мы только-что говорили, въ бумагахъ Пушкина сохранились лишь два наброска программы историческаго романа, который занималъ его воображеніе. Вотъ они.

1) „Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ и записанъ въ гвардію, за шалость посланъ въ горнизонъ, пощажень Пугачевымъ при взятіи крѣпости, произведенъ въ капитаны и отряженъ съ отдѣльною партіей въ Симбирскъ, подъ начальствомъ одного изъ полковниковъ Пугачева. Онъ спасаетъ отца своего, который его не узнаетъ. Является къ Михельсону; который принимаетъ его къ себѣ; отличается противъ Пугачева-принять опять въ гвардію; является къ отцу въ Москву, идетъ съ нимъ къ Пугачеву.

„Старый комендантъ отправляетъ свою дочь въ ближнюю крѣпость.

„Пугачевъ взялъ одну, подступаетъ къ другой. Башаринъ первый на приступѣ. Требуешь въ награду“...

2) Башаринъ дорогой, во время бурана, спасаетъ башкирца. Башкирецъ спасаетъ его по взятіи крѣпости. Пугачевъ падитъ его, сказавъ башкирцу: „Ты своею головой отвѣчаешь за него. Башкирецъ убить естъ.“

Разберемъ оба эти наброска. Начинаемъ съ перваго изъ нихъ.

Въ немъ уже нѣтъ и рѣчи о Шванвичѣ. Шванвича замѣнилъ Башаринъ, человѣкъ уже совсѣмъ иного типа. Насколько можно догадываться, Башаринъ представлялся Пушкину чѣмъ-то среднимъ между Швабриянымъ и Гриневымъ. Это былъ какой-то смутный образъ, изъ котораго поэтъ впоследствии выдѣлалъ двухъ молодыхъ людей, добивавшихся руки Марьи Ивановны. Башаринъ, такъ же какъ и Шванвичъ, дѣлается сообщникомъ Пугачева, но онъ, по первоначальному замыслу Пушкина, не трусъ и не предатель, а только легкомысленный юноша съ недостаточно развитымъ чувствомъ долга. Впрочемъ, здѣсь нужно сдѣлать оговорку. Разбираемый нами набросокъ рѣзко распадается

на двѣ части, ничѣмъ между собою не связанныя и даже рѣзко противорѣчающія другъ другу. Во второй части говорится о томъ, что Башаринъ, вмѣстѣ съ Пугачевымъ, участвуетъ въ штурмѣ какой-то крѣпости, причемъ выказываетъ блестящую храбрость и чего-то требуетъ отъ самозванца въ награду за оказанную ему услугу (ужь не пощады-ли дочери стараго коменданта?), Здѣсь мы встрѣчаемъ первый намекъ на замыселъ поэта ввести въ ходъ повѣствованія будущую Марью Ивановну. О другихъ женскихъ типахъ „Капитанской дочки“ онъ тогда еще не помышлялъ, а въ первоначальной программѣ романа, какъ мы видѣли, имѣлись въ виду одни мужчины. Въ наброскѣ, о которомъ идетъ рѣчь, мы имѣемъ указаніе и на первую мысль Пушкина о капитанѣ Мироновѣ. Какъ думать Пушкинъ связать эпизодъ побѣды, одержанной Пугачевымъ при помощи Башарина съ первой половиной отрывка,—понятъ очень трудно: его никакъ нельзя приурочить къ ходу изложенныхъ въ ней происшествій, допустить же, что этотъ эпизодъ происходитъ уже послѣ того, какъ Башаринъ посѣтилъ Пугачева вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, положительно невозможно. Слова: „является въ Москву“ и „идеть съ нимъ (съ отцомъ) къ Пугачеву“ — показываютъ, что Пушкинъ хотѣлъ заставить Башарина заглядить въ отрядѣ Мпхельсона временную, и скорѣе мнимую, чѣмъ дѣйствительную, измѣну присягѣ и затѣмъ столкнулъ его съ Пугачевымъ уже въ то время, когда мятежъ былъ подавленъ, а Пугачевъ показывался народу въ Москвѣ, на Монетномъ дворѣ. Иного толкованія только-что приведеннымъ словамъ нельзя дать, ибо нельзя же предположить, что Башаринъ, вновь принятый въ гвардію, перешелъ на сторону Пугачева въ разгаръ мятежа безъ всякой видимой причины. Вторая половина наброска, по всей вѣроятности, была началомъ новой программы, оставшейся неоконченною. Насколько можно догадываться, Пушкинъ, написавъ первую часть наброска, тутъ же замѣтилъ всѣ ея слабыя стороны и хотѣлъ немедленно переработать ее, но не сдѣлалъ этого тогда же, ограничившись всего тремя новыми строчками, которыя, повидимому, были написаны взамѣнъ всего того, что говорится въ первой части наброска, послѣ словъ: „пощажень Пугачевымъ при взятіи крѣпости“, причемъ Башаринъ превратился изъ подневольнаго и притворнаго сообщника Пугачева въ его дѣятельнаго сообщника и открытаго измѣнника.

Неудовлетворенный первымъ наброскомъ программы, предполагавшей сосредоточить весь свой интересъ на Башаринѣ, Пуш-

кинь началъ составлять новый планъ, оставшійся тоже неоконченнымъ,—планъ, въ которомъ уже упоминается буранъ, а пощада, оказанная Пугачевымъ Башарину, объясняется заступничествомъ башкирца, спасеннаго героемъ повѣсти во время бурана. Это была первая и еще неясная мысль о второй главѣ „Капитанской дочки“ или, лучше сказать, какъ-бы предчувствіе ея. Съ теченіемъ времени башкепрець былъ замѣненъ Пугачевымъ, и въ основу романа легла случайная встрѣча его съ Гриневымъ въ степи, во время вьюги, и на постояломъ дворѣ.

Наброски романа, предполагавшіе сдѣлать главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Башарина, давали больше простора для поэтическаго творчества Пушкина и для всесторонняго изображенія русскаго общества временъ Екатерины II, чѣмъ первоначальный планъ, выдвигавшій на первое мѣсто Шванвича, подходили къ фабулѣ „Капитанской дочки“ ближе, чѣмъ онъ, и хотя все-таки имѣютъ съ нею очень мало общаго, но должны быть отнесены къ болѣе позднему времени, чѣмъ набросокъ о Шванвичѣ. По поводу обоихъ набросковъ о походахъ Башарина—можно повторить нѣкоторыя изъ тѣхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы нами о первоначальномъ планѣ романа. Въ нихъ нѣтъ ни внѣшней занимательности „Капитанской дочки“, ни цѣлаго ряда дѣйствующихъ лицъ ея, воплотившихъ въ себѣ темныя и свѣтлыя стороны русской жизни второй половины XVIII вѣка. Если бы Пушкинъ написалъ романъ, руководствуясь этими набросками, онъ не могъ бы создать такого образцоваго произведенія, какъ „Капитанская дочка“. Вотъ почему онъ и оставилъ эти наброски смотря на нихъ лишь какъ на тѣ черновые и подготовительные труды, изъ которыхъ у него постепенно выработалась фабула „Капитанской дочки“. О томъ, какъ тщательно обдумывалъ Пушкинъ каждый эпизодъ ея, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ. По первоначальному плану герой романа спасаетъ сосѣда отца своего, затѣмъ Пушкинъ рѣшилъ, что герой романа долженъ спасти отца своего, который его не узнаетъ. Въ добавочной главѣ къ „Капитанской дочкѣ“ Буланинъ (впослѣдствіи переименованный въ Гринева) является на помощь къ отцу въ критическую для него минуту, причемъ тотъ сразу узнаетъ его. Въ окончательной же редакціи „Капитанской дочки“ пѣтъ уже и помину о совместной борьбѣ обоихъ Гриневыхъ съ бунтовщиками и о спасеніи стараго Гринева сыномъ.

Въ то время, когда Пушкинъ набрасывалъ программу романа, героемъ котораго онъ думалъ сдѣлать Башарина, „Капитанская

дочка“, конечно, еще не писалась, а только задумывалась поэтомъ, ибо онъ могъ писать ее лишь тогда, когда составилъ себѣ ясное представленіе объ ея фабулѣ.

Когда же именно набрасывалась эта программа? Не раньше осени 1833 года, уже послѣ того, какъ поэтъ побывалъ на Уралѣ и объѣхалъ, вмѣстѣ съ Далемъ, оренбургскую линію крѣпостей.

Башарпнъ не былъ вымышленнымъ лицомъ. Онъ находился въ Ильинской крѣпости, когда она была взята Пугачевымъ. Самозванецъ пощадилъ его по просьбѣ плѣнныхъ солдатъ и велѣлъ его такъ же, какъ и ихъ, остречь по казацки. („Исторія пугачевского бунта“, глава IV). Въ тѣхъ архивныхъ источникахъ, которыми пользовался Пушкинъ, о Башарпнѣ ничего не говорится. О Башарпнѣ не упоминается и въ тѣхъ письменныхъ матеріалахъ, которыми пользовались другіе историки пугачевского мятежа, поэтому они и обходятъ Башарина молчаніемъ. О немъ ничего нельзя найти даже въ подробной монографіи г. Дубровина. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Пушкинъ писалъ въ своей „Исторіи“ о Башаринѣ на основаніи устныхъ преданій, собранныхъ имъ на мѣстѣ во время путешествія на Уралѣ. Раньше этого путешествія, т. е. раньше сентября 1833 года, онъ и не подозрѣвалъ о существованіи Башарина, и, слѣдовательно, не могъ говорить о немъ при составленіи программы задуманнаго романа. Отсюда самъ собою является тотъ выводъ, что въ іюль и августъ 1833 года, когда Пушкинъ уже дописывалъ „Исторію пугачевского бунта“, онъ не только не оканчивалъ „Капитанской дочки“, но и не начиналъ писать, а только обдумывалъ планъ ея, причемъ все еще былъ очень далеко отъ той фабулы, на которой онъ остановился. Между наброскомъ первоначальнаго плана, сдѣланнымъ въ началѣ 1833 года, и двумя позднѣйшимъ, извѣстными намъ, набросками прошло не менѣе 7—8 мѣсяцевъ, а можетъ быть и гораздо больше, и въ то время, когда Пушкинъ писалъ „Исторія пугачевского бунта“, „Капитанская дочка“ представлялась ему въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. И неудивительно. Въ теченіе всего 1833 года Пушкинъ, занятый „Пѣснями западныхъ славянъ“, „Дубровскимъ“, „Русалкой“, „Мѣднымъ всадникомъ“, „Родословной моего героя“, архивными разысканіями и „Исторіей“, не могъ удѣлять много времени „Капитанской дочкѣ“. Онъ думалъ о ней, но не писалъ ея и даже не составилъ ея окончательнаго плана. Окончательный планъ, судя по всему, вырабатывался у него довольно медленно. Такой выводъ явится самъ собою, если сопоставить

между собой всё три, известные намъ, наброска романа и приняты во вниманіе, сколько времени прошло между первымъ изъ нихъ и двумя послѣдними. Изъ нихъ видно, между прочимъ, что, вернувшись изъ путешествія на Уралъ и собравъ тамъ множество устныхъ преданій о пугачевщинѣ, онъ не сразу попалъ на мысль положить въ основу своего романа видоизмѣненное преданіе объ одномъ изъ благородныхъ поступковъ Пугачева (эпизодъ съ реформатскимъ пасторомъ), упоминаемомъ въ началѣ VIII главы „Исторіи“.

Какъ бы то ни было, Анненговъ и другіе комментаторы и біографы Пушкина положительно ошибаются, думая, что „Капитанская дочка“ писалась параллельно съ „Исторіей“ и была окончена одновременно съ нею.¹ „Капитанская дочка“, какъ мы видѣли, даже не была начата къ концу 1833 года. Поэтъ сталъ писать ее не раньше 1834 года.

Когда же была окончена „Капитанская дочка“, хотя бы въ чернѣ? У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Въ письмѣ къ женѣ отъ 25 октября 1834 года изъ Болдина, куда Пушкинъ пріѣхалъ 13 сентября, онъ писалъ: „И стихи въ голову не идутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библию“. Г. Поливановъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, IV, 238) заключаетъ изъ этихъ словъ, что осенью 1834 года „Капитанская дочка“ была уже окончена. Но гдѣ же доказательства, что говоря о романѣ, Пушкинъ разумѣлъ „Капитанскую дочку“? Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду „Дубровскаго“, написаннаго въ концѣ 1832 и въ началѣ 1833 года и нуждавшагося въ 1834 году лишь въ окончательной отдѣлкѣ. Навѣрное можно сказать только одно: „Капитанская дочка“ была написана между 1834 и 1836 годами. Судя по медленности, съ которою создавалась у Пушкина эта фабула, слѣдуетъ придти къ заключенію, что этотъ романъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ созданій поэта, которыя не стоили ему ни продолжительнаго труда, ни долгихъ размышленій. Безукоризненное совершенство и тщательная обработка мельчайшихъ подробностей „Капитанской дочки“ также наводятъ на мысль,

¹ Такого взгляда держатся Гротъ (Пушкинъ, 246), Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изданіе Анненскаго, 384), г. Морозовъ, редактировавшій сочиненія Пушкина въ изданіи Литературнаго фонда, г. Незеленовъ (Шесть статей о Пушкинѣ, 96) и другіе. Такого же мнѣнія держится и г. Поливановъ, хотя и съ некоторыми оговорками относительно времени окончания „Капитанской дочки“.

что Пушкинъ долго и упорно работалъ надъ нею. Объ этомъ свидѣтельствуесть и дополнительная глава къ „Капитанской дочкѣ“. Изъ нея видно, что въ первоначальной редакціи (можетъ быть, вѣрнѣе было бы сказать: въ одной изъ первоначальныхъ редакцій) „Капитанской дочки“ Петръ Андреевичъ Гриневъ носилъ имя Буланина, а Зурнишъ—пня Гринева, и что этой главѣ предшествовали страницы, впоследствии выброшенныя поэтомъ. Такъ, напримѣръ, герой романа узнаеть въ ней, въ числѣ повѣщенныхъ на плывущемъ по Волгѣ плоту какого-то Ваньку и упоминаеть о немъ, какъ о лицѣ, о которомъ говорилось раньше. „Это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву“. Очевидно, что въ первоначальной редакціи „Капитанской дочки“ была отведена какая-то роль и Ванькѣ, впоследствии совершенно устраненному изъ романа.

Итакъ, „Капитанская дочка“ писалась одновременно не съ „Исторіей пугачевского бунта“, а, по всей вѣроятности, одновременно съ занятіями поэта, направленными къ переработкѣ „Исторіи“ и къ собиранію матеріаловъ для ея втораго, болѣе совершеннаго изданія. „Я собирался,—писалъ поэтъ, возражая на критику Броневского,—исправить при второмъ изданіи „Исторіи“ замѣченныя погрѣшности“. Вотъ почему, напечатавъ „Исторію“, Пушкинъ сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія Пугачевщины, какъ у частныхъ лицъ (напримѣръ, у вдовы Державина), такъ и въ правительственныхъ архивахъ. Своихъ разысканій Пушкинъ не оставлялъ до самой смерти ¹, и „Капитанская дочка“, появившаяся въ ноябрѣ 1836 года, была написана и получила окончательную отдѣлку, какъ можно думать, уже въ то время, когда поэтъ перечиталъ все, что могъ достать о Пугачевѣ въ архивахъ, и вполне разобрался въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ изъ путешествія на Уралъ, изъ бесѣдъ съ современниками мятежа и изъ наблюденій надъ жизнью дѣтей и внуковъ яицкихъ казаковъ, заварившихъ пугачевскій бунтъ. Другими словами, „Капитанская дочка“, по всей вѣроятности, писалась тогда, когда у поэта было больше данныхъ для описанія пугачевщины, чѣмъ при изданіи въ свѣтъ „Исторіи пугачевского бунта“. Этимъ, можетъ быть, и объясняется, отчасти, почему въ „Капитанской дочкѣ“ нѣкоторые изъ дѣятелей мятежа, въ томъ числѣ и Пугачевъ, получили несравненно болѣе рельефныя и опредѣленныя черты, чѣмъ въ „Исторіи пугачевского бунта“.

¹ См. Грота, — *Пушкинъ*, стр. 158—167 (Приготови гальныя запятія Пушкина для историческихъ трудовъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Что навело Пушкина на мысль написать исторический роман?—Его любовь къ исторіи и его историческая подготовка.—Вліяніе Вальтеръ-Скотта.—Взглядъ Пушкина на Вальтеръ-Скотта и его подражателей.—Отношеніе „Капитанской дочки“ къ романамъ Вальтеръ-Скотта.—Исключительныя особенности „Капитанской дочки“.—Почему Пушкинъ остановился на произведеніи Пугачевского бунта?

„Капитанская дочка“ была написана не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, а явилась плодомъ того тяготѣнія къ эпосу и къ прозѣ, которое овладѣло Пушкинымъ въ послѣдніе годы его жизни, и которое онъ предсказалъ еще въ 1824 году въ третьей главѣ *Евгенія Онегина*¹, а также того интереса, который возбуждалъ въ немъ минувшія судьбы Россіи, романы Вальтеръ-Скотта и вызванное ими движеніе въ наукѣ и литературѣ.

Пушкинъ всегда живо интересовался исторіей и историческими вопросамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ его бумаги, относящіяся еще къ 1822 году, и воспоминанія его современниковъ (напримѣръ, Смирновой). Онъ любилъ слушать рассказы о родной старинѣ и записывалъ ихъ. Еще въ молодые годы Пушкинъ читалъ и перечитывалъ наши лѣтописи и внимательно изучалъ Карамзина. Онъ былъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Гизо, Огюстена Тьерри, Баранта, писалъ замѣчанія на *Анналы Тацита*, а въ концѣ жизни лелѣялъ мысль сдѣлаться, подобно Карамзину, исторіографомъ и написать исторію Петра Великаго и его преемниковъ вплоть до Екатерины II включительно. Подъ вліяніемъ историческихъ хроникъ Шекспира и „Исторіи государства Россійскаго“, Пушкинъ написалъ въ 1825 году „Бориса Годунова“, а три года спустя онъ создалъ „Полтаву“. Со второй половины 20-хъ годовъ Пушкина начинаетъ преслѣдовать мысль объ историческомъ романѣ. Въ 1827 году онъ пишетъ первыя главы „Арапа

.....
 Быть-можетъ, волею небесъ,
 Я перестану быть поэтомъ,
 Въ меня вселится новый бѣсъ,
 И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
 Упихусь до смиренной прозы:
 Тогда романъ на старый ладъ
 Займетъ веселый мой закатъ.

Петра Великаго“, въ 1831 году начинается „Рославлева“, въ 1835 году дѣлаеть наброски подготовительныхъ очерковъ къ „Египетскимъ ночамъ“. Очевидно, что его съ непреодолимую силой влекла къ себѣ и наша, и западно-европейская старина, и ему страстно хотѣлось облечь въ художественные образы нѣкоторыя, болѣе поражавшія его воображеніе, эпохи русской и чужеземной исторіи, какъ древней, такъ и нсвой. „Капитанская дочка“ была плодомъ этого стремленія и находится въ такой же тѣсной связи съ романами Вальтеръ-Скотта, какъ „Борисъ Годуновъ“ съ историческими хрониками Шекспира.

Пушкинъ хорошо зналъ Вальтеръ-Скотта и прекрасно понималъ и значеніе произведеннаго имъ литературнаго переворота, и ничтожество тѣхъ жалкихъ попытокъ поддѣлаться подъ Вальтеръ-Скотта, которыя такъ часто повторялись въ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ и за-границей, и у насъ. Появленію „Капитанской дочки“ предшествовали двѣ замѣтки Пушкина о Вальтеръ-Скоттѣ, показывающія, какимъ онъ былъ тонкимъ и глубокимъ цѣнителемъ знаменитато англійскаго писателя. Первая изъ этихъ замѣтокъ относится къ 1825 году и сохранилась въ бумагахъ поэта, а другая вошла въ статью о „Юриѣ Милославскомъ“, напечатанную въ 1831 году въ „Литературной газетѣ.“ Обѣ эти замѣтки, несмотря на ихъ сжатость, принадлежать къ числу самыхъ блестящихъ характеристикъ Вальтеръ-Скотта. Въ первой изъ нихъ говорится: „Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они (Пушкинъ говоритъ здѣсь, очевидно, о герояхъ Вальтеръ-Скотта) не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles— car les grandes circonstances leur sont familières.“ Эти строки объясняютъ намъ, чего избѣгалъ Пушкинъ, и къ чему онъ стремился, когда писалъ „Капитанскую дочку“. То же самое можно сказать объ его второй замѣткѣ, посвященной подражателямъ Вальтеръ-Скотта и появившейся въ печати за три года до окончанія „Капитанской дочки“. „Вальтеръ-Скоттъ,—читаемъ здѣсь,—увлекъ за собой цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не

умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, освѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Samran, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ *Times* и *Journal des Débats*. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! Сколько изысканности, а сверхъ всего, какъ мало жизни! Однако жъ сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому-ли, что люди, какъ утверждала madame de-Stael, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романтическихъ анахронизмовъ? Потому-ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ непзъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразною пестротой настоящего, ежедневнаго?“

„Демонъ старины“ увлекъ и Пушкина, но поэтъ умѣлъ управлять имъ и далъ чудный образчикъ художественнаго воспроизведенія русской жизни, чуждый „анахронизмовъ“, „несообразности“, „ненужныхъ мелочей“, „важныхъ упущеній“ и „изысканности“. Создавая русскій историческій романъ, Пушкинъ былъ не подражателемъ, а *продолжателемъ* Вальтеръ-Скотта и начатаго имъ дѣла. Онъ не перенялъ у Вальтеръ-Скотта ни его любимыхъ писательскихъ приемовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ художественнымъ лаконизмомъ, ни его пристрастія къ извѣстнымъ типамъ (напримѣръ, къ такимъ безцвѣтно-добродѣтельнымъ героямъ, какъ Айвенго, Квентинъ Дорвардъ, Франкъ Освальдистонъ и т. д.). Тому, кто вздумалъ бы доказывать, что Пушкинъ копировалъ Вальтеръ-Скотта, можно было бы ссылаться развѣ только на эпитафны, поставленные въ началѣ каждой главы Пушкинскаго романа и какъ будто-бы дѣйствительно напоминающіе одну изъ вышнихъ принадлежностей романовъ Вальтеръ-Скотта. Но и этотъ скудный доводъ, къ которому любятъ прибѣгать охотники видѣть въ Пушкинѣ подражателя Вальтеръ-Скотта, ничего не доказываетъ хотя бы потому, что Пушкинъ любилъ снабжать эпитафами не только свои историческіе романы, но и вообще все свои, болѣе значительныя по объему произведенія. Мы встрѣчаемся съ ними и въ „Русланъ и Людмила“ и въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, и въ „Евгеніи Онѣн-

гинѣ“, и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, и въ „Пиковоѣ дамѣ“ и т. д., и т. д.; въ тому же эпиграфы вовсе не были исключительною особенностью и изобрѣтеніемъ Вальтеръ Скотта. Они употреблялись и до него, и послѣ него. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ ни одной мелочи, которая отзывалась бы подражаніемъ Вальтеръ - Скотту. Зато весь романъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ, навѣденный Вальтеръ - Скоттомъ на мысль возсоздать въ художественныхъ образахъ и картинахъ нашу старицу, шелъ совершенно самостоятельно по намѣченному для себя пути. Дѣлая для русской исторіи то, что сдѣлалъ Вальтеръ - Скоттъ для западно-европейской, Пушкинъ не смотрѣлъ на англійскаго романиста, какъ на идеаль, выше котораго нельзя ничего представить. Пушкина поражали живость, простота и правдивость Вальтеръ-Скотта, и ему хотѣлось помѣряться съ нимъ силами. Обдумывая „Капитанскую дочку“, Пушкинъ полагалъ свое честолюбіе не въ томъ, чтобы уподобиться Вальтеръ-Скотту, а въ томъ, чтобы пойти, если можно, дальше его ¹ „Я и въ Вальтеръ-Скоттѣ нахожу лишнія страницы“, могъ бы сказать про себя Пушкинъ словами одной изъ героинь начатаго, но не оконченнаго имъ „Романа въ шитьмахъ“. Зато, дѣйствительно, самый придирчивый критикъ не найдетъ въ „Капитанской дочкѣ“ ни одной лишней страницы. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и тѣни Вальтерскоттовской словоохотливости и растянутости. Въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ далъ образецъ художественнаго лаконизма, прекрасно обрисовавъ цѣлую эпоху и длинный рядъ ея представителей на какихъ-нибудь ста страницахъ съ небольшимъ. Если бы „Капитанскую дочку“ вздумалъ написать Вальтеръ-Скоттъ, у него вышелъ бы массивный томъ. Доказательства на лицо: если ему понадобилось болѣе 400 страницъ убористой печати для „Робъ-Роя“, — романа, всего болѣе приближающагося по содержанію и характеру къ „Капитанской дочкѣ“, — то можно себя представить, какое ему понадобилось бы громадное полотно для такой сложной темы, какая положена въ основу „Капитанской дочки“. А Пушкинъ справился съ этою темой, не выходя изъ рамокъ небольшого повѣствовательнаго произведенія, въ которое современны намъ литературныя знаменитости съумѣли бы втиснуть

¹ Задумавъ написать историческій романъ, Пушкинъ говорилъ друзьямъ: „Богъ дастъ, мы напишемъ историческій романъ, на который и чужіе полюбуются“ (Матеріалы Анненкова, изд. 1873 года, стр. 191).

развѣ только какой-нибудь незамысловатый рассказ или психологическій этюдъ. Гоголь прекрасно опредѣлитъ главное достоинство и литературное значеніе „Капитанской дочки“, замѣтивъ, что всѣ наши повѣствовательныя произведенія кажутся въ сравненіи съ ней *приторною размазней*. Этотъ приговоръ остается вѣрнымъ и до сего дня. Взять хотя бы „Капитанскую дочку“ и „Войну и Миръ“. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что романъ Пушкина гораздо сложнѣе романа графа Л. Н. Толстаго. Но какая громадная разница въ ихъ размѣрахъ, обратно пропорціональныхъ глубинѣ и ширинѣ ихъ содержанія! А между тѣмъ „Война и Миръ“ послѣ „Капитанской дочки“ и „Тараса Бульбы“ безспорно лучшій русскій историческій романъ. Какое впечатлѣніе производятъ въ сравненіи съ „Капитанскою дочкою“ историческіе романы Лажечникова, Загоскина, „Князь Серебряный“ графа Алексѣя Толстаго и „Пугачевцы“ графа Салліаса, во много разъ превышающіе своими размѣрами „Капитанскую дочку“, объ этомъ уже и говорить нечего. Даже „Тарась Бульба“ Гоголя—и тотъ кажется сильно растянутымъ сравнительно съ нею.

Нѣкоторые изъ комментаторовъ и критиковъ Пушкина называютъ „Капитанскую дочку“, очевидно, въ виду ея сжатости, повѣстью, но названіе *повѣсть* не подходитъ къ ней. „Капитанская дочка“ въ полномъ смыслѣ слова—историческій романъ, но романъ, очищенный отъ археологическихъ отступленій и всякой научной и словесной шелухи, и въ то же время прекрасно обрисовывающій изображаемую эпоху. Говоря иначе, „Капитанская дочка“—идеаль историческаго романа,—идеаль, къ которому Вальтеръ-Скоттъ только стремился, но котораго удалось достигнуть только Пушкину. Какъ лучшее изъ всѣхъ прозаическихъ произведеній великаго поэта, „Капитанская дочка“ рѣзко выдѣляется между ними и по своей законченности и отдѣлкѣ, и по рельефности и живости дѣйствующихъ лицъ, и по своеобразной сжатости языка. Короткіе періоды „Капитанской дочки“ и преобладаніе въ ней простыхъ предложеній надъ сложными—все это придаетъ слогу „Капитанской дочки“ характеръ той простоты, которая вполне гармонируетъ съ ея общимъ тономъ безыскусственныхъ „семейственныхъ записокъ“ русскаго дворянина временъ императрицы Екатерины II. Эти особенности „Капитанской дочки“ составляютъ исключительно ея особенности и ужъ нѣкоимъ образомъ не могутъ быть объяснены подражаніемъ Вальтеръ-Скотту.

Выясняя причины, побудившія Пушкина приняться за „Капитанскую дочку“, нельзя не упомянуть о цѣломъ рядѣ историческихъ романовъ, появившихся у насъ въ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ. Публика, видимо, интересовалась ими; даже такія плохія вещи, какъ „Дмитрій Самозванецъ“ Булгарина, читались на расхватъ, и это, видимо, раздражало Пушкина.¹ Успѣхъ, выпавшій на долю „Юрія Милославскаго“ Загоскина, наглядно доказалъ, что въ обществѣ созрѣла потребность въ художественномъ изображеніи родной старины, и Пушкинъ не могъ не обратить на это серьезнаго вниманія. Въ пачатномъ отзывѣ о „Юрѣ Милославскомъ“ великій поэтъ отнесся къ нему съ своимъ обычнымъ доброжелательствомъ и, подчеркивая всѣ его достоинства, лишь вскользь, и притомъ очень мягко, упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ его недостатковъ, хотя, конечно, давалъ себѣ въ нихъ совершенно ясный отчетъ, ибо не могъ не чувствовать фальшиваго тона Загоскина, его неудачной поддѣлки подъ народность, его риторическихъ прикрасъ, его слащавой сантиментальности и его ужъ черезчуръ пафввой психологіи. Пушкинъ не могъ не сознавать, что одни изъ героевъ Загоскина совершенно безцвѣтны, другіе смахивали на аллегоріи разныхъ доблестей и добродѣтелей, третьи отзывались каррикатурой, и что даже самые жизненные историческіе и бытовые типы Загоскина отличались грубостью письма. Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не навести Пушкина на мысль, что ему слѣдуетъ привести въ исполненіе свое давнипнее желаніе написать историческій романъ, который показалъ бы нашей публикѣ, чѣмъ должны быть литературныя произведенія этого рода.

Но вотъ вопросъ: почему единственный историческій романъ, доведенный Пушкинымъ до конца, воспроизводитъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ XVIII вѣка? Другими словами: почему Пушкинъ избралъ темою для своего романа пугачевщину? По той же самой причинѣ, по какой онъ написалъ цѣлую монографію о Пугачевѣ и посвятилъ свою единственную историческую драму эпохѣ Бориса Годунова и перваго Лжедмитрія. Политическія движенія Русскаго народа не могли не занимать Пушкина: исполненные драматизма, они всегда будутъ плѣнить воображеніе поэтовъ. Вотъ почему и Пушкинъ такъ живо инте-

¹ См. напр., двѣ шуточпо-полемическія статьи его: „Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ“ и „Нѣсколько словъ о мизяцѣ г. Булгарина и о прочемъ“.

ресовался русскою самозванщиной.¹ Она приковывала къ себѣ его вниманіе еще и по другой причинѣ. Связанный нѣкогда дружескими отношеніями съ нѣкоторыми изъ декабристовъ и увлекаясь въ молодые годы революціонными идеями, нашедшими отголосокъ въ „Кинжалѣ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ, великій русскій поэтъ не могъ не останавливаться на вопросѣ, къ чему привело бы Россію осуществленіе крамольныхъ замысловъ Пестеля и его друзей и что случилось бы съ нею, если бы имъ удалось поднять народъ противъ царской власти и всколыхнуть его по рецептамъ французскихъ демагоговъ 1789 года. Вотъ разгадка, почему Пушкинъ остановился на художественномъ воссозданіи двухъ главнѣйшихъ эпизодовъ нашей самозванщины, этой излюбленной формы политическихъ движеній русскаго народа. Не безъ тяжелой внутренней борьбы отказался Пушкинъ отъ либеральныхъ и радикальныхъ мечтаній своей молодости и сдѣлался убѣжденнымъ монархистомъ и поклонникомъ коренныхъ основъ русской жизни. Долгія размышленія и жизненный опытъ привели его къ тому выводу, что „русскій бунтъ—бунтъ безсмысленный и жестокій“, ибо честные и разумные люди къ нему не пристанутъ, что Россія не нуждается въ насильственныхъ переворотахъ, и что какъ бы ни была возвышенна ихъ цѣль, ея нельзя оправдывать нечистыхъ средствъ. Все это поэтъ и высказалъ въ „Капитанской дочкѣ“, описывая приготовленія къ пыткѣ, которой хотѣлъ подвергнуть капитанъ Мироновъ башкирца, пойманнаго съ прокламаціями Пугачева, Гриневъ замѣчаетъ: „Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку, и

¹ Пугачевымъ и пугачевщиной, замѣтимъ кстати, Пушкинъ сталъ интересоваться задолго до того времени, когда онъ началъ писать свою „Исторію пугачевского бунта“ и „Капитанскую дочку“,—то-есть задолго до 1832—1834 г. Въ письмѣ къ брату, Л. С. Пушкину, поэтъ просилъ, въ октябрѣ 1824 года, прислать ему въ Тригорское, въ числѣ другихъ книгъ, и какую-нибудь біографію (жизнь) Емельки Пугачева. Въ одномъ изъ писемъ къ брату, относящихся приблизительно къ тому же времени (къ концу ноября 1824 года) Пушкинъ называлъ Степьку Разина „единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи“. Степька Разинъ, очевидно, тоже сильно занималъ тогда Пушкина. Въ 1826 году, на вечерѣ у Веневитиновыхъ Пушкинъ, окончивъ чтеніе Бориса Годунова, увлеченнымъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое произвела его пьеса на слушателей, началъ, по словамъ Погодина, поддавая жару, читать „Пѣсни о Степкѣ Разинѣ“, какъ онъ выплывалъ ночью, на Волгѣ, на востроносой своей лодкѣ. Пушкинъ не только собиралъ народныя пѣсни о Степкѣ Разинѣ, но, кажется, какъ мы уже говорили, и самъ написалъ нѣсколько пѣсенъ о немъ.

что нынѣ дожилъ я до краткаго царствованія императора Александра, не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ чловѣколюбія. Молодой чловѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.“

„Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты,—говоритъ Гриневъ въ концѣ забракованнаго потомъ добавленія къ XIII главѣ,—или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердные, коимъ и своя шейка—копѣйка, и чужая головушка—полушка“. Въ этихъ двухъ отрывкахъ заключался символъ вѣры политическихъ убѣжденій не только Гринева, но и Пушкина, разъ навсегда покончившаго въ зрѣлые годы своего ума и таланта съ революціонными увлеченіями молодости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Научныя изслѣдованія Пушкина, положенныя въ основу „Капитанской дочки“ и „Исторіи Пугачевского бунта“.—Связь между этими двумя сочиненіями.—Мнѣніе Броневского, Анненкова, Грота, г. Поливанова, г. Дубровина и Вѣлинскаго о достоинствахъ и недостаткахъ „Исторіи Пугачевского бунта“.—Ея значеніе въ нашей исторической литературѣ съ точки зрѣнія языка, изложенія, глубины взгляда и вѣрнаго пониманія русской старины.—Мнимая сухость „Исторіи Пугачевского бунта“.—Въ ней нѣтъ и тѣни идеализація людей и эпохи.—Фактическіе пробѣлы „Исторіи Пугачевского бунта“.—Взгляды Пушкина на причины, особенности и послѣдствія Пугачевщины.—„Исторія Пугачевского бунта“ и „Капитанская дочка“ дополняютъ одна другую.—Параллельныя мѣста обоихъ сочиненій.—Вълогорская крѣпость.—Отвѣты Пугачева, Камешкова и Воронова, капитана Миронова и Ивана Игнатьевича.—Откуда позаимствовалъ Пушкинъ фамилію: Гриневъ?—Швабринъ и Шванвичъ.—Взглядъ Пушкина на Пугачева.—Преданія о Пугачевѣ и Пугачевщинѣ, внесенныя Пушкинымъ въ свою историческую монографію и положенныя въ основу фабулы и психологіи „Капитанской дочки“.—Военный совѣтъ въ Оренбургѣ.

Въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного историческаго романа, на который было бы затрачено столько подготовительнаго научнаго труда, какъ на „Капитанскую дочку.“ Не только Загоскинъ и Лажечниковъ, не особенно заботившіеся объ изученіи эпохи, историческихъ дѣятелей и событій, которыя они воспроизвели въ беллетристической формѣ, но и графъ Л. Н. Толстой, графъ А. Толстой и графъ Саліасъ не затрачивали для своихъ историческихъ романовъ и малой доли тѣхъ усилій, которыя были употреблены Пушкинымъ для того, чтобы изучить пугачевскій бунтъ и вызвавшія его бытовыя условія.

Пушкинъ работалъ въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ и извлекъ оттуда немало цѣннаго матеріала для своей „Исторіи пугачевского бунта“ и для „Капитанской дочки.“ Правда, многое изъ имѣвшихся тамъ сокровищъ ему осталось неизвѣстнымъ, но не онъ былъ виноватъ въ томъ, а тѣ преграды, которыя ставились ему тогдашнею мелочно подозрительною администраціей. Пушкинъ собралъ и приложилъ къ своей „Исторіи“ цѣлый рядъ цѣнныхъ „сказаній“ современниковъ, между которыми на первомъ планѣ должна быть поставлена лѣтопись объ Оренбургской осадѣ Рычкова, составляющая доселѣ одинъ изъ самыхъ главныхъ и достовѣрныхъ памятниковъ по исторіи пугачевщины. Не ограничиваясь изученіемъ письменныхъ источниковъ, Пушкинъ посѣтилъ тотъ край, гдѣ свирѣпствовали мятежъ, побывалъ въ Казани, въ Симбирскѣ, въ Оренбургѣ, въ Уральскѣ, объѣхалъ съ Далемъ линію оренбургскихъ крѣпостей, посѣтилъ на Троицкой мельницѣ (близъ Казани) купца Крупеникова, который былъ въ плѣну у Пугачева, распрашивалъ въ Уральскѣ атамана и казаковъ о преданіяхъ, сохранившихся про Пугачева; видѣлся и говорилъ съ казакомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, у котораго Пугачевъ былъ посаженнымъ отцемъ, видѣлся и говорилъ со многими другими старыми уральскими казаками, по большей части раскольниками, хорошо помнившими Пугачевскій погромъ; много любопытныхъ извѣстій получилъ отъ К. Ф. Фукса, профессора медицины въ Казанскомъ университетѣ,— словомъ, сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, для того, чтобы составить себѣ наглядное представленіе о Пугачевскомъ бунтѣ и найти живыхъ свидѣтелей его. Пушкинъ не любилъ распространяться о своихъ занятіяхъ, но вотъ что онъ писалъ изъ Уральска женѣ о встрѣчѣ съ одною старою казачкою, отъ которой онъ узналъ, повидимому, много интереснаго о своемъ „оброчномъ мужичкѣ Пугачевѣ.“ „Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, я имѣлъ une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнить это время, какъ мы съ тобой помнимъ 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ.“ Разказы очевидцевъ, личное знакомство съ тѣмъ краемъ, гдѣ разыгрался Пугачевскій бунтъ, имѣли для Пушкина большое значеніе. Они дали ему возможность живо представить себѣ тѣ событія, которыя онъ хотѣлъ описать и какъ бы сдѣлалъ его самого современникомъ Пугачевского погрома. Они же указали ему тотъ совершенно вѣрный тонъ, какимъ онъ описалъ Пугачевщину, и это все сказалось.

какъ на „Исторіи Пугачевскаго бунта“, такъ и на „Капитанской дочкѣ.“

Одни и тѣ же событія Пушкинъ воспроизвелъ съ двойкой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія историка и съ точки зрѣнія художника, но онъ ни разу не перемѣшалъ этихъ точекъ зрѣнія. Онъ не впалъ въ ту ошибку, которая бросается въ глаза хотя бы, напримѣръ, въ „Войнѣ и мирѣ“ графа Толстого. Въ этомъ прекрасномъ романѣ, какъ извѣстно, кстати и некстати, развиваются историческія и историко-философскія воззрѣнія автора, благодаря чему „Война и миръ“ производитъ впечатлѣніе не чисто-художественнаго произведенія, а чего-то средняго между поэтическимъ вымысломъ и научнымъ изслѣдованіемъ. Видно, что графу Толстому хотѣлось что-то *доказать* своимъ романомъ, да онъ этого и не скрывалъ, пристегнувъ къ нему цѣлый трактатъ о свободѣ воли, о сущности власти, о причинахъ крупныхъ историческихъ событій, о призваніи великихъ полководцевъ, объ отношеніяхъ между толпою и ея вождями и т. д. Пушкинъ ничего не доказывалъ „Капитанскою дочкой.“ Онъ писалъ ее, какъ художникъ, а не какъ ученый; зато въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ онъ нигдѣ не измѣнилъ тону безстрастнаго изслѣдователя и повѣствователя и, несмотря на изящество изложенія, ни разу не увлекся соблазномъ принять за факты то, что ему подсказывало его поэтическое чутье. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ-историкъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми историками, которые увлекались чрезмѣрнымъ подражаніемъ Огюстену Тьерри. Онъ никогда не жертвовалъ точностью и вѣрностью описанія картинности и живости изложенія, что такъ часто встрѣчается, хотя бы, напримѣръ, у покойнаго Костомарова. „Исторія Пугачевскаго бунта“ и „Капитанская дочка“ дополняютъ и освѣщаютъ, но не повторяютъ другъ друга и составляютъ два вполне самостоятельныхъ произведенія, хотя для того, чтобы понять каждое изъ нихъ, какъ слѣдуетъ, необходимо изучать оба эти произведенія совмѣстно. Вотъ почему и въ критическомъ этюдѣ, посвященномъ „Капитанской дочкѣ“, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ „Исторіи Пугачевскаго бунта.“

„Исторія Пугачевскаго бунта“ такъ же, какъ и „Капитанская дочка“, до сихъ поръ не разобрана со всею подробностью. Ея значеніе доселѣ возбуждаетъ споры. Большинство критиковъ склоняется къ тому мнѣнію, которое было высказано объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ еще въ 1835 году Броневскимъ въ „Библіотекѣ для чтенія.“ „Авторъ, писалъ Броневскій, не имѣлъ

даже доступа къ подлинному дѣлу о Пугачевѣ, и онъ представляеть пополнить и исправить свой трудъ будущему историку, болѣе его счастливому въ этомъ отношеніи. Но нельзя ему не воздать полной похвалы и не быть благодарнымъ за совѣстливое и тщательно изготовленное сообщеніе тѣхъ бумагъ и свѣдѣній, которыя находились въ его рукахъ, и для собранія которыхъ предпринималъ онъ изысканія на мѣстѣ самаго происшествія, долго покрытаго молчаніемъ и, наконецъ, сдѣлавшагося темнымъ, почти неизвѣстнымъ нынѣшнему поколѣнію. Эти бумаги занимають почти семь восьмыхъ всей книжки: въ нимъ приложена въ началѣ историческая статья, въ которой авторъ изобразилъ содержаніе ясно, живо и съ возможною краткостью, и она составляетъ послѣднюю, одну восьмую цѣлаго. Сочинитель, конечно, и самъ не удивится тому, что мы называемъ его „Исторію“ только историческою статьей: по своему объему она равняется пяти листамъ „Библиотеки для чтенія“; многія изъ статей этого журнала были обширнѣе.“

Анненковъ думалъ, что „Исторія Пугачевского бунта“ не можетъ быть названа исторіей въ собственномъ смыслѣ слова. По его мнѣнію, это скорѣе дѣльная, хорошо составленная докладная записка, назначенная для быстрого ознакомленія съ предметомъ, чѣмъ и объясняется ея хладнокровный, чисто объективный и невозмутимый тонъ. Изложеніе, принятое Пушкинымъ въ „Исторіи Пугачевского бунта“, Анненковъ называлъ „сжатымъ“ „и только по наружности сухимъ“. Я. К. Гротъ въ статьѣ „Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ“, перебравъ всѣ данныя тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался Пушкинъ, пришелъ къ тому выводу, что поэтъ очень серьезно смотрѣлъ на предпринятый имъ трудъ, дѣятельно заботился объ его совершенствованіи, хотѣлъ заново передѣлать свою книгу и, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, если бы ему не помѣшала ранняя смерть и изданіе журнала. О научномъ значеніи „Исторіи Пугачевского бунта“ Гротъ высказалъ такой взглядъ: „Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи, и надобно еще удивляться *относительному* обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнить, какъ мало времени употребилъ онъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка къ историческимъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ, иногда замѣтно, что онъ не вполне пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ, и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда

можно было развить предметъ съ большею подробностію“. („Пушкинъ“, Грота стр. 166). Затѣмъ Гротъ указалъ на то, что Пушкинъ, сравнительно, недолго работалъ надъ „Исторіей Пугачевского бунта“, менѣе года.

Г. Поливановъ въ своихъ комментаріяхъ къ „Исторіи Пугачевского бунта“ говоритъ: „ни бѣглое знакомство съ источниками, ни способъ работы надъ ними, ни внѣшнія условія, сопровождавшія историческій трудъ Пушкина, не могли обѣщать произведеніе, которое удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ науки. (Сочиненіе Пушкина, изданіе Льва Поливанова, V, стр. 267). Г. Поливановъ ставитъ въ упрекъ Пушкину и то, что онъ „упреждалъ изложеніемъ сочиненія работу надъ источниками“, и то, что онъ писалъ будто бы одновременно съ „Исторіей“, „Капитанскую дочку“, вслѣдствіе чего „изслѣдованіе фактовъ опережалось поэтическими образами“, и ту поспѣшность, съ которою онъ готовилъ „Исторію“ къ печати, крайне нуждаясь въ деньгахъ.

Г. Дубровинъ, авторъ обширной монографіи „Пугачевъ и его сообщники“, сжато и сдержанно отзываясь объ „Исторіи Пугачевского бунта“. „Изложеніе автора, говоритъ онъ, (III, стр. 390), послѣ массы изданныхъ матеріаловъ требуетъ весьма тщательной провѣрки, но вторая часть изданія, то-есть приложенія, останутся на всегда драгоцѣннымъ матеріаломъ“.

Объ „Исторіи Пугачевского бунта“ въ нашей печати есть только одинъ, безусловно восторженный, отзывъ—отзывъ Бѣлинскаго. „Этотъ историческій опытъ, писалъ Бѣлинскій въ 1846 году (Сочиненія Бѣлинскаго, VIII, изд. 5-е, стр. 695):—образцовое произведеніе и со стороны исторической, и со стороны слога. Въ послѣднемъ отношеніи Пушкинъ вполне достигъ того, къ чему Карамзинъ только стремился“. Отзывъ Бѣлинскаго кратокъ и можетъ показаться мало убѣдительнымъ, если полагать сущность вопроса въ тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляются къ „Исторіи Пугачевского бунта“ Броневскимъ, Гротомъ и г. Поливановымъ. Тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій вполне правъ: историческій опытъ Пушкина, дѣйствительно, образцовое произведеніе и со стороны исторической, и со стороны слога.

Значеніе „Исторіи Пугачевского бунта“ слѣдуетъ опредѣлять не съ точки зрѣнія полноты изложенія и всесторонней разработки архивнаго матеріала,—для того и другаго нуженъ не выдающійся талантъ, а усидчивость, время и добрая воля,—а съ точки зрѣнія общаго тона изложенія и языка. Да, въ „Исторіи“

Пушкина безъ всякаго сомнѣнія нѣкоторые эпизоды описаны слишкомъ кратко, многое совсѣмъ оставлено безъ вниманія, кое-что требуетъ оговорокъ и исправленія, но, несмотря на то, „Исторія“ все-таки прекрасный, замѣчательный трудъ,— трудъ, который можетъ быть названъ безукоризненнымъ и по вѣрности взглядовъ, и по умѣнию вести повѣствованіе.

Значеніе „Исторіи Пугачевского бунта“ для нашей исторической литературы стоитъ вѣдъ всякаго сомнѣнія. Пушкинъ первый показалъ нашимъ ученымъ, какъ слѣдуетъ писать русскую исторію, не впадая въ ходульный, риторическій токъ Карамзина и не каррикатуря Огюстена Тьерри, подобно Полевому, автору „Исторіи Русскаго народа“. Повѣствованіе Пушкина чуждо многословія, прикрасъ и подражательности, оно отличается сжатостію и образностію языка, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ предметомъ изложенія. Появленіе Пушкинской „Исторіи Пугачевского бунта“ было крупнымъ событіемъ въ нашей исторической литературѣ. „Исторія Пугачевского бунта“ была первымъ историческимъ трудомъ на Руси, отвѣчавшимъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ современному историчку относительно языка, художественности и простоты изложенія, безпристрастія, фактической точности, прагматизма и широты взгляда. Въ трудѣ Пушкина вѣрно отразились и событія, и люди, которыхъ онъ описывалъ, и породившій ихъ вѣкъ. „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина была чуднымъ, но фантастическимъ зеркаломъ, въ которомъ наше прошлое отражалось хотя и въ плѣнительно - причудливыхъ формахъ и краскахъ, но далеко не всегда совпадавшихъ съ дѣйствительностію. „Исторія Государства Россійскаго“ была, конечно, трудомъ гигантскимъ, и этотъ трудъ никогда не утратитъ своего значенія, но уже, конечно, никому теперь не придется въ голову взять его себѣ за образецъ, какъ нужно описывать нашу старину, ибо Карамзинъ заботился не столько о томъ, чтобы воспроизвести ее со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами и со всѣми ея бытовыми особенностями, какъ о томъ, чтобы какъ можно интереснѣе *живописать* ее. Вслѣдствіе этого исторические дѣятели древней Руси утрачивали подъ перомъ Карамзина свои своеобразныя черты и производятъ впечатлѣніе хотя и мастерски написанныхъ, но сочиненныхъ фигуръ, постоянно принимающихъ красивыя позы. Вотъ почему „Исторія Государства Россійскаго“, несмотря на всѣ свои достоинства и глубокую ученость своихъ примѣчаній, поддавалась каррикатурѣ. Пушкинъ

сказалъ очень мѣтко, что Карамзинъ былъ первымъ нашимъ историкомъ и послѣднимъ лѣтописцемъ. О Пушкинѣ же можно сказать, что онъ былъ первымъ русскимъ историкомъ въ теперешнемъ смыслѣ этого слова, ибо „Исторія Русскаго народа“ Полевого была лишь грубою поддѣлкой подъ западно-европейскіе образцы, чѣмъ-то въ родѣ русскаго шампанскаго и не только не сдѣлала шага впередъ сравнительно съ Карамзинымъ, не только не угадала духа русской исторіи и того тона, какимъ ее слѣдуетъ излагать, а затемнила только ее, хотя и на иной, не-Карамзинскій ладъ. Если „Исторію государства Россійскаго“ можно сравнить съ волшебнo-обманчивымъ зеркаломъ, то „Исторію Русскаго народа“ Полевого можно уподобить плохому самодѣльному зеркалу, безбожно искажающему лица, несмотря на все желаніе мастера-самоучки сдѣлать такъ, чтобы оно придавало имъ „истинно европейскій видъ“. „Исторія Пугачевскаго бунта“ Пушкина, если продолжить наши сравненія, была первымъ на Руси безукоризненно сдѣланнымъ зеркаломъ, въ которомъ прекрасно отразился одинъ изъ кровавыхъ эпизодовъ XVIII вѣка,—отразился, можетъ-быть, и въ миниатюрѣ, но вѣрно и отчетливо, и вотъ въ этомъ-то и заключается заслуга Пушкина, какъ историка. „Исторію Пугачевскаго бунта“ можно критиковать; въ ней можно найти и ошибки и пробѣлы, но она не поддается пародіи, ибо Пушкинъ *угадалъ* людей и духъ той эпохи, которая описывается въ его „Исторіи“. Пугачевъ, Хлопуша, Яицкіе казаки, инородцы и та „сволочь“, изъ которой формировалъ Пугачевъ свои отряды и т. д., все это въ „Исторіи“ Пушкина исполнено жизни и правды. Для того, чтобы понять, какимъ крупнымъ шагомъ впередъ была „Исторія Пугачевскаго бунта“ для нашей исторической литературы, достаточно сопоставить любую страницу изъ Пушкинскои „Исторіи“, особенно изъ числа тѣхъ страницъ, которыя посвящены личности Пугачева, хотя бы со слѣдующимъ отрывкомъ изъ „Исторіи Донскаго войска“ пушкинскаго критика Броневскаго: „Нравственный міръ, такъ же какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оныя. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла, то Емелька Пугачевъ, безспорно, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благаго начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ бессмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить

отвращеніе даже въ самихъ разбойниковъ и убійць. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ и какою адскою злобой можетъ быть преисполнено его сердце. Еслибы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостью вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего. Подобныя тирады послѣ „Исторіи Пугачевского бунта“ сдѣлались невозможными, а между тѣмъ въ подобныхъ тирадахъ, которыя Пушкинъ не безъ основанія назвалъ въ своемъ отвѣтѣ Броневскому „пошлыми и слабыми размышленіями“, почитались большинствомъ подражателей Карамзина за неизбежную принадлежность историческихъ сочиненій. Нечего и говорить о томъ, что такимъ языкомъ, какимъ написана „Исторія Пугачевского бунта“, до Пушкина не писалъ никто изъ нашихъ историковъ. Пушкинъ первый изъ нихъ сталъ писать простымъ и изящнымъ, истинно-русскимъ языкомъ и отбросилъ въ сторону вычурность слога, а вычурность слога влечетъ за собой и вычурность мысли и фальшь въ изложеніи событій. Ни того, ни другаго нельзя найти у Пушкина. Всѣ наши подражатели Карамзина и доморощенные Тьерри и Нибуры, въ родѣ Полевого, въ сущности не далеко ушли отъ „Лѣтописи села Горохина.“ Это можно связать даже про тѣхъ изъ нихъ, которые обладали несомнѣнною эрудиціей. „Исторія Пугачевского бунта“ Пушкина сдѣлала невозможнымъ то ложное отношеніе къ старинѣ, которое осмѣяно въ этой „Лѣтописи.“ Этого мало. „Исторія Пугачевского бунта“, несмотря на ея фактическіе пробѣлы и неточности, донинѣ составляетъ недосыгаемый идеалъ для нашихъ историковъ, даже для тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ богатство содержанія соединилось съ изяществомъ формы. Какъ хороши, напримѣръ, монографіи Костомарова: „Богданъ Хмельницкій“ и „Стенька Разинъ“, но какая громадная разница между ними и „Исторіей Пугачевского бунта“ и по ясности изложенія, и по чистотѣ языка, и по вѣрности тона, и по искусству разсказа, и по живости характеристикъ и бытовыхъ картинъ, и по изумительному умѣнью согласовать ее съ величайшимъ, до педантизма доходящимъ, уваженіемъ къ фактической точности.

Упрекать Пушкина въ сухости „Исторіи“ нѣтъ никакого основанія. Ея мнимая сухость объясняется тѣмъ, что онъ никогда не упустилъ изъ виду, что ученое изслѣдованіе не романъ, и не гонялся за интересными эпизодами и страницами. Они являлись у него сами собой. По поводу упрековъ въ сухости Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ къ И. И. Дмитріеву такъ отзывался съ

своею обычною скромностью, о своемъ „историческомъ отрывкѣ“: „Его побранивають, и подѣломъ, я писалъ его для себя, не думая, чтобы могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и прочее; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькой Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, возьметъ идеализировать это лицо за сходную цѣну“. Не идеализируя никого и ничего въ „Исторіи Пугачевского бунта“ ни по какому фасону и не стараясь переполнить свою „Исторію“ анекдотами и чертами мѣстности, Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, даетъ на каждомъ шагу мастерскія характеристики и картины. Вся первая глава, посвященная исторіи и нравамъ Яицкихъ казаковъ, всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о Пугачевѣ, описаніе Берды и пребыванія въ ней пугачевцевъ, силуэты пугачевскихъ „енераловъ“, изображеніе тѣхъ ужасовъ, которые переживали города и крѣпости, захваченные пугачевцами и т. д.—все это такіе перлы историческаго разсказа, подобныхъ которымъ вы не найдете ни у кого изъ нашихъ историковъ. Конечно, историческая правда стояла у Пушкина на первомъ планѣ, и онъ никогда не приносилъ ее въ жертву *живописанію*, но въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ его „Исторіи“, и одна изъ главныхъ его заслугъ передъ нашею историческою наукой, ибо ея представители ограничивались въ его время то ролью издателей, переписчиковъ и комментаторовъ архивныхъ документовъ, то риторическими прикрасами историческихъ дѣятелей и событій.

Разбирать строка за строкой „Исторію Пугачевского бунта“ мы не намѣрены. Наша задача заключается не въ томъ, чтобы отмѣтить всѣ фактическія неточности и пробѣлы „Исторіи“, а въ томъ, чтобы опредѣлить ея значеніе для русской литературы и науки. Кто интересуется перечнемъ этихъ неточностей и пробѣловъ, тотъ можетъ обратиться къ „Исторіи Пугачевского бунта“, въ изданіи г. Полшванова. Г. Поливановъ снабдилъ ее обширными параллельными выписками изъ монографіи г. Дубровина „Пугачевъ и его сообщники“. Что же оказывается? Оказывается, что, несмотря на полстолѣтіе, протекшее между появленіемъ небольшой „Исторіи Пугачевского бунта“ Пушкина и выходомъ въ свѣтъ трехтомнаго изслѣдованія г. Дубровина, въ „Исторіи“ Пушкина нельзя найти много фактическихъ промаховъ,

и что если онъ ихъ и дѣлалъ, то лишь при описаніи маловажныхъ подробностей. Какъ историкъ-прагматикъ, Пушкинъ глубоко вникъ въ причинную связь событій, которыя онъ описывалъ, и вѣрно понялъ ихъ внутренній смыслъ. Стоитъ только вспомнить эпиграфъ, который поэтъ поставилъ къ своему труду, взявъ его изъ „Краткаго извѣстія“ архимандрита Любарскаго: „Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не только разказать, но нарочито и часто припомнить не въ состояніи, поелику не отъ одного его непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удалства въ разныхъ, вдругъ, мѣстахъ происходили“.

Вѣрно понявъ общій характеръ Пугачевскаго погрома, Пушкинъ правильно объяснялъ его причины, видя ихъ въ недовольствѣ Яицкихъ казаковъ навязанными имъ порядками, въ мятежномъ духѣ инородцевъ нашей восточной окраины, въ сильномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ на умы дворцовымъ переворотомъ 1762 года, въ броженіи умовъ среди помѣщичьихъ крестьянъ и т. д. Въ пятой главѣ „Исторіи“ Пушкинъ приводитъ слова Бибикова изъ его письма къ фонъ-Визину: „Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играли воры, Яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ, важно общее негодованіе.“ Пушкинъ называетъ эти слова замѣчательными: онъ видѣлъ въ нихъ разгадку Пугачевскаго бунта.—Пушкину ставили въ вину то, что онъ какъ-бы ступе-валъ значеніе крѣпостнаго права, какъ одной изъ главныхъ причинъ Пугачевщины. Но, во-первыхъ, движеніе крестьянъ началось уже тогда, когда Пугачевщина была во всемъ разгарѣ, а, во-вторыхъ, это движеніе не имѣло ни той силы, ни того значенія, которое старались ему придать нѣкоторые историки. Для того, чтобы убѣдиться, какъ вѣрно понималъ Пушкинъ причины, которыми обуславливался успѣхъ Пугачева, достаточно прочесть хотя бы начало третьей главы „Исторіи.“ „Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія Яицкаго войска; Башкирцы, взволнованные своимъ старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у Бухарцевъ), начали нападать на русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ.... Мордва, Чуваши, Черемисы, перестали

повиноваться русскому начальству. Господскіе крестьяне явно показывали свою приверженность самозванцу и вскорѣ не только оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.... Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали беспорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе; рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненіе“. Въ „общихъ замѣчаніяхъ“ къ „Исторіи“ Пушкинъ говоритъ: „весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало... Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были черезчуръ противоположны.“ Очевидно, Пушкинъ не закрывалъ глазъ передъ фактами и не обманывалъ себя и другихъ относительно политическаго настроенія народа. Сжато, но мѣтко указывалъ онъ въ „Примѣчаніяхъ“ ко второй главѣ „Исторіи“ и причины успѣха Пугачевского самозванства: „Пугачевъ уже былъ пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, будто бы государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить этому слуху.“ Очень остроумно опредѣляетъ Пушкинъ и хорошія слѣдствія Пугачевского бунта. „Пугачевскій бунтъ, говоритъ онъ въ концѣ „общихъ замѣчаній“ къ своей „Исторіи“, доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое Учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей государства сдѣлалось быстрѣе etc.“

Дальше этихъ выводовъ при объясненіи Пугачевского взрыва наша историческая наука не пошла; да дальше ихъ и идти некуда, если не прибѣгать къ натяжкамъ и не превращать Пугачева въ Спартака, какъ это дѣлали нѣкоторые историки (напримѣръ, г. Мордовцевъ), идеализировавшіе его по послѣднему, радикально-демократическому фасону.

Переходимъ къ ближайшему опредѣленію той связи, которая соединяетъ „Исторію Пугачевского бунта“ съ „Капитанскою дочкой“. Если бы кто-нибудь попросилъ Пушкина объяснить задачи того и другаго сочиненія, онъ, вѣроятно, сказалъ бы вотъ что:

„Въ „Исторіи“ я хотѣлъ сгруппировать факты, избѣгая догадокъ и не отступая ни на іоту отъ источниковъ. Въ „Исторіи“ я рассказываю только то, что навѣрное извѣстно и что можетъ быть документально доказано или что мнѣ удалось узнать отъ современниковъ. Въ „Исторіи“ я не позволялъ себѣ дополнять скудость источниковъ своимъ воображеніемъ, хотя картины, которыя оно мнѣ рисовало, казались мнѣ несомнѣннѣе тѣхъ свѣдѣній, которыя я извлекъ изъ архивовъ, вычиталъ у Рычкова и Любарскаго, или узналъ изъ воспоминаній живыхъ свидѣтелей мятежа. Всѣ эти картины я приберегъ для „Капитанской дочки“. Когда я изучалъ исторію Пугачевского бунта, его дѣятели и вся его эпоха воскресали въ моемъ воображеніи. Мнѣ казалось, что я видѣлъ когда-то и Пугачева, и пугачевцевъ, и тѣхъ людей, которые пали его жертвами, и тѣхъ людей, которые отстояли цѣлость и спокойствіе государства и подавили мятежь. Между строкъ полуистлѣвшихъ бумагъ мнѣ виднѣлась страшная драма, и я съ такою ясностью представлялъ ее себѣ, какъ-будто самъ былъ ея очевидцемъ. Все, что я описалъ въ „Капитанской дочкѣ“, имѣетъ для меня такую-же—и даже еще большую достовѣрность, какъ и то, что я описалъ въ „Исторіи Пугачевского бунта“. Но въ „Исторіи“ я описывалъ *то, что было*, а въ „Капитанской дочкѣ“ я описалъ *то, что могло-бы быть*, если бы Пугачевъ и другія дѣйствующіе лица повѣсти столкнулись при обстоятельствахъ, лежащихъ въ основѣ ея фабулы. Въ моей „Исторіи“ нѣтъ и тѣни вымысла, хотя я ей и старался придать характеръ художественнаго повѣствованія. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ вымысла, въ которомъ было-бы что-нибудь неправдоподобное, идущее въ разрѣзъ съ моею „Исторіей“. „Капитанская дочка“ это поэтическая иллюстрація къ „Исторіи Пугачевского бунта“. Когда я писалъ ее, я всегда имѣлъ въ виду свою монографію“.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство того, что „Капитанская дочка“ имѣетъ своимъ фундаментомъ „Исторію Пугачевского бунта“, и что романъ Пушкина слѣдуетъ изучать въ связи съ его „историческимъ отрывкомъ“.

Бѣлогорской крѣпости, въ которой, главнымъ образомъ, происходитъ дѣйствіе „Капитанской дочки“, въ дѣйствительности не существовало; но эта крѣпость можетъ быть названа типичною представительницей тѣхъ убогихъ „фортецій“, съ которыми имѣлъ дѣло Пугачевъ въ началѣ мятежа. „Крѣпости, въ томъ краѣ построенныя, читаемъ въ „Исторіи“ (гл. II)—были не что

инос, какъ деревни, окруженныя плетнемъ и деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ были въ нихъ безопасны отъ стрѣль и копей дикихъ племенъ, разбѣянныхъ по степямъ оренбургскихъ губерній и около ея границъ“. Всѣ подробности, приступа къ Бѣлогорской крѣпости и вторженія въ нее пугачевцевъ взяты, въ общихъ чертахъ, изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми располагалъ Пушкинъ относительно разгрома Яицкаго городка, Елецкаго городка, Разсыпной, Нижне-Озерной, Татищевой крѣпостей и т. д. Измѣна крѣпостныхъ казаковъ, трусость и бѣспіе плохо обученныхъ и малочисленныхъ гарнизонныхъ солдатъ и проч.—все это ярко отмѣчено, какъ въ повѣсти, такъ и въ „Исторіи“. Но въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ не гнался за сохраненіемъ всѣхъ мелочныхъ подробностей, изложенныхъ въ „Исторіи“, и не налагалъ на свою фантазію оковъ во имя никому не нужной педантической точности въ изложеніи событій.

Героизмъ капитана Миронова и его сослуживца Ивана Игнатьевича, всенародно обличавшихъ Пугачева въ самозванствѣ и платившихся жизнью за свое безтрепетное мужество, имѣетъ фактическую подкладку. Говоря о взятіи Ильинской крѣпости и основываясь на преданіяхъ, записанныхъ на Уралѣ, Пушкинъ рассказываетъ въ своей „Исторіи“ (гл. II) вотъ что: „Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ (во взятую имъ крѣпость) въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты были поставлены на колѣни. Онъ сказалъ имъ: „прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ государь, Петръ III, императоръ. Вставайте!“ Потомъ велѣлъ оборотить пушки и выпалтъ въ степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена. „Зачѣмъ вышли на меня, на вашего государя? спросилъ побѣдитель.—„Ты намъ не государь, отвѣчали плѣнники. У насъ въ Россіи государыня императрица Екатерина Алексѣевна и государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ, а ты—воръ и самозванецъ“. Они тутъ же были повѣшены.—Потомъ привели капитана Башарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его, но взятые въ плѣнъ солдаты стали просить за него. „Коли онъ былъ до васъ добръ, сказалъ самозванецъ, то я его прощаю“. Отвѣтъ Камешкова и Воронова, очищенный отъ риторической шелухи и получившій полное правдоподобіе и жизненность, благодаря вставкѣ словъ „слышь“ и „дядюшка“, былъ

цѣликомъ вложенъ Пушкинымъ въ уста капитана Миронова и Ивана Игнатьевича, а осужденіе на казнь и помилованіе Башарина были положены поэтомъ въ основу сцены Пугачевского суда надъ П. А. Гриневымъ.

Камешковъ и Вороновъ, какъ хорошо зналъ Пушкинъ, не были единичными явленіями. Въ „Исторіи“ (гл. VIII) упоминается также начальникъ курмыжской инвалидной команды, маіоръ Юрловъ и еще одинъ унтеръ-офицеръ, „коего имя, къ сожалѣнію, не сохранилось“. Послѣ взятія Курмыша они одни не захотѣли присягать самозванцу и въ глаза обличали его. Ихъ повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Въ „Осадѣ Оренбурга“ Рычкова (§§ 49 и 52), приложенной къ „Исторіи“, упоминается, къ слову сказать, еще два подобныхъ же случая открытаго и торжественнаго обличенія самозванца—сыномъ яицкаго „доброжелательнаго“ казака Копѣчкина и капитаномъ Ставропольскаго гарнизона Калмыковымъ.¹ Всѣ перечисленные случаи не могли не поразить Пушкина. Онъ тщательно отмѣчал ихъ въ „Исторіи“, когда они имѣли связь съ ходомъ повѣствованія на ряду съ другими проявленіями доблести, въ родѣ смерти магометанина Блѣбая (см. гл. II), который самъ надѣлъ на себя петлю и *перекрестился*, взойдя по лѣстницѣ на висѣлицу. О томъ, съ какимъ чувствомъ относился Пушкинъ къ жертвамъ Пугачева, проявившимъ безстрастіе и непоколебимую вѣрность долгу, можно судить по примѣчанію къ разсказу о взятіи Нижне-Озерной, которую защищаль маіоръ Харловъ до послѣдней возможности: „бѣдный Харловъ наканунѣ взятія крѣпости былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать изъ уваженія къ его храбрости и прекрасной смерти“. „Прекрасная смерть“ нѣкоторыхъ жертвъ Пугачева внушала Пушкину глубокое уваженіе, и онъ показалъ въ „Капитанской дочкѣ“, въ лицѣ капитана Миронова, Ивана Игнатьевича и Василисы Егоровны, какъ умѣли умирать „старинные люди“, казавшіеся, на первый взглядъ, такими заурядными личностями, что обыкновенный наблюдатель не заподозрилъ бы въ нихъ и тѣни героизма.

Изъ „Исторіи Пугачевского бунта“ Пушкинъ заимствовалъ и фамиліи нѣкоторыхъ изъ героевъ „Капитанской дочкѣ“.

¹ О подвигѣ и мученической смерти Калмыкова и Копѣчкина, къ слову сказать, писалъ еще Болтинъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ на исторію Россіи Лексера“ (I, 401—402). Лѣтопись Рычкова, которую Пушкинъ получилъ отъ Лажечникова (См. письмо Пушкина къ Лажечникову отъ 3 ноября 1835 года), была известна и Болтину.

Сначала Пушкинъ предполагалъ, вмѣсто Петра Андреевича Гринева, вывести Башарина, того офицера, который былъ помилованъ самозванцемъ послѣ взятія крѣпости Ильинской (см. IV главу „Исторіи“). Но затѣмъ поэтъ измѣнилъ свое намѣреніе, и, вмѣсто Башарина, у него явился сначала Буланинъ, а затѣмъ Гринева. Въ „Исторіи“ (V глава) нѣсколько разъ упоминается о полковникѣ Гринева, защищавшемъ, вмѣстѣ съ Муфелемъ, Самарскую линію и состоявшимъ нѣкоторое время въ распоряженіи князя Голицына подъ крѣпостью Татищевой. Но Пушкинъ, конечно, имѣлъ въ виду не этого Гринева, когда подыскивалъ фамилію для одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ своей повѣсти, а подпоручика Гринева, о которомъ упоминается въ приложенной къ „Исторіи“ „сентенціи“ (приговоръ) 10 января 1775 года (§ 10), въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, „которые находились подъ карауломъ, будучи сначала подозрѣваемы въ сообщеніи съ злодѣями, но впослѣдствіи оказались невиновными“, почему и рѣшено было ихъ освободить. Вотъ этотъ-то именно Гринева и подаль Пушкину мысль избрать его фамилію для жениха Марьи Ивановны. За что, именно, попалъ подъ караулъ подпоручикъ Гринева, неизвѣстно. Очень можетъ быть, что въ его судьбѣ и въ судьбѣ Петра Андреевича Гринева было много общихъ чертъ.

О Швабринѣ нѣтъ рѣчи въ „Исторіи“, но первую мысль о немъ поэту подаль, очевидно, измѣнникъ Шванвичъ, который тамъ упоминается. Шванвичъ, видимо, поразилъ Пушкина, какъ типичное, бытовое и психологическое явленіе,—какъ одинъ изъ немногихъ представителей дворянства, оказавшихся замѣшанными въ Пугачевскомъ бунтѣ. Заинтересовавшись Шванвичемъ, Пушкинъ сообщил о немъ кое-какія подробности въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи“. Въ одномъ изъ нихъ (см. прим. къ гл. VII) читаемъ: „Показаніе нѣкоторыхъ историковъ, утверждавшихъ, что ни одинъ изъ дворянъ не былъ замѣшанъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, совершенно несправедливо. Множество офицеровъ (почину своему сдѣлавшихся дворянами) служили въ рядахъ Пугачева, не считая тѣхъ, которые изъ робости пристали къ нему.—Изъ хорошихъ фамилій—Шванвичъ былъ сынъ кронштадтскаго коменданта, зарубившаго нѣкогда палашемъ въ трактирной ссорѣ щеку Алексѣя Орлова. Черезъ нѣсколько времени произошелъ переворотъ, возведшій Екатерину на престолъ, а Орловыхъ на первую ступень въ государствѣ. Шванвичъ почиталъ себя погибшимъ. Орловъ пришелъ къ нему, обнялъ его и остался съ

нимъ пріятелемъ. Сынъ Шванвича, находившійся въ командѣ Чернышева, имѣлъ малодушіе пристать къ Пугачеву и глупость служить ему со всеѣмъ усердіемъ. Графъ А. Орловъ выпросилъ у государыни смягченія приговора“... „Замѣчательна разность, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Минеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и прочее, а Шванвичъ только опельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги“. Тутъ же Пушкинъ прибавляетъ, что нѣмецкіе указы Пугачева были писаны рукою Шванвича, и что мать Шванвича была нѣмка. О Шванвичѣ говорится и въ *сентенціи*, приложенной къ „Исторіи“. „Подпоручика Мпхайла Шванвича, чптаемъ здѣсь (§ 8), за учиненное имъ преступленіе, что онъ, будучи въ толпѣ злодѣйской, забывъ долгъ присяги, слѣпо повпновался самозванцевымъ приказамъ, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишивъ чпновъ и дворянства, опельмовать, преломивъ надъ нимъ шпагу“. Личность Шванвича тоже, видимо, поразила Пушкина, и онъ далъ фамилію, схожую съ его фамиліей, своему Швабрину. Что, описывая Швабрину, Пушкинъ имѣлъ въ виду Шванвича,—это подтверждается однимъ пзъ первоначальныхъ плановъ „Капитанской дочки“. По этому плану, какъ мы уже упоминали, предполагалось вывести въ романѣ не только молодого Шванвича, но и его отца.

Взглядъ, высказанный Пушкинымъ на Пугачева въ „Капитанской дочкѣ“, служитъ отголоскомъ и художественнымъ дополненіемъ всего того, что говорится о самозванцѣ въ „Исторіи“. Въ „Исторіи“ поэтъ не даетъ цѣльной, законченной характеристики Пугачева. Онъ ограничивается описаніемъ его дѣйствій—и его образа жизни. Хотя Пушкинъ не высказывается въ своей „Исторіи“ относительно Пугачева вполне ясно и отчетливо, но все, что онъ говоритъ о немъ, приводитъ къ убѣжденію, что Пугачевъ представлялся ему именно такимъ, каковымъ онъ его изобразилъ въ „Капитанской дочкѣ“.

Въ третьей главѣ „Исторіи“, описывая пребываніе Пугачева въ Бердѣ, Пушкинъ называетъ его „пришледомъ, не имѣвшимъ другихъ достоинствъ, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной“. Этотъ отзывъ необходимо дополнить другими, параллельными мѣстами „Исторіи“. Въ пятой главѣ ея Пугачевъ именуется „дерзкимъ“ и „рѣшительнымъ“. Тамъ же говорится о той „обыкновенной дерзости“, которую онъ проявлялъ въ борьбѣ съ правительственными войсками, и о томъ, что

распоряженія Пугачева по укрѣпленію крѣпости Татищевой удивили князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ“. Говоря далѣе о встрѣчѣ князя Голицына съ Пугачевымъ у Каргале, Пушкинъ замѣчаетъ. „Пугачевъ... сталъ отступать, *искусно* пользуясь мѣстоположеніемъ“. „Прочіе начальники, читаемъ въ концѣ VIII главы, наскоро сдѣлали нѣкоторыя важныя распоряженія, ибо, несмотря на разбитіе Пугачева, знали, сколь опасенъ сей предприимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидѣнны, что не было средствъ его преслѣдовать“. Разбирая мѣры, принятыя Пугачевымъ и его сообщниками и сопоставляя ихъ съ дѣйствіями правительства, Пушкинъ говоритъ: „должно признаться, что мятежники избрали средство самое надежное и дѣйствительное къ достиженію своей цѣли. Правительство, съ своей стороны, дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.“

Очевидно, что Пушкинъ смотрѣлъ на Пугачева, какъ на человѣка, далеко не зауряднаго, какъ на человѣка, какъ будто нарочно созданнаго для страшной, кровавой роли, выпавшей на его долю. Не дѣлая изъ него Байроновскаго Лары, Пушкинъ не дѣлалъ изъ него и того лютаго звѣря, какимъ представлялся самозванецъ нѣкоторымъ другимъ историкамъ, вродѣ Броневскаго. Отправляя Денису Давыдову экземпляръ „Исторіи Пугачевскаго бунта“, поэтъ написалъ 18 января 1836 года стихотворное посланіе знаменитому партизану, причемъ такъ охарактеризовалъ въ немъ Емельку Пугачева:

Вотъ мой Пугачъ,—при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

Разглядѣвъ въ грозномъ Пугачѣ черты плута, не имѣвшаго ничего общаго съ тѣмъ гигантомъ зла, какимъ онъ многимъ представлялся, Пушкинъ подмѣтилъ въ его натурѣ и нѣкоторыя привлекательныя стороны, причемъ основывался не на архивныхъ источникахъ, а на устныхъ разсказахъ старыхъ яицкихъ казаковъ, хорошо помнившихъ Пугачева и Пугачевщину. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Пушкинъ придавалъ громадное значеніе тому, что онъ слышалъ во время своей поѣздки на Уралъ. „Уральскіе казаки (особливо старые люди), читаемъ въ послѣднемъ примѣчаніи къ четвертой главѣ „Исторіи“, донинѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать,

говорила мнѣ 80-лѣтняя казачка: на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ... Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: „не его воля была; наши пьяницы его мучили“. Этотъ взглядъ въ значительной степени усвоилъ себѣ и Пушкинъ. Отмѣтивъ въ своей „Исторіи“ всѣ грубыя стороны полудикой, мощной и страстной природы самозванца, онъ старательно отмѣчалъ и такіе эпизоды, которые доказывали, что Пугачевъ былъ гораздо выше окружавшей его шайки, и что на него нельзя возлагать отвѣтственность за всѣ ужасы Пугачевщины. Описывая въ третьей главѣ „Исторіи“ пребываніе Пугачева въ Бердѣ, Пушкинъ говоритъ: „Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями пришлеца... Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его волѣ. Они оказывали ему наружно почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но наединѣ обходились съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однихъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. „Улица моя тѣсна,“ говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ его младшаго сына.“ Эту послѣднюю подробность Пушкинъ узналъ отъ того самого Пьянова, у котораго Пугачевъ былъ посаженнымъ отцомъ, и внесъ ее въ „Капитанскую дочку“. „Улица моя тѣсна, говоритъ Пугачевъ Гриневу: воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо остро“.

То, что говорится въ „Исторіи“ о попойкахъ Пугачева въ Бердѣ, главнымъ образомъ на основаніи „Осады Оренбурга“ Рычкова (см. прим. къ § 92), составляетъ какъ бы программу описанія Пугачевской оргіи, на которой присутствовалъ въ „Капитанской дочкѣ“ Гринева.

Внѣшность Пугачева и то впечатлѣніе, которое она производила, воспроизведены въ „Капитанской дочкѣ“ вполне согласно съ „Исторіей“. Изъ нея же черпали Пушкинъ и матеріалъ для вымышленныхъ въ романѣ эпизодовъ изъ жизни самозванца. Въ видѣ примѣра, укажемъ на сцену бурана, то-есть на первую встрѣчу Гринева съ будущимъ самозванцемъ. Въ „Исторіи“ разсказывается о нѣсколькихъ попыткахъ Пугачева взять Оренбургъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1773 года, во время сильныхъ мятежей и объ его нападеніяхъ на князя Голицына въ началѣ 1774 года, тоже во время страшной вьюги. Этотъ послѣдній

случай, кажется, особенно поразилъ Пушкина. „Пугачевъ, писалъ онъ въ своей „Исторіи“, занялъ вѣрности Токскую и Сорочинскую и съ обыкновенною дерзостью, ночью, въ сильный буранъ, напалъ на передовые отряды Голицына“. Этотъ и другіе, упоминаемые въ „Исторіи“ (глава II и V) случаи и подали поэту мысль вывести Пугачева въ „Капитанской дочкѣ“ спокойно стоящимъ среди вихря и мглы одного изъ тѣхъ бурановъ, которыми засыпаются цѣлыя обозы. Кто могъ отваживаться на военныя дѣйствія во время страшной ночной вьюги, тотъ могъ быть и спокойнымъ вожатымъ Гринева, увѣренно и просто указывающимъ дорогу къ умету по едва уловимымъ примѣтамъ и ни мало не теряющимъ предъ лицомъ грозной опасности.

Фабула „Капитанской дочкѣ“ въ значительной степени построена на способности Пугачева чувствовать благодарность и на его склонности къ порывамъ великодушія и благородства. Все, что разсказывается въ романѣ о заячьемъ тулупѣ и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣла для Гринева щедрость, оказанная имъ Пугачеву въ то время, когда тотъ былъ бродягой и шатался по кабакамъ въ оборванномъ кафтанѣ, цѣликомъ принадлежитъ къ числу поэтическихъ вымысловъ поэта; но этотъ вымыселъ тоже опирается на одинъ случай, внесенный въ „Исторію“ со словъ казанскаго профессора, доктора медицины Фукса. Этотъ случай описанъ въ восьмой главѣ „Исторіи“. „Пугачевъ бѣжалъ (изъ Казани) по кокшайской дорогѣ. Между его товарищами находились два новые лица. Одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата, другой былъ пасторъ реформатскаго вѣроисповѣданія. Во время казанскаго пожара онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковникъ. Пасторъ-полковникъ былъ посаженъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева и нѣсколько дней уже спустя отсталъ отъ него и возвратился въ Казань.“

Этотъ случай, видимо, поразилъ Пушкина и подаль ему мысль вывести въ фабулу „Капитанской дочкѣ“ эпизодъ съ заячьимъ тулупомъ со всѣми, столь благодѣтельными для Гринева, послѣдствіями его первой встрѣчи съ Пугачевымъ. Въ примѣчаніяхъ къ третьей главѣ „Исторіи“ Пушкинъ упоминаетъ еще объ одномъ фактѣ, доказывающемъ, что Пугачеву не было чуждо

чувство признательности. „Пугачевъ, нѣкогда жившій у него (казака Данила Шелудиковъ) въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцомъ.“

Вообще, мельчайшія черты характера и жизни Пугачева, какъ они изображены въ „Капитанской дочкѣ“, находятъ подтвержденіе и разгадку въ „Исторіи Пугачевского бунта“. Такъ, напримѣръ, въ „Исторіи“, между прочимъ, отмѣчена привычка Пугачева играть словами и выражаться иносказательно, которая бросается въ глаза во время загадочно шутливаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зловѣщаго разговора Емельки съ содержателемъ умета во второй главѣ „Капитанской дочки“. Объ этой привычкѣ упоминается и въ „Исторіи“. Описывая въ ней встрѣчу разбитаго и плѣннаго Пугачева съ графомъ Панинымъ, Пушкинъ, основываясь на рассказахъ современниковъ, говоритъ: „Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину... Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца. Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отвѣчалъ тотъ. Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ? продолжалъ Панинъ. Я не воронъ, возразилъ Пугачевъ, играя словами и *изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно*, а вороненокъ. А воронъ то еще летаетъ“ (глава VIII). Этотъ діалогъ и привычка Пугачева къ иносказательной рѣчи послужили для Пушкина основаніемъ характеризовать Пугачева тѣмъ своеобразнымъ складомъ языка, какимъ онъ говоритъ въ „Капитанской дочкѣ“ (въ уметѣ) ¹.

Вообще, все, что говорится о Пугачевѣ въ „Капитанской дочкѣ“, вплоть до его привычки прищуривать лѣвый глазъ и часто мигать имъ (объ этой привычкѣ упоминаетъ Рычковъ, § 40), основывается на фактическомъ матеріалѣ „Исторіи“ и ея приложений. Въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ хотѣлъ пока-

¹ Г. Дубровинъ („Пугачевъ и его сообщники“, III, 308) находитъ рассказъ Пушкина о встрѣчѣ Панина съ Пугачевымъ неправдоподобнымъ. „Слова, приписанныя Пугачеву, говоритъ г. Дубровинъ, не сообразны ни съ характеромъ, ни со складомъ ума бывшаго самозванца, никогда не отличавшагося остроуміемъ и находчивостью. Свидѣтели-современники не упоминаютъ ни слова о такихъ отвѣтахъ.“ Тутъ же, однако, самъ г. Дубровинъ приводитъ слова Рычкова, говорящаго, что Пугачевъ отвѣчалъ на вопросы Панина, „можетъ быть, по „привычкѣ своей, или злой натурѣ“ очень смѣло и дерзновенно“. То, что рассказываетъ Пушкинъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что говоритъ Рычковъ. Пушкинъ только дополняетъ Рычкова. Что же касается до находчивости Пугачева и его привычки къ иносказательной рѣчи, то ихъ образцы не разъ приводитъ и самъ г. Дубровинъ (см. напримѣръ, I, 189, 203 и т. д.).

зять Пугачева со всѣми изгибами его сердца. Ограничиваясь точными, историческими данными, онъ этого не могъ сдѣлать. Но то, что было невозможно для него, какъ историка, было возможно для поэта, разгадывавшаго людей и ихъ побужденія по одной, повидимому, ничего незначущей чертѣ ихъ жизни или характера. Вотъ такимъ-то образомъ Пушкинъ разгадалъ въ „Капитанской дочкѣ“ и Пугачева со всѣми его особенностями, повадками, надеждами и опасеніями.

Отмѣтимъ въ заключеніе нашихъ параллелей между „Капитанскою дочкой“ и „Исторіей Пугачевского бунта“ объ Оренбургскомъ военномъ совѣтѣ, о которомъ говорится въ шестой главѣ романа. Объ этомъ совѣтѣ упоминается и въ „Исторіи“, въ романѣ же нѣсколько видоизмѣняется фактическая сторона дѣла. Описывая осаду Оренбурга, Пушкинъ проводитъ въ своей „Исторіи“ ту мысль, что Оренбургскій губернаторъ, Рейнсдорпъ могъ бы подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ, если бы дѣйствовалъ рѣшительно и не боялся отвѣтственности. „Въ семь городѣ, читаемъ въ третьей главѣ „Исторіи“, находилось до трехъ тысячъ войска и до 70 орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средствъ къ наступательному движенію. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ“. Совѣтъ, описанный въ „Капитанской дочкѣ“, происходилъ въ половинѣ октября 1773 года и такъ описывается въ „Исторіи“: „Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ чиновниковъ и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ. На семь совѣтѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: идти противъ бунтовщиковъ. Прочіе боялись новой неудачи,—привести жителей въ опасное уныніе и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ. Всѣ симпатіи Пушкина на сторонѣ Старова-Милюкова, и въ „Капитанской дочкѣ“ его „достойное военнаго человѣка“ мнѣніе поэтъ приписалъ молодому Гриневу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Архитектура „Капитанской дочки“. — Значеніе первыхъ трехъ главъ, какъ введенія въ романъ.—Сонъ Гринева.—Первая часть романа.—Вторая часть.— Ихъ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ.—Занимательность „Капитанской дочки“ и общій ходъ ея повѣствованія.—Почему Пушкинъ выбросилъ дополненіе къ XIII главѣ?—Историческій элементъ „Капитанской дочки“.—Заключительная глава, какъ эпилогъ романа.—Капитанская дочка“ не семейная хроника, а историческій романъ.—Отразилось ли на „Капитанской дочкѣ“ вліяніе повѣсти Ксавье де-Местра, „La jeune Sibirienne“?

Какую стройностью, какимъ изяществомъ и какою простотою отличается архитектура „Капитанской дочки“! У Пушкина можно учиться, какъ слѣдуетъ составлять планъ романа, скрѣплять отдѣльныя части и вести повѣствованіе, не прибѣгая къ многословію, не вводя въ разсказъ ни одной лишней черты, но въ то же время не упуская изъ виду ничего существеннаго „Капитанская дочка“—образецъ художественнаго повѣствованія. Въ ней нѣтъ ни пробѣловъ, ни плохо или слишкомъ сжато написанныхъ мѣстъ. Но въ ней также нѣтъ ни одного слова, ни одной сцены, ни одной подробности, которыя не оправдывались бы строжайшей необходимостью.

Первая глава вводитъ насъ въ безхитростный домашній бытъ дворянскаго гнѣзда конца прошлаго вѣка, знакомить съ старикомъ Гриневымъ и вообще съ той семейной обстановкой и съ той средой, подъ вліяніемъ которыхъ слагался нравственный обликъ такихъ людей, какъ молодой Гринева,—людей, инстинктивно державшихся прямыхъ дорогъ, несмотря ни на какія опасности и соблазны. Эта глава носитъ шутовское названіе: *Серужантъ гвардіи*. Еслибы Пушкинъ хотѣлъ озаглавить ее соотвѣтственно содержанію, то онъ могъ бы ей дать такое названіе: „Отроческіе годы Петра Андреевича Гринева, его отъѣздъ изъ отчужа дома и его первые самостоятельные шаги на житейскомъ поприщѣ“. Вся глава написана въ нѣсколько ироническомъ тонѣ. Гринева, отъ имени котораго ведется разсказъ, какъ бы хочетъ сказать: „Вотъ какимъ я былъ легкомысленнымъ, хотя и добрымъ малымъ, вступая въ жизнь! Прослѣдите же, что она изъ меня сдѣлала, какъ она меня довоспитала, какъ благотѣльно отразилось на мнѣ ея вліяніе, и какъ наглядно проявлялась воля Божія во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ моей молодости“. Было бы большою оппбкою безусловно довѣрять тѣмъ, не осо-

бенно лестнымъ отзывамъ, которые дѣлаетъ о самомъ себѣ Петръ Андреевичъ Гриневъ, вспоминая свое житье-бытье подъ родительскимъ кровомъ и свои приключенія въ симбирскомъ трактирѣ. Въ устахъ автора „семейственныхъ записокъ“ эти отзывы вполне естественны, но намъ не слѣдуетъ принимать ихъ за чистую монету: онъ кается въ грѣхахъ юности и умышленно сгущаетъ краски. О Гриневѣ, какимъ выпустила его на свѣтъ Божій семья, нужно судить не по одной первой главѣ, но и по слѣдующимъ за ней главамъ, во многомъ дополняющимъ ее. Объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ говорить впоследствии. Теперь же отмѣтимъ только, что вся первая глава проникнута сочувствіемъ къ изображаемому въ ней быту. Авторъ не скрываетъ комплиментныхъ сторонъ стариковъ Гриневыхъ и Савельича, но у него такъ и проглядываетъ любовное отношеніе къ этимъ людямъ, благодаря чему родовая усадьба героя романа сразу дѣлается чѣмъ-то близкимъ и роднымъ читателю „Капитанской дочки“.

Вторая глава переноситъ насъ въ тотъ край и въ тотъ міръ, въ которыхъ разыгралась пугачевщина. Гениальная картина бурана и сонъ Гринева служатъ какъ-бы отдаленными предвѣстниками будущаго мятежа, этого, въ своемъ родѣ, политическаго и соціальнаго урагана. И эта картина, и этотъ сонъ облачаютъ руку великаго мастера. Двѣ страницы, посвященные мятели,— вершъ совершенства по силѣ, образности, сжатости и живости языка. Онѣ рѣзко выдѣляются, какъ нѣчто изумительно прекрасное, даже изъ „Капитанской дочки“. То же самое можно сказать и о вѣщемъ снѣ Гринева. Намъ приходилось слышать упреки Пушкину и обвиненія его въ томъ, что онъ придаетъ этому сну какое-то мистическое и пророческое значеніе. Что сказать на это? Вѣсьмъ пзвѣстно, что у Пушкина были своего рода „повѣрья“ и „предразсудки“; едва-ли, однако можно отнести къ нимъ его вѣру въ предчувствіе, изъ которой вытекала и его вѣра въ таинственное, вѣщее значеніе нѣкоторыхъ сновъ, признаваемое, къ слову сказать, даже такимъ скептическимъ мыслителемъ, какъ Шопенгауэръ. Для того, чтобы понять сонъ Гринева и объяснить его себѣ, нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности прибѣгать къ Шопенгауэровской метафизикѣ. Гринева только что покинулъ отца и мать, только что испыталъ страшную опасность и встрѣтилъ, въ лицѣ оборваннаго и подозрительнаго бродяги, неожиданнаго спасителя. Что же удивительнаго, что юношѣ, который въ дѣтствѣ, разумѣется, наслушался немало разска-

зовъ о разбойникахъ, привидѣлся кровавый сонъ, и что въ немъ отразилась и воспомнанія объ отчемъ домѣ, и смутное, но сильное впечатлѣніе, произведенное загадочнымъ вожатымъ? Вотъ почему сонъ Гринева не поражаетъ своей неожиданностью и самъ собою вытекаетъ изъ „того состоянія чувствъ и души, когда сущность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія“. Гринева не могъ не припомнить этого сна, описывая свою молодость, съ ея запутанными и странными пропществіями, для Пушкина же сонъ Гринева имѣлъ значеніе эпизода, прекрасно дополняющаго картину бурана и сцену перваго появленія Пугачева, который сливался въ представленіи молодого Гринева, вмѣстѣ съ вьюгой и ея мглой, въ одно своеобразное и стихійно-грозное цѣлое.

Иносказательный разговоръ Пугачева съ хозяиномъ умета, предвѣщающій что-то недоброе въ близкомъ будущемъ; забавный споръ Савельича изъ-за заячьяго тулупа и изъ-за полтины денегъ—все это по-истинѣ прекрасно. Таинственный вожатый, внушающій чувство страха и удивленія, навсегда и сразу врѣзывается въ память, несмотря на свои шутовскія прибаутки и неприглядную внѣшность пьяницы и бродяги, и вы не будете слишкомъ удивлены, когда встрѣтитесь съ нимъ, какъ съ властнымъ бунтовщикомъ и самозванцемъ.

Вторая глава, въ которой уже слышатся отдаленные, глухіе раскаты Пугачевской грозы, завершается появленіемъ аккуратнаго, степеннаго, расчетливаго и недальновиднаго оренбургскаго губернатора, нѣмца Рейнсдорпа. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ повѣсти, Рейнсдорпъ описанъ Пушкинымъ съ тонкимъ комизмомъ, наглядно выставляющимъ несостоятельность начальника края, ставшаго ареной цѣлаго ряда важныхъ и кровавыхъ событій.

Третья глава знакомитъ насъ съ внутреннею жизнью комендантскаго домща и со всѣми главными обитателями Бѣлогорской крѣпости,—одной изъ тѣхъ наивныхъ, совсѣмъ не страшныхъ „фортецій“, на которыя пали первые удары Пугачева. Эта глава насквозь пропитана комично-патріархальною служебною идилліей и является какъ бы ироническимъ отвѣтомъ на ожиданія стараго Гринева относительно плодотворности суровой военной службы на окраинѣ государства. Вмѣсто нея мы видимъ какую-то безобидно-кукольную игру престарѣлаго капитана Миронова въ солдатки и нѣкъмъ неоспариваемое бабѣ управленіе крѣпостью, захваченное въ свои руки энергичною Бавкидою этого Филе-

мона. Бѣлогорская фортеція, съ ея мизернымъ гарнизономъ, состоящимъ изъ никуда негодныхъ инвалидовъ, и съ ея плутоватыми, мятежными казаками, ужь, конечно, не могла дать отпора Пугачевскому мятежу. Она могла противопоставить ему лишь героизмъ отдѣльныхъ личностей и ихъ нелицемерную вѣрность долгу даже до смерти, и только, но вотъ этотъ-то героизмъ и имѣлъ въ послѣдствіи на молодого Гринева то великое воспитательное вліяніе, котораго добивался старій Гриневъ для своего сына.

Первыя три главы составляютъ какъ бы *введение* въ романъ. Въ нихъ выведены всѣ главныя дѣйствующія лица, но читатель еще не можетъ дать себѣ отчета, зачѣмъ они нужны автору, и какъ онъ ими воспользуется. Все повѣствованіе носитъ пока мѣстъ чисто эпизодическій, отрывочный характеръ. Значеніе каждаго слова, каждой подробности первыхъ трехъ главъ выясняется лишь мало-по-малу изъ дальнѣйшихъ главъ.

Четвертая и пятая главы („Поединокъ“ и „Любовь“) составляютъ отдѣльную, въ себѣ замкнутую часть романа—разсказъ о сблженіи Гринева съ Марьей Ивановной, о зависти и ревности Швабрина, о дуэли изъ-за капитанской дочкы, о сватовствѣ Гринева о несогласіи Андрея Петровича на задуманный сыномъ бракъ и о другихъ, повидимому, непреодолимыхъ препятствіяхъ къ благополучной развязкѣ романа двухъ молодыхъ людей.

Изъ этихъ главъ мы уже хорошо узнаемъ и возвышенную, любящую натуру Марьи Ивановны, и низкій нравъ Швабрина, и благородный, пылкій нравъ молодого Гринева. Тутъ же, попутно, дорисовывается своеобразный бытъ старосвѣтскихъ обитателей Бѣлогорской крѣпости, причемъ каждая мелочь повѣствованія носитъ отпечатокъ гениальности. Простодушныя и грубоватыя, но, въ сущности, вѣрныя и мѣткія разсужденія Ивана Игнатьевича о поединкахъ, расправа Василисы Егоровны съ провинившимися офицерами, любовныя стишки Гринева въ Тредьяковскомъ стилѣ, письмо его отца къ Савельичу и простодушный отвѣтъ послѣдняго—все это верхъ совершенства по глубокому пониманію дѣйствительности, по колоритности языка и по свѣтлomu, чисто Пушкинскому юмору. Превосходны также и всѣ тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Марья Ивановна. Всѣ ея слова и дѣйствія такъ и дышатъ чарующею прелестью непорочной души.

„Духъ мой упалъ, говоритъ Гриневъ въ концѣ пятой главы.

Я боялся или сойти съума, или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важное вліяніе на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе“.

Этими словами завершается пятая глава, которую, вмѣстѣ съ четвертою главою, можно назвать *первой частью* „Капитанской дочки“. Читатель не видитъ никакого выхода для Марьи Ивановны и ея милаго изъ того положенія, въ которомъ они очутились, благодаря доносу Швабрина и предубѣжденію стараго Гринева противъ дочери капитана Миронова. Но вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену Пугачевъ и пугачевщина, дѣлающіе невозможное возможнымъ и самымъ неожиданнымъ и причудливымъ, но въ то же время и естественнымъ образомъ содѣйствующіе неразрывному сближенію Гринева съ Марьей Ивановной. Картины мятежа введены въ романъ не произвольно, не въ видѣ придатка, безъ котораго можно было бы обойтись, а въ силу неизбѣжной послѣдовательности. Онѣ такъ тѣсно сплетены въ одно неразрывное цѣлое съ фабулой повѣсти; онѣ служатъ такимъ необходимымъ связующимъ звеномъ ея начала и конца, что автору, какъ кажется читателю, не нужно было большой изобрѣтательности, чтобы натолкнуться на мысль объ этихъ картинахъ: онѣ, если можно такъ выразиться, сами напрашивались подъ руку. Но въ этомъ-то и сказалось все мастерство Пушкина въ дѣлѣ художественнаго повѣствованія. Эпизодъ съ заячьимъ тулупомъ, положенный въ основу романа, есть ни что иное, какъ вымышленный анекдотъ. Но какъ воспользовался поэтъ этимъ анекдотомъ! Съ какимъ искусствомъ онъ положилъ его въ основу своей повѣсти! Эпизодъ съ заячьимъ тулупомъ въ „Капитанской дочкѣ“ то же самое, что основная тема въ какой-нибудь симфоніи Бетховена. — тема, которая то и дѣло повторяется и видоизмѣняется на всѣ лады, постоянно напоминая о себѣ, какъ о главной нити всей композиціи. Что если бы до появленія „Капитанской дочки“ какое нибудь литературное общество предложило написать на конкурсъ романъ или рассказъ, въ которомъ Пугачевъ являлся бы добрымъ геніемъ, спасителемъ и покровителемъ молодого офицера, честно исполнявшаго свой долгъ въ теченіи всего мятежа и мужественно отвергшаго всѣ предложенія самозванца? Всѣ сказали бы, что эту задачу нельзя исполнить безъ явныхъ натяжекъ и хитросплетенной сѣти неправдоподобныхъ происшествій. Пушкинъ рѣшилъ эту задачу просто и безъ всякихъ психологическихъ и повѣствовательныхъ скачковъ. Фа-

була его романа поддерживает въ читателѣ неослабленный интересъ поразительнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго послѣдовательнымъ сдѣланиемъ обстоятельствъ. Читая „Капитанскую дочку“ въ первый разъ, каждый изъ насъ испытывалъ захватывающее любопытство. Предугадать ходъ ея событій по нѣсколькимъ начальнымъ главамъ нѣтъ никакой возможности: до самаго конца вы переходите отъ неожиданности къ неожиданности, и въ тоже время чувствуете, что всѣ эти столь странныя событія, описываемыя поэтомъ, самп собой вытекаютъ изъ его общаго замысла и не только не представляютъ ничего неправдоподобнаго, а, напротивъ того, производятъ впечатлѣніе чего-то неизбѣжнаго. Такимъ образомъ, Пушкинъ блестящимъ образомъ достигъ цѣли каждаго романиста. Онъ сумѣлъ объединить въ одно стройное цѣлое внѣшнюю занимательность съ бытовой и психологической правдой.

Девять главъ (VI—XIV), посвященныхъ Пугачевщинѣ, составляютъ какъ бы *вторую*, въ себѣ замкнутую часть „Капитанской дочки“, неразрывно связанную вмѣстѣ съ тѣмъ съ предшествующими главами и заключительной главой романа. Пугачевъ является во всѣхъ этихъ главахъ, за исключеніемъ шестой и десятой. Передъ глазами читателя происходитъ и глухое броженіе среди казаковъ Бѣлогорской крѣпости, предшествовавшее ихъ открытой измѣнѣ и служившее отголоскомъ разгоравшагося мятежа, и взятіе „фортеціи“ самозванцемъ, дающее наглядное представленіе, какъ совершались и чѣмъ объяснялись первыя побѣды Пугачева. Поэтъ знакомитъ насъ съ Пугачевымъ и какъ съ предводителемъ возстанія, и какъ съ грознымъ палачемъ вѣрныхъ слугъ царицы, и какъ съ атаманомъ разбойничьей шайки, пирующимъ съ своими „генералами“, и наконецъ, какъ съ защитникомъ и покровителемъ несчастной, гонимой Швабринымъ, Марьи Ивановны. „Капитанская дочка“ даетъ рядъ чудныхъ иллюстрацій къ исторіи Пугачевского бунта или, вѣрнѣе сказать, къ исторіи его начальнаго періода, который описывается во второй и третьей главахъ пушкинской монографіи.

О событіяхъ второй половины Пугачевщины въ „Капитанской дочкѣ“ упоминается лишь вскользь. Пушкинъ, видимо, не хотѣлъ на нихъ останавливаться: въ его планъ не входило художественное воспроизведеніе всей Пугачевщины, отъ зарожденія ея до самаго конца. Изучивъ съ особенной любовью и съ особеннымъ стараніемъ преимущественно первую половину мятежа, Пушкинъ сосредоточилъ на ней все свое вниманіе. Начало мя-

тежа, о которомъ поэтъ собралъ много преданій и устныхъ разсказовъ, рисовалось въ его воображеніи совершенно ясно. Тотъ же періодъ, когда Пугачевъ двинулся на Казань, и всѣ дальнѣйшія событія представлялись Пушкину уже далеко не столь отчетливо. Вотъ, вѣроятно, почему онъ едва упоминаетъ о нихъ въ „Капитанской дочкѣ“, фабула, которой приурочена къ тому времени, которое обнимаетъ собою зарожденіе бунта и первые боевые успѣхи Пугачева и продолжается вплоть до пребыванія его въ Бердѣ включительно. Сдѣлавъ это вполне сознательно, Пушкинъ уже не могъ и не имѣлъ никакой надобности долго останавливаться на томъ времени, когда Пугачевщина породила грозное движеніе среди крестьянъ и навела ужасъ на помѣщиковъ всего Поволжья. Поэтъ написалъ было нѣсколько страницъ, посвященныхъ этому періоду и печатающихся нынѣ въ видѣ дополненія къ XIII главѣ „Капитанской дочкѣ“, но выбросилъ ихъ и замѣнилъ нѣсколькими строчками, помѣщенными въ концѣ этой главы. Есть мнѣніе, что поэтъ сдѣлалъ это по цензурнымъ условіямъ, но цензурныя условія не играли въ данномъ случаѣ никакой роли. Если Пушкинъ не встрѣтилъ препятствій при изданіи своей „Исторіи Пугачевского бунта“ и „Капитанской дочкѣ“, то едва ли бы онъ встрѣтилъ какія-либо затрудненія, еслибы захотѣлъ напечатать свой разсказъ о трагикомическомъ бунтѣ крестьянъ стараго Гринева. Въдѣ разрѣшено же ему было говорить о крестьянскихъ бунтахъ въ „Исторіи.“ Пушкинъ выбросилъ этотъ отрывокъ, потому что остался имъ недоволенъ и пришелъ къ заключенію, что онъ только замедляетъ дѣйствіе романа и замѣтно растягиваетъ его, не прибавляя къ нему ничего существеннаго.

И Пушкинъ былъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ: что мы узнаемъ новаго о характерахъ стараго и молодаго Гринева, Швабрина и Савельича изъ этого отрывка? Ровно ничего. Поэтому разсказъ объ осадѣ, которую испытала семья Гриневыхъ въ хлѣбномъ амбарѣ, производитъ впечатлѣніе излишняго придатка къ роману. Она отзывается въ то же время и нѣкоторой искусственностью и неправдоподобіемъ. Появленіе Швабрина въ усадьбѣ Гринева, новая встрѣча съ своимъ счастливымъ соперникомъ и неожиданное прибытіе Швабрина Зурна съ гусарами,—все это кажется чѣмъ-то излишне пристегнутымъ къ повѣсти и лишь расколаживаетъ возбуждаемый ею интересъ. Въ этомъ, и только въ этомъ отрывкѣ Швабринъ дѣйствительно смахиваетъ на мелодраматическаго злодѣя, а Зуринъ исполняетъ роль *deus ex*

machina, сразу распутывающего всё затрудненіе. Конечно, и въ дополненіи къ XIII главѣ встрѣчаются мастерскія мѣста въ родѣ діалога молодого Гринева съ караульнымъ мужикомъ, загораживающимъ ему путь въ отцовскую деревню.

— Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?

— Да мы, батюшка, бунтуемъ.

Этотъ наивный отвѣтъ безподобенъ въ своемъ родѣ. Это *бунтуемъ* сразу поясняетъ намъ, какъ смотрѣли крестьяне, сбитые съ толку пугачевцами, на свою расправу съ помѣщиками, и почему движеніе, охватившее крѣпостное населеніе нѣсколькихъ губерній, въ концѣ концовъ было подавлено и ни къ чему не привело. Великолѣпна въ своемъ родѣ и краткая рѣчь, которую произноситъ старый Гринева къ мужикамъ, пришедшимъ къ нему съ повинной. Но такихъ типичныхъ и яркихъ мѣстъ въ дополненіи къ XIII главѣ сравнительно немного; они не выкупаютъ его недостатковъ и не придаютъ вымыслу характера живой дѣйствительности. Дополненіе къ XIII главѣ не удалось Пушкину и хотя и оно, какъ и все, что выходило изъ подъ пера великаго писателя, отмѣчено печатью геніальности, тѣмъ не менѣе это дополненіе все-таки составляетъ самую слабую часть „Капитанской дочки“, и если бы не было выброшено изъ нея, то портило бы цѣльность впечатлѣнія дивнаго, вполне законченнаго созданія. Пушкинъ почувствовалъ это и поэтому, и только поэтому, и вычеркнулъ свой отрывокъ. Искать въ данномъ случаѣ объясненія въ цензурныхъ условіяхъ значитъ надавать себѣ отчета въ общемъ планѣ „Капитанской дочки“ и въ высокихъ, никѣмъ непревзойденныхъ достоинствахъ этого романа.

Тѣ главы „Капитанской дочки“, въ которыхъ описывается пугачевская смута и выводятся ея герои, представляетъ наибольшій интересъ для историка. Но не эти главы только придаютъ „Капитанской дочкѣ“, характеръ историческаго романа, а все ея содержаніе отъ начала до конца. „Въ наше время, писалъ Пушкинъ при разборѣ „Юрія Милославскаго“ Загоскина: подъ словомъ (историческій) романъ, разумѣютъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. А къ чему же и сводится „Капитанская дочка“, какъ не къ „развитію цѣлой эпохи въ вымышленномъ повѣствованіи, въ которомъ романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму общпріимѣющую происшествія историческаго“? Въ „Капитанской дочкѣ“ отразились и помѣщицья жизнь, и военный бытъ, и крѣпостное право, и

русскій разбойничій людъ, и петербургскій Дворъ, и казаки, и инородцы, и иноземные выходцы второй половины прошлаго вѣка. Историческихъ лицъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть такихъ, имена и дѣла которыхъ сохранились въ исторіи, въ „Капитанской дочкѣ“ сравнительно немного. Къ нимъ принадлежатъ: Пугачевъ, Бѣлобородовъ, Хлопуша, Рейнсдорпъ, Екатерина II—п только, причемъ лишь одинъ Пугачевъ относится къ числу главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Но если подразумѣвать подъ историческими лицами всѣхъ типичныхъ представителей давно минувшей эпохи, не исключая и тѣхъ, которые забыты исторіей, какъ наукой, но которые *дѣлами исторію*, то въ „Капитанской дочкѣ“ не окажется ни одного лица, которое нельзя было бы назвать историческимъ, и которое не являлось бы яркимъ выразителемъ духа и особенностей второй половины XVIII вѣка, когда подготавлилась и разыгралась Пугачевщина. Гринева, Миронова, Швабринъ, Савельичъ и т. д.—все это такіе историческіе и бытовые типы, безъ отчетливаго изображенія и пониманія которыхъ нельзя живо описать и представить себѣ пугачевскую смуту, ея происхождение и развязку. Капитанъ Мироновъ или старикъ Гринева, напримѣръ, не историческіе лица въ буквальномъ смыслѣ, но они могутъ быть названы *историческими* лицами, какъ типичные представители лучшей части тогдашняго дворянства и военнаго сословія, игравшихъ такую громадную роль въ борьбѣ со смутой и въ восстановленіи распатаннаго мятежемъ порядка. Въ этомъ, болѣе обширномъ, смыслѣ слова и Василіса Егоровна есть, безъ сомнѣнія, историческое лицо, ибо и въ ней сказался XVIII вѣкъ съ его царившею на окраинахъ безурядицею. Въ томъ же широкомъ значеніи слова, историческими лицами могутъ быть названы даже и такіе третъестепенные герои „Капитанской дочки“, какъ хозяинъ умета, отъ Григорій, старый башкирецъ и т. д. Каждый изъ нихъ является яркимъ выразителемъ эпохи, которая воспроизводится въ „Капитанской дочкѣ.“ Отъ Григорій—это одинъ изъ тѣхъ священниковъ, которые противъ убѣжденія, по слабости характера и отсутствію гражданской доблести, переходили на сторону самозванца. Хозяинъ умета — это одинъ изъ тѣхъ казаковъ, политическое настроеніе которыхъ столь враждебное правительству, сдѣлало возможнымъ появленіе Лжепетра. Старый башкирецъ даетъ намъ ясное понятіе объ отношеніяхъ, существовавшихъ наканунѣ Пугачевщины между инородцами и администраціей Оренбургскаго края и переноситъ насъ въ міръ ея полу-

диких кочевниковъ. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Страхова, считающаго „Капитанскую дочку“ не историческимъ романомъ, а семейною хроникой. Правда, чисто ви́шній интересъ фабулы „Капитанской дочки“ сосредоточенъ не на томъ или другомъ историческомъ событіи, а на любви двухъ вымышленныхъ лицъ. Но не тоже ли самое мы видимъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта, которымъ, однако, никто не отказывалъ по этой причинѣ въ названіи историческихъ? Къ тому же вѣдь главнымъ героемъ „Капитанской дочки“ является все-таки Пугачевъ, или, лучше сказать, Пугачевщина. XIV глава, которою заканчивается вторая часть „Капитанской дочки“, совершенно неожиданно, но въ тоже время вполне естественно, собираетъ новыя тучи надъ головой Гринева и снова заставляетъ читателя тревожиться объ участи Гринева, уже добившагося главной цѣли своей жизни — согласія Марьи Ивановны сдѣлаться его женой. Последняя, заключительная глава романа составляетъ его *эпилогъ*. Въ ней дѣйствіе бьетъ ключомъ и быстро ведетъ къ развязкѣ запутанныхъ событій „Капитанской дочки.“ Неослабный интересъ поддерживается въ читателѣ до самаго конца. Рассказъ о судѣ надъ молодымъ Гриневымъ, о пребываніи Марьи Ивановны въ усадьбѣ его родителей и объ ея поѣздкѣ въ Петербургъ далъ поэту возможность прибавить нѣсколько мастерскихъ штриховъ къ изображенію Швабрина, стариковъ Гриневыхъ, ихъ сына и его невѣсты и сопоставить картину быта и нравовъ Симбирской губерніи и Оренбургскаго края съ небольшою, но чудною картиною дворцоваго величія и блеска и съ гениальными сценами, въ которыхъ выведена императрица Екатерина II. Екатерина II является въ концѣ „Капитанской дочки“ символическимъ и въ тоже время глубокоправдивымъ воплощеніемъ несокрушимой и благой силы царской власти, руководимой разумомъ и чувствомъ справедливости.

Г. Поливановъ въ своихъ комментаріяхъ къ „Капитанской дочкѣ“ говоритъ: „Исходъ повѣсти основанъ на извѣстномъ рассказѣ о дѣйствительномъ событіи, рассказанномъ на французскомъ языкѣ Ксавье-де-Местромъ въ его повѣсти: *La jeune Sibérienne*, и популяризована въ драмѣ Н. Полевого: „Параша Сибирячка“ (Сочиненія А. С. Пушкина, изданіе Льва Поливанова, т. IV, стр. 240). Но Пушкину, великому поэту, уже, конечно, не могло придти въ голову подражать Ксавье-де-Местру и искать у него исхода для своего романа. Нѣкоторое сходство

въ развязкѣ „Капитанской дочки“ и „La jeune Sibirienne“ объясняется тѣмъ, что такого рода развязки на Руси, какъ и вообще въ неограниченныхъ монархіяхъ, бывали сплошь и рядомъ и особенно часто повторялись въ прежнія, дореформенныя времена,—во времена чисто формальнаго, письменнаго процесса. И „Капитанская дочка“ и „La Jeune Sibirienne“ отразили въ данномъ случаѣ одно и то же явленіе русской жизни, вотъ и все. Сходство тутъ чисто случайное, да и сходство-то это довольно отдаленное. Оно заключается лишь въ томъ, что и у Пушкина, и у Ксавье-де-Местра осужденные получаютъ помилованіе вслѣдствіе просьбы близкихъ къ нимъ людей, обращенной къ носителямъ верховной власти. Подробности совершенно различны. Молодая сибирячка проситъ за отца императора Александра I при обстоятельствахъ и обстановкѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ „Капитанской дочкой“. У Ксавье-де-Местра нѣтъ и намека на ту оригинальную встрѣчу и бесѣду бѣдной сироты съ императрицей, сохраняющей инеогнито, которое придаетъ такую прелесть, жизненность и занимательность послѣднимъ страницамъ „Капитанской дочки“. Изъ писемъ Пушкина къ Корсакову (см. *Историческій Вѣстникъ*, 1895 г., май) видно, что фабула „Капитанской дочки“ была задумана не подъ влияніемъ повѣсти де-Местра, а подъ влияніемъ къ-мъ-то сообщеннаго поэту преданія объ одномъ офицерѣ, замѣшанномъ въ Пугачевщину и прощенномъ по просьбѣ престарѣлаго отца. На это, вѣроятно, намекаетъ и черновой отрывокъ предисловія къ „Капитанской дочкѣ“, которое къ ней хотѣлъ присоединить Пушкинъ: „Анекдотъ, служившій основаніемъ повѣсти, нами издаваемой, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Читателю легко будетъ распознать нить истиннаго происшествія, проведенную сквозь вымыслы романическіе, а для насъ это было бы излишнимъ трудомъ. Мы рѣшились напечатать это предисловіе съ совсѣмъ другимъ намѣреніями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ альманаховъ напечатанъ былъ“..... На этихъ словахъ Пушкинъ оборвалъ задуманное имъ предисловіе, и „анекдотъ“, о которомъ въ немъ говорится, едва ли будетъ когда-нибудь узнавъ со всѣми его подробностями. Конечно, объ этомъ можно только сожалѣть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Четыре группы героевъ и героинь „Капитанской дочки“.—Андрей Петровичъ Гриневъ—Его происхождение и служебное прошлое.—Его характеристика и убѣжденія.—Сближеніе ихъ съ „Наказомъ“ Екатерины II и со взглядами фонвизинскаго Стародума.—Наставленія Андрея Петровича сыну.—Авдотья Васильевна Гринева.—Петръ Андреевичъ Гриневъ.—Мнѣнія, высказанныя о немъ Бѣлинскимъ и проф. Ключевскимъ.—Наслѣдственныя черты Петра Андреевича.—Его сходство и различіе съ отцомъ.—Его воспитаніе и образованіе.—Его первые самостоятельные шаги на житейскомъ поприщѣ.—Его отношенія къ Савельичу, Швабрину, Марьѣ Ивановнѣ и Пугачеву.—Основные черты его характера.—Его нравственное развитіе.—Петръ Андреевичъ на свлонѣ львъ.—Савельичъ, какъ порожденіе крѣпостнаго права.—Его душевная чистота.—Его преданность Гриневымъ.—Его прямота и самоотверженіе.—Бомичныя черты его характера.—Его нравственная связь съ Петромъ Андреевичемъ.—Мосье Бопре.

Дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“ можно раздѣлить на четыре группы. Къ первой—относятся Гриневы съ Савельичемъ и Бопре; ко второй—Мироновы: отецъ, мать и дочь—съ Иваномъ Игнатьевичемъ; къ третьей—Пугачевъ и пугачевцы, а въ ихъ числѣ и Швабринъ; къ четвертой—Екатерина II, Рейнсдорпъ и др.

Начинаемъ характеристику героевъ и героинь романа съ Гриневыхъ.

* * *

Старый Гриневъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ и типичнѣйшихъ лицъ въ нашей литературѣ, несмотря на то, что ему отведено въ „Капитанской дочкѣ“ второстепенное мѣсто, и что онъ обрисованъ авторомъ немногими, хотя и геніальными чертами. Андрей Петровичъ—это яркій представитель лучшей части нашего помѣстнаго дворянства, организованнаго и воспитаннаго Петромъ Великимъ въ суровой школѣ военныхъ походовъ и иныхъ „несносныхъ трудовъ“ и жертвъ, которыми строилась и крѣпла его Имперія. Всмотритесь и вдумайтесь въ старика Гринева, и вы поймете душевный складъ, міросозерцаніе, семейный бытъ и идеалы многочисленныхъ подвижниковъ Петра Великаго изъ дворянъ, имена которыхъ не сохранились въ исторіи, но которые, тѣмъ не менѣе, въ значительной степени, вынесли на своихъ плечахъ всѣ тяготы эпохи преобразованія и слѣдовавшихъ за нею царствованій.

Прежде, чѣмъ приступить къ анализу характера и образа мыслей Андрея Петровича, остановимся на его генеалогіи и служебномъ прошломъ.

Пращуръ Гринева „умеръ на лобномъ мѣстѣ“, отстаивая то, что почиталъ святыней совѣсти“. Когда именно это произошло, изъ „Капитанской дочкѣ“ не видно; по всей вѣроятности, при Юаннѣ Грозномъ. Отецъ стараго Гринева пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Изъ всего этого нужно сдѣлать заключеніе, что Петръ Андреевичъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, игравшему не послѣднюю роль въ исторіи и неразъ навлекавшему на себя опалы, благодаря своей прямотѣ и неумѣнью подлаживаться къ обстоятельствамъ.

„Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ“, — могъ бы сказать про себя старый Гринева словами Пушкина. Онъ былъ „родовъ униженныхъ обломокъ“, и не сдѣлалъ блестящей карьеры. Почему? Можетъ быть, потому, что сравнительно рано вышелъ въ отставку (вѣроятно, въ виду необходимости взять въ свои руки управленіе деревней), а можетъ быть, и потому, что не отличался способностью хватать чины и награды и, несмотря на свою исполнительность и храбрость,¹ не очень — то нравился начальству, вслѣдствіе своего крутого и самостоятельнаго нрава. — Долго-ли старый Гринева состоялъ на службѣ? Вѣроятно, не ме-

¹ Наглядный примѣръ храбрости Андрея Петровича едва-ли, впрочемъ, требующей доказательствъ, мы имѣемъ въ дополненіи къ XIII главѣ „Капитанской дочкѣ“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается, какъ онъ ранитъ Швабрину.

— Сдаётся-ли? кричитъ Швабринъ. Видите, черезъ пять минутъ васъ изжарятъ.

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Теперь пора!“

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: „За мной!“ Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабринъ, прострѣленный дряхлою рукой отца моего“.

Мужественный и суровый Андрей Петровичъ, конечно, не могъ отличаться чувствительностью и безъ малѣйшаго волненія смотрѣлъ на страданія врага, сраженнаго его выстрѣломъ. Романтически-рыцарскія чувства его сына не были ему присущи, и онъ не боялся показать видъ, что торжествуетъ надъ униженіемъ и несчастіемъ недруга, съ которымъ бился по долгу присяги, защищая къ тому же себя и свою семью.

„Проходя мимо Швабрину, Зуринъ остановился. „Это кто?“ спросилъ онъ, глядя на раненаго. „Это самъ предводитель шайки“, отвѣтилъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающею стараго воина. „Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына“.

нѣе двадцати пяти лѣтъ, такъ какъ по манифесту 31 декабря 1736 года дворяне обязаны были служить 25 лѣтъ. Этотъ законъ сохранялъ силу до манифеста 1762 года, которымъ дворяне были освобождены отъ обязательной службы. Въ 1774 году Гриневъ, какъ видно изъ послѣдней главы „Капитанской дочки“, находился уже въ преклонномъ возрастѣ; въ молодости онъ участвовалъ въ походахъ графа Миниха, (см. начало романа и письмо Гринева къ Рейнсдорпу), былъ товарищемъ Рейнсдорпа, „воина временъ Анны Иоанновны“, а слѣдовательно, и самъ началъ службу не позже тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія, всего же вѣроятно, что даже еще раньше, быть можетъ, при Петрѣ Великомъ. Для того, чтобы попасть въ число офицеровъ, служившихъ при самомъ Минихѣ, онъ долженъ былъ прослужить довольно долго въ низшихъ чинахъ, ибо даже по манифесту 1762 года двѣнадцатилѣтній срокъ службы въ низшихъ чинахъ оставался обязательнымъ для всѣхъ сословій безъ исключенія для приобрѣтенія права на первый офицерскій чинъ (Полн. Собр. Зак. № 11,444, § 8), записываніе же малолѣтковъ на службу съ тою цѣлью, чтобы старшинство на производство въ чины начиналось для нихъ съ ранняго дѣтства, стало входить въ обычай лишь при Аннѣ Леопольдовнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ („Дворянство въ Россіи“ Романовича-Славатинскаго, стр. 128—129). Презрѣніе, которое питалъ Андрей Петровичъ къ „шематамъ“ гвардіи, и уваженіе, съ которымъ онъ отзывался о солдатской лямкѣ, доказываетъ, что старый Гриневъ служилъ все время въ арміи и, вѣроятно, подобно Державину и многимъ другимъ дворянамъ, жилъ до производства въ офицеры вмѣстѣ съ рядовыми, исполняя всѣ работы, которыя на нихъ возлагались. Вообще, та суровая школа службы, которую проходилъ Андрей Петровичъ въ свои ранніе годы, не пмѣла ничего общаго съ тою беспечальною и легкою службой, которую несъ его сынъ въ Бѣлогорской крѣпости.

Старый Гриневъ вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ; чинъ премьеръ-маіора былъ по счету шестымъ офицерскимъ чиномъ („Дворянство въ Россіи“ Романовича-Славатинскаго, стр. 220), и былъ данъ Андрею Петровичу, по общему правилу, при оставленіи службы; значить онъ получилъ на дѣйствительной службѣ всего пять офицерскихъ чиновъ, хотя, несомнѣнно, неразъ отличался на войнѣ, ибо его заслуги были приняты во вниманіе Императрицей Екатериной II при назначеніи

наказанія его сыну. Старый Гриневъ былъ честолюбивъ, — это видно изъ того волненія, съ какимъ онъ перечитывалъ ежегодно „Придворный календарь“ и узнавалъ о повышеніи своихъ подчиненныхъ и товарищей, — но онъ не имѣлъ ничего общаго съ карьеристами, не гнался за почестями и богатствомъ и, принужденный подавить свое честолюбие и поселиться въ Симбирской глуши, женился на дочери бѣднаго дворянина, не думая поправлять свои обстоятельства посредствомъ брака и довольствуясь своею деревней въ триста душъ крестьянъ.

Сколько лѣтъ старому Гриневу въ то время, когда происходитъ дѣйствіе „Капитанской дочки?“ Если допустить, что онъ, по примѣру другихъ дворянъ эпохи Петра I, поступилъ на службу лѣтъ пятнадцати (князь Я. П. Шаховской, какъ видно изъ его записокъ, былъ опредѣленъ родителями въ солдаты Семеновскаго полка 14-ти лѣтъ), и остановиться на нашихъ предположеніяхъ о началѣ и продолжительности службы Андрея Петровича, то выйдетъ, что онъ вышелъ въ отставку и женился въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, лѣтъ сорока отъ роду: значитъ, во время Пугачевского бунта ему было, приблизительно, шестьдесятъ пять лѣтъ.

Пушкинъ не скрываетъ темныхъ сторонъ стараго Гринева: его самовластныхъ привычекъ, его суроваго, нѣсколько деспотическаго обращенія съ семьей и съ крестьянами, его паивнаго и невѣжественнаго взгляда на просвѣщеніе и науку, благодаря которому онъ могъ принять за образованнаго педагога даже Вопре. Всѣ эти недостатки сглаживаются здравымъ смысломъ Гринева, его практическимъ умомъ, его умѣньемъ повелѣвать, его способностью крѣпко держать въ рукахъ и свои семейныя дѣла, и несложныя хозяйственныя и административныя дѣла своей деревни. Какъ мужъ, отецъ и помѣщикъ, Гриневъ мало отличался отъ своихъ предковъ, хотя и завелъ въ домѣ учителя — француза. Онъ унаслѣдовалъ ихъ патріархальный взглядъ и неизмѣнно руководствовался имъ въ жизни. Онъ былъ грознымъ властелиномъ жены, хотя любилъ и уважалъ ее по своему и ужъ, конечно, никому не далъ бы ей въ обиду. Онъ заботливо относился къ участи своего сына, но былъ далекъ, въ отношеніи къ нему, отъ всякой сентиментальности. По всей вѣроятности, крестьяне не имѣли основанія жаловаться на него, хотя, разумѣется, онъ ужъ нискоимъ образомъ не потакалъ ихъ слабостямъ и не склоненъ былъ довольствоваться ролью добраго

барина, живущаго исключительно для своихъ „мужичковъ“¹. Онъ, безъ сомнѣнiя, высоко ставилъ себя надъ *чернымъ* народомъ и невольно относился съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ даже къ вѣрному Савельичу, въ твердомъ убѣжденiи, что между „подлыми“ людьми и „бѣлой костью“ лежитъ непроходимая бездна. Но неспроста тотъ-же самый Савельичъ такъ искренно любилъ своего строгаго господина: подъ его суровой внѣшностью онъ умѣлъ разглядѣть и понять и справедливое отношенiе къ нуждамъ крестьянъ, и неподдѣльное сочувствiе къ ихъ радостямъ и горю. Къ тому-же, Савельичъ и другiе „подданные“ стараго Гринева, несмотря на почтительность, которую они должны были выказывать своему барину, прекрасно понимали, что они ближе къ нему люди, ибо они были съ Гриневымъ одного поля ягоды. Ихъ взгляды, понятiя, вкусы, привычки,—все это во многомъ совпадало, а потому и суровое, но толковое управление Андрея Петровича не тяготило ихъ, какъ не тяготить дѣтей строгая, но разумная власть отца.

Одна изъ главныхъ особенностей стараго Гринева — чувство собственнаго достоинства, вытекающее у него изъ глубокаго и крѣпко засѣвшаго уваженiя къ предкамъ и званiю дворянина. Гринева никогда не забываетъ о своемъ дворянскомъ происхожденiи и о своей связи со всѣмъ родомъ Гриневыхъ. Его сословная и родовая гордость не пустая спѣсь и не смѣшной предразсудокъ, а путеводная нить, при помощи которой онъ выходитъ изъ всѣхъ житейскихъ испытанiй, не утрачивая самообладанiя. Эта гордость дѣлаетъ его выносливымъ въ трудныя минуты, облагораживаетъ его стремленiя и временами возвышаетъ до истиннаго героизма. Воспоминанiя о прапрашурѣ, казненномъ при Иоаннѣ Грозномъ за правое дѣло, и объ отцѣ, погибшемъ при Биронѣ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ,—вотъ что составляетъ предметъ гордости стараго Гринева. Онъ равнодушно, даже нѣсколько высокомерно, относится къ близкому родству съ влiятельнымъ и блестящимъ маіоромъ гвардiи, офицеромъ Семеновскаго полка, княземъ В., но онъ въ высшей степени

¹ Старый Гринева такъ-же серьезно относился къ обязанностямъ помѣщика, какъ и къ военной службѣ. Посвятивъ себя сельскому хозяйству, онъ занимался имъ съ любовью, не упуская изъ виду ни одной мелочи и не полагаясь на старосту. Въ дополненiи къ главѣ XIII „Капитанской дочки“ Андрей Петровичъ, намекая на прочность своихъ построекъ, не безъ гордости говоритъ сыну: „не таковскiй я хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары мои входить и выходить воровскими лазейками.“

дорожить принадлежностью къ старому, честному дворянскому роду, запечатлѣвшему кровью вѣрность долгу и чести.

Честь и нелицемѣрная преданность Престолу и родинѣ,— вотъ къ чему сводится весь нравственный кодексъ стараго Гринева. Воспитавшись въ школѣ, созданной Преобразователемъ, Гринева усвоилъ себѣ самый возвышенный взглядъ на значеніе царской службы. Онъ видѣлъ въ ней не путь къ наживѣ и карьерѣ, а священный долгъ каждаго дворянина ¹ и средство къ выработкѣ ума и характера молодаго человѣка. Никѣмъ не побуждаемый, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, онъ, по собственному почину, отправляетъ сына на дальнюю окраину понюхать пороху и тянуть неселую армейскую лямку. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что пребываніе въ Оренбургской крѣпости принесетъ его сыну громадную пользу и превратитъ его изъ недоросля и маменькина сынка въ человѣка долга и серьезнаго взгляда на жизнь. Когда Гринева узнаетъ объ обвинительномъ приговорѣ Императрицы

¹ Такого взгляда держались все лучшіе дворяне и послѣ освобожденія отъ обязательной службы; считая свое сословіе служилымъ, они находили недостойнымъ себя и своихъ сыновей пользоваться предоставленнымъ дворянамъ правомъ стоять въ сторонѣ отъ службы государству. Въ „Недоросль“ Фонвизина Стародумъ говоритъ: „Еслибъ такъ должность (то-есть долгъ) исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было-бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; *есть отечество, которому служить*. Тогда не было-бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предкамъ.

Стародумъ былъ убѣжденъ, что каждый дворянинъ обязанъ „служить отечеству“, пока позволяютъ силы.

Стародумъ... Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградой службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое несправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ. Что-жъ-бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остережеться отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія.

Правдинъ. Но развѣ дворянину не позволено взять отставку ни въ какомъ случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существовавіе должности дворянина.

надъ его сыномъ, онъ приходитъ въ отчаяніе не потому, что сынъ оказался въ числѣ опальныхъ, а потому, что онъ былъ признанъ измѣнникомъ, нарушившимъ присягу и перешедшимъ на сторону Пугачева. Не горькая участь сына, а его мнимая низость. — вотъ что убивало стараго Гринева. Онъ справился бы съ своимъ горемъ, если бы его сынъ поплатился жизнью, отстаивая правое, святое дѣло, но онъ никогда не могъ бы примириться съ подлымъ поступкомъ сына, хотя бы этотъ поступокъ не повлекъ за собою никакого наказанія. Кто не помнитъ прекрасныхъ словъ стараго Гринева, произнесенныхъ послѣ того, какъ онъ узнаетъ, что Императрица, изъ уваженія къ его заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ, помиловала его мнимо-преступнаго сына и, избавивъ его отъ позорной казни, повелѣла сослать въ Сибирь на поселеніе. „Какъ! повторялъ, выходя изъ себя Андрей Петровичъ: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святыней совѣсти, отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волинскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками и убійцами, съ бѣглецами холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!..“ Въ этихъ словахъ сказывается и печаль отца, и доблесть гражданина; они проливаютъ яркій свѣтъ на стараго Гринева и привлекаютъ къ нему наше сочувствіе. Эти слова доказываютъ, что Гринева, въ случаѣ надобности, не остановился бы для спасенія родины передъ самыми тяжелыми жертвами, и что его преданность Россіи, коронѣ и долгу была не пустымъ звукомъ, а несокрушимымъ убѣжденіемъ. Если-бъ судьба столкнула его съ Пугачевымъ, онъ умеръ бы такою же прекрасной смертью, какъ и капитанъ Мироновъ.

Андрей Петровичъ, конечно, не подозрѣвавшій о существованіи Монтескье, былъ твердо убѣжденъ, что *noblesse oblige*, и насквозь пропитанъ тѣми взглядами на дворянство и его призваніе, которые высказываются въ „Наказѣ“ Екатерины II. „Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены.“ „Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства.“ „Добродѣтель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ Государю и безпрестанно внушающими не дѣлать никогда безчестнаго дѣла.“ „Мало такихъ случаевъ, которые бы болѣе вели къ по-

лученію чести, какъ военная служба: защищать отечество свое, побѣдить непріятеля онаго, есть первое право и упражненіе, приличествующее дворянамъ“ („Наказъ“, §§ 360 и 363—365). Читая только-что приведенныя слова Екатерины II, Андрей Петровичъ Грицесъ, вѣроятно, не находилъ въ нихъ ничего для себя новаго и охотно подписался бы подъ ними обѣими руками: онъ принадлежалъ къ дворянамъ того типа, которые говорили въ 1767 году въ Комиссіи, созданной Императрицей для составленія Уложенія, что въ дворянствѣ, какъ *въ главномъ чинѣ Имперіи*, „честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ,“ и что „дворянство должно быть особливимъ родомъ людей въ государствѣ, обязанность которыхъ служить ему“ („Сборн. Русск. Истор. Общ.“ VI, 205). Будучи самага высокаго мнѣнія о дворянскомъ достоинствѣ, Андрей Петровичъ охотно повторилъ бы слова Стародума изъ „Недоросля“ Фонвизина: „дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю.“

Глубоко знаменательными являются наставленія, которыя даетъ Андрей Петровичъ сыну при его отъѣздѣ на прощанье: „Служи вѣрно, кому присягнешь; на службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся; не гоняйся за лаской начальника; береги платье съ нова, а честь съ молоду.“¹

Каждое изъ этихъ четырехъ правилъ составляетъ основной

¹ Наставленія стараго Грипева, какъ и вся „Капитанская дочка“, обличаютъ въ Пушкинѣ глубокое пониманіе старинной русской жизни и начитанность въ нашия историческія памятникахъ. Они поразительно напоминаютъ завѣщаніе извѣстнаго русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля В. Н. Татищева, написанное имъ для сына и изданное подъ именемъ „Духовной Татищева“ въ 1773 году. Въ этомъ завѣщаніи Татищевъ совѣтовалъ сыну соблюдать вѣрность Государю, заботиться о государственной пользѣ и ревностно вести государственную службу. Въ исполненіи этихъ правилъ онъ и полагалъ достоинство служилаго человека. „Главное же повиновеніе, писалъ Татищевъ, собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя не опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи... и когда я оно сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ; равножъ и надъ другими слышалъ.“

Въ данномъ случаѣ В. Н. Татищевъ только повторялъ слова отца своего, который, отправляя его съ братомъ на войну въ 1704 году, наказывалъ имъ накрѣпко, чтобъ они ни отъ какого положенаго на нихъ дѣла не отрицались и ни на что сами не назывались.“ См. Николая Попова „В. Н. Татищевъ и его время“, стр. 13—14 и 217—„Духовная“ Татищева, по всей вѣроятности, была хорошо извѣстна Пушкину..

догматъ личной морали Гринева, и въ нихъ, какъ нельзя лучше, отражается весь его нравственный обликъ.

„Служи вѣрно, кому присягнешь.“ Чтобы понять цѣль, съ которою старый Гринева говорилъ это своему сыну, нужно имѣть въ виду время, когда совершаются событія „Капитанской дочкы“. То было время дворцовыхъ переворотовъ, неожиданныхъ возвышеній и столь же неожиданныхъ паденій; то было смутное время, когда у русскихъ людей еще были въ памяти и присяга Юанну VI, уничтоженная присягой Елизаветѣ Петровнѣ, и присяга Петру III, уничтоженная присягой Екатерины II. Гринева видѣлъ въ присягѣ не простой обрядъ, не одну формальность, а дѣло великое и святое, имѣющее рѣшающее значеніе въ жизни. Смыслъ его наставленія таковъ: „Будь вѣренъ тому, кому поклянешься служить. Не думай, что можно играть присягой. Если для соблюденія ея окажется нужнымъ пожертвовать собою, — ни передъ чѣмъ не останавливайся. Лучше провести свой вѣкъ въ нищетѣ, лучше погибнуть въ Сибирѣ или на плахѣ, чѣмъ запятнать себя измѣной и клятвopреступленіемъ.“

„Слушайся начальниковъ, за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся.“¹ И въ этихъ наставленіяхъ старый Гринева остался себѣ вѣренъ. Посылая сына на службу, онъ стремился не къ тому, чтобы тотъ попалъ въ „случайные“ люди, нахваталъ всякими правдами и неправдами чиновъ и орденовъ. Гринева, конечно, считалъ бы себя счастливымъ, если бы его сынъ выдѣлился изъ ряда вонъ своими заслугами, но онъ не хотѣлъ видѣть его среди искателей, пролагающихъ себѣ дорогу къ почестямъ посредствомъ по-

¹ „На службу не напрашивайся, отъ службы не отговаривайся,“ — это пословица, въ которой выразились житейская мудрость и нравственные воззрѣнія нашего служилого сословія. Вторая половина этой пословицы заключаетъ косвенное порицаніе всякой попытки уклониться отъ службы, избѣгнуть сопряженныхъ съ нею тягостей и опасностей, первая — сводится къ совѣту не искушать Провидѣніе, не играть жизнью, не выславивать впередъ, не обращать на себя искусственно вниманія начальства и не возбуждать тѣмъ зависти и ненависти въ товарищахъ. Пословица, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ несколько вариантовъ. Въ извѣстномъ сборникѣ Дали „Пословицы русскаго народа“ (изд. 2-е, I, 297) приводятся слѣдующіе три варианта ея: „На службу не напрашивайся (не накупайся), отъ службы не отпрашивайся“ (не откупайся); „на службу не пабивайся, а отъ службы не отрекайся“; „ни на службу вскачь, ни отъ службы прочь.“ Къ этому же разряду пословицъ принадлежала и народная поговорка о наймѣ рекрутъ: „Грѣшно чужою кровью откупаться.“

кровпительства разных „милостивцев“. Онъ внушаетъ сыну прежде всего строгое исполненіе долга. Своими только-что приведеннымп наставленіями, онъ желаетъ сказать вотъ что: „Не старайся избѣгать трудныхъ и опасныхъ порученій и ставь исполненіе служебныхъ обязанностей выше соображеній о карьерѣ и расположенія людей, власть имущихъ. Умѣй жертвовать собою, если того потребуетъ служба; но не бросайся въ опасности, очертя голову. Будь храбрымъ, но не будь искателемъ приключеній, не будь выскочкой и не унижайся до происковъ и лести.“ „Береги честь съ молоду“¹. Въ этомъ послѣднемъ п главномъ правилѣ Гринева объединяются всѣ его наставленія. Честь—это его святыня и сокровище, которымъ онъ дорожитъ всего болѣе и которое онъ совѣтуетъ сыну блюсти отъ молодыхъ ногтей. Честь—главный двигатель всѣхъ чувствъ п поступковъ Гринева. Руководствуясь всегда и во всемъ честью, онъ умѣлъ цѣнить ее и въ другихъ. Когда къ нему пріѣзжаетъ въ домъ Марья Ивановна, онъ, несмотря на все свое предубѣжденіе противъ дѣвушки, на которой его сынъ самовольно задумалъ жениться, радушно встрѣчаетъ бѣдную сироту, какъ только узнаетъ, что ея отецъ былъ повѣшенъ Пугачевымъ и всенародно обличалъ его въ самозванствѣ. Исповѣдая культъ чести, какъ вѣрности служебному п сословному долгу, старый Гриневъ невольно и безсознательно привилъ этотъ культъ своему сыну п тѣмъ самымъ спасъ его отъ паденія и ошибокъ въ Вѣлгородской крѣпости п при столкновеніяхъ съ Пугачевымъ. Молодой Гриневъ—плоть отъ плоти и кость отъ кости своего отца, и вотъ почему Пушкинъ поставилъ эпиграфомъ къ своему роману пословицу, которою завершаетъ старый Гриневъ наставленія сыну: „Береги честь съ молоду.“ Нравственный смыслъ „Капитанской дочки“ сводится именно къ этому совѣту.

Жена стараго Гринева оставлена Пушкинымъ въ тѣни. Она является въ романѣ не какъ вполне обрисованный характеръ, а какъ мастерски набросанный силуэтъ. Это добрая, недалекая п нѣсколько забитая женщина, пришедшая безропотно повиноваться мужу п всецѣло преданная семьѣ п домашнему хозяйству, всѣмъ знакомый типъ стариннаго

¹ Кромъ пословицы о чести, которую приводитъ Гриневъ, и ея варианта: „Береги честь съ молоду, а здоровье подъ старость“, есть еще нѣсколько прекрасныхъ русскихъ пословицъ о чести: „за честь (за стыдъ) голова гиветь“ (погибаетъ); „за честь --- хоть голову съ плечъ“ (хоть голову снести); „за совѣтъ да за честь—хоть голову спестъ“. (Даль, I, 374).

быта, сквозь простодушно-комичныя черты котораго ясно проглядываетъ нѣжная природа любящей и домовитой матери, умѣвшей внушить сыну и Савельичу глубокое уваженіе и теплую привязанность. Приведа въ своихъ запискахъ грозное письмо отъ отца, Петръ Андреевичъ говоритъ: „жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось мнѣ столь же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала; *но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери*“. Если извѣстіе о болѣзни Авдотьи Васильевны взволновало Петра Андреевича болѣе, чѣмъ мысль о разлукѣ съ любимой дѣвушкой, значитъ, онъ искренно и нѣжно любилъ свою мать. Савельичъ пишетъ по поводу болѣзни старухи Гриневой Андрею Петровичу вотъ что: „я жъ про рану Петра Андреича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить“. Задушевность, съ которою Савельичъ упоминаетъ объ Авдотѣ Васильевнѣ, доказываетъ, что онъ не безъ основанія называлъ ее матерью крестьянъ: вѣроятно, имъ не разъ приходилось убѣждаться на опытѣ въ ея добромъ сердцѣ и прибѣгать къ ея помощи и защитѣ въ трудныя минуты жизни. Потерявъ восемь душъ дѣтей,¹ Авдотья Васильевна сосредоточила всю материнскую любовь на своемъ единственномъ, въ живыхъ оставшемся сынѣ, а впослѣдствіи и на его невѣстѣ, Марьѣ Ивановнѣ. Нечего и говорить, что Авдотья Васильевна была нѣжнѣйшею изъ нѣжнѣйшихъ бабушекъ, когда она дождалась внуковъ и внучекъ.

¹ Петръ Андреевичъ Гриневъ въ самомъ началѣ своихъ записокъ говоритъ: „Насъ было девять человекъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли въ младенчествѣ“. Отмѣчая эти подробности, Пушкинъ хотѣлъ быть вѣрнымъ дѣйствительности. Какъ извѣстно, въ старину смертность между дѣтьми была ужасающая. Екатерина Великая не безъ наивности писала въ своемъ „Наказѣ“ (§ 256): „мужики большою частію имѣютъ по двѣнадцати, пятнадцати и до двадцати дѣтей изъ одного супружества; однако, рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для непременно долженъ тутъ быть какой-нибудь порокъ, или въ нищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства“. Явленіе, которое такъ поражало Императрицу Екатерину среди крестьянъ, существовало въ прежнія времена, благодаря первобытному уходу за дѣтьми, отсутствію врачебной помощи и другимъ причинамъ, и въ дворянской средѣ.

Переходимъ къ Гриневу—сыну.

Бѣлинскій называетъ характеръ Петра Андреевича ничтожнымъ и безцвѣтнымъ. Можетъ-ли быть что-нибудь несправедливѣе этого приговора? Гринева не безцвѣтный и ничтожный, а поистинѣ выдающійся человекъ своего времени. Вспомните всѣ главныя событія его жизни; вспомните, что ему не было и восемнадцати лѣтъ, когда онъ успѣлъ обнаружить и гражданскую доблесть, и умѣнье жить своимъ умомъ, и замѣчательное самообладаніе въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и вы согласитесь съ тѣмъ, что Гринева былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей дворянства второй половины XVIII вѣка. Какъ и всѣ люди его поколѣнія, онъ началъ жить очень рано и достигъ умственной и нравственной зрѣлости въ такіе годы, когда люди нашего времени смотрятъ на себя, какъ на школьниковъ.—Но, можетъ быть, Бѣлинскій, называя характеръ Гринева безцвѣтнымъ, хотѣлъ сказать, что Петръ Андреевичъ смахиваетъ на тѣхъ туманныхъ героевъ, которыхъ нельзя приурочить ни къ какой эпохѣ и ни въ какой національности? Едва-ли Бѣлинскій не могъ не понимать, что каждый шагъ, каждое слово Гринева обличаютъ въ немъ русскаго человека и русскаго дворянина прошлаго столѣтія. Споры Петра Андреевича съ Савельичемъ, его сонъ, его стихотвореніе: „Мысль любовну истребляя“ и т. д., и т. д., самый тонъ его записокъ съ ихъ нравоучительными и политическими выводами,—все это до того колоритно, все это придаетъ Гриневу такую жизненность, такую правдивую историческую и бытовую окраску, что намъ остается только признать Петра Андреевича такимъ-же мастерскимъ созданіемъ Пушкинскаго творчества, какъ и другихъ героевъ и героинь „Капитанской дочки“, и съ удивленіемъ отмѣтить рѣзкое, ничѣмъ не оправдываемое сужденіе о немъ Бѣлинскаго.

Нельзя цѣликомъ принять и тотъ взглядъ, который былъ высказанъ на Гринева проф. Ключевскимъ въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета по случаю открытія памятника Пушкину (См. *Русскую Мысль*, 1880, іюнь). Г. Ключевскій не считаетъ Гринева ни безцвѣтнымъ, ни ничтожнымъ лицомъ; онъ говоритъ о немъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ, но и въ его словахъ о Гринева проглядываетъ все-таки нѣчто не объяснимое высокоомѣрное отношеніе къ Петру Андреевичу. Къ тому-же въ нихъ есть фактическія неточности.

„Среди образовъ XVIII в., говоритъ г. Ключевскій, не могъ

Пушкинъ не отмѣтитъ недоросля, и отмѣтилъ его безпристрастно и правдивѣе Фонвизина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается въ каррикутуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль не каррикутура и не анекдотъ, а самое простое и всодневное явленіе, къ тому же не лишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя полптическая исторія въ XVIII в., впрочемъ, болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромная была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII в. Это—пѣхотные армейскіе офицеры, и въ этомъ чинѣ они протоптали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и до Нови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Миниховъ, Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два вида недоросля, или точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, который уже человѣкъ XIX в., „временъ новѣйшихъ Митрофанъ“. Къ обоимъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Недаромъ и капитанская дочь, М. И. Миронова предпочла добродушнаго армейца Гринева остроумному и знакомому съ французскою литературой гвардейцу Швабрину. Историкъ XVIII в. остается одобритъ и сочувствіе Пушкина и вкусъ Марьи Ивановны“.

Выходить, такимъ образомъ, что г. Ключевскій смотритъ на Гринева, какъ на самаго обыкновеннаго русскаго дворянина. Съ точки зрѣнія русскаго патріотизма было бы очень пріятно, еслибы это было дѣйствительно такъ, но мемуары, правительственныя распоряженія и архивы XVIII вѣка, наполненныя указаніями на дворянъ *нѣтъчиковъ*, упорно уклонявшихся отъ службы даже тогда, когда она была обязательною, упорно чужавшихся просвѣщенія и отнюдь не имѣвшихъ тѣхъ привлекательныхъ качествъ, которыми отличается Гринева,—доказываютъ, что Петръ Андреевичъ былъ не самымъ обыкновеннымъ дворяниномъ, а однимъ изъ лучшихъ выразителей благороднѣйшихъ стремленій и сторонъ нашего дворянства.

Сближеніе Гринева съ Митрофаномъ Простаковымъ отзывается натянутостью и ничего не разъясняетъ. Г. Ключевскій видитъ

въ нихъ обоихъ недорослей конца прошлаго вѣка—и только. Слово *недоросль* въ своемъ прямомъ значеніи значитъ *подростокъ*, *несовершеннолѣтній*, но на военно-административномъ языкѣ XVIII вѣка недорослями назывались собственно тѣ мальчишки и юноши изъ дворянъ, которые готовились къ службѣ, но еще не состояли на ней. Въ этомъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, офицеры, не достигшіе совершеннолѣтія, уже не считались недорослями; поэтому и Гриневъ, собственно говоря, уже не былъ недорослемъ съ той поры, какъ Рейнсдорпъ зачислилъ его прапорщикомъ въ гарнизонъ Вѣлогорской крѣпости. Отождествлять Гринева съ Митрофаномъ Простаковымъ значитъ смѣшивать два противоположные полюса. Конечно, и Гриневъ, и Митрофанъ Простаковъ были сыновья дворянъ и дворяне, но между ними столь же мало общаго, какъ между Андреемъ Болконскимъ и Николаемъ Ростовымъ изъ „Войны и мира“ графа Толстого съ одной стороны и поручикомъ Телянинымъ (изъ того же романа), укравшимъ у Денисова кошелекъ съ деньгами,—съ другой. Среди дворянъ прошлаго вѣка встрѣчались и Гриневы, и Простаковы, и Швабрины. Рисуя Гринева, Пушкинъ не прикрашивалъ былой дѣйствительности; рисуя Митрофана, Фонвизинъ не клеветалъ на нее. Пушкинъ показалъ намъ лицевую, а Фонвизинъ обратную сторону медали.—О громадной разницѣ между пылкимъ, смѣлымъ, умнымъ и энергичнымъ Гриневымъ и бездарнымъ, смѣшнымъ и вялымъ Бѣлкинымъ мы уже имѣли случай говорить. Ставить ихъ на одну доску—то же самое, что смѣшивать Чацкого съ Молчалинымъ. Напрасно также г. Ключевскій противопоставляетъ Гринева Швабрину, какъ скромнаго армейскаго офицера блестящему гвардейцу. Гриневъ былъ родовитѣе Швабринъ, хотя и Швабринъ, по словамъ Марьи Ивановны, былъ „хорошей фамиліи“. Насколько можно догадываться, Пушкинъ хотѣлъ вывести въ Гриневыхъ представителей коренныхъ, старинныхъ дворянскихъ родовъ. О предкахъ Петра Андреевича и Андрея Петровича, судя по нѣкоторымъ намекамъ поэта, можно сказать то же самое, что онъ говоритъ объ Езерскихъ въ „Родословной моего героя“:

Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ
 На воеводствѣ и въ отвѣтѣ
 Служили доблестно царямъ.

Швабринъ, о родовитости котораго въ „Капитанской дочкѣ“ ничего не говорится, такъ же, какъ и его, двойникъ—Шван-

вичъ, былъ, надо думать, представителемъ той аристократіи, о которой Пушкинъ писалъ:

У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.

По всей вѣроятности, Швабринъ былъ гораздо богаче Гринева; несомнѣнно также, что онъ былъ образованнѣе его въ то время, когда судьба столкнула ихъ въ Бѣлогорской крѣпости, но и Гринева принадлежалъ къ зажиточной семьѣ, и Швабринъ, узнавъ объ его пріѣздѣ въ Бѣлогорскую крѣпость, самъ приходитъ къ нему знакомиться, какъ къ человѣку своего круга. Гдѣ продолжалъ Петръ Андреевичъ службу послѣ женитьбы на Марьѣ Ивановнѣ, въ „Капитанской дочкѣ“ не упоминается. Очень можетъ быть, что въ гвардіи и въ Петербургѣ. Доказательствомъ того, что онъ не безвыѣздно жилъ въ провинціи, является его знакомство съ Сумароковымъ. Не нужно также забывать, что онъ началъ номинальную службу въ Семеновскомъ полку, попалъ же вмѣсто этого полка въ Бѣлогорскій гарнизонъ единственно по желанію отца. Онъ имѣлъ всѣ данныя и полную возможность служить, подобно Швабрину, въ гвардіи, и поэтому его никакъ нельзя смѣшивать съ такими мелкопомѣстными и „неродословными“ дворянами, какимъ былъ Бѣлкинъ. Но проф. Ключевскій вполне правъ, относя молодого Гринева къ числу тѣхъ дворянъ офицеровъ, которые выносили на своихъ плечахъ славу русскаго оружія. О Петрѣ Андреевичѣ можно сказать то же самое, что мы говорили объ Андрѣѣ Петровичѣ: и онъ вѣрой и правдой служилъ государству и родинѣ, заповѣдавъ своимъ дѣтямъ слѣдовать примѣру отца, дѣда и прадѣдовъ.

Молодой Гринева такой же типичный представитель русскаго дворянства XVIII вѣка, какъ и Андрей Петровичъ. Различіе между нимъ сводится къ различію между отцами и дѣтьми, къ различію двухъ смежныхъ поколѣній. Между обоими Гриневыми много общаго, но Гринева-сынъ уже не носитъ отпечатка той суровости и простоты нравовъ, которыми отличается его отецъ. Онъ уже не приметъ какого-нибудь Боупре за человѣка, свѣдущаго во всѣхъ наукахъ. Гринева-отецъ съ великимъ трудомъ могъ написать дѣловое письмо, а его сынъ занимался литературой и оставилъ въ назиданіе потомству „семейственныя записки“. У Петра Андреевича уже не было самовластныхъ привычекъ его отца. Вѣкъ Екатерины II наложилъ на него свой отпечатокъ и придалъ его нравственной фзіогноміи, въ связи

съ воспитаніемъ и съ нѣкоторыми событіями жизни, тѣ особенно-сти, которыя его отличаютъ отъ Гринева—отца. Отъ отца Петръ Андреевичъ унаслѣдовалъ и безсознательно перенялъ мужество, твердость, сознаніе долга, чувство чести и умѣнье повелѣвать. Но на немъ сказалось и вліяніе его доброй и нѣжной матери. Въ немъ нѣтъ ни дряблости, ни сантиментальности; но его характеръ гораздо мягче отцовскаго. Пушкинъ не описываетъ семейной жизни Петра Андреевича,—но кто и самъ не догадается, что она рѣзко отличалась отъ семейной жизни Андрея Петровича, что Гринева - сынъ уже не такъ смотрѣлъ на жену, какъ Гринева - отецъ на Авдотью Васильевну, и Марья Ивановна, не смотря на всю свою кротость, пользовалась, какъ жена и мать, несравненно бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ старуха Гринева? Въ молодости Андрея Петровича былъ невозможенъ такой романъ, какой пережилъ его сынъ. Тѣ тонкія и сложныя чувства, которыя столь часто волновали душу Петра Андреевича, были непонятны его отцу. Молодой Гринева соединялъ въ себѣ хорошія качества своихъ родителей, и эти качества развились въ немъ подъ вліяніемъ хотя и незатѣйливаго, но благопріятнаго для него домашняго быта, въ которомъ не послѣднюю роль играло вліяніе добродушнаго, безкорыстно преданнаго дядьки Савельича. Юноша, выросшій, подобно Гринева, подъ яблонями, между скирдами и природой, въ гигиенически и нравственно здоровой атмосферѣ, не могъ не впитать въ себя съ самаго дѣтства много хорошаго. Ему не могъ по вредить даже легкомысленный Бопре. Да вѣдь и Бопре, собственно говоря, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ добрый малый.

Житейская школа, пройденная Петромъ Андреевичемъ въ началѣ его службы, какъ нельзя лучше способствовала развитію тѣхъ добрыхъ задатковъ, которые ему дала семья, выпустившая его въ свѣтъ неиспорченнымъ, крѣпкимъ и сильнымъ юношей.

Петръ Андреевичъ говоритъ о своихъ ученическихъ годахъ шутовскимъ тономъ, какъ и подобаетъ человѣку, сдѣлавшемуся образованнымъ, благодаря самому себѣ, и прекрасно понимающему пробѣлы своего воспитанія. Петръ Андреевичъ отзывался о немъ безъ горечи, съ добродушнымъ юморомъ, ибо въ прежнія времена не онъ одинъ, а всѣ дворяне, за весьма немногими счастливыми исключеніями, учились если и не на мѣдныхъ деньги, то весьма немного. Было бы, однако, опрометчиво судить о томъ, что дала Гринева семья, по первой главѣ его воспоминаній. Правда, онъ росъ дома недорослемъ, лазя по голубятнямъ

и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками, но онъ вступилъ въ жизнь ужъ вовсе не такимъ невѣжественнымъ, какъ можно предполагать, принимая за чистую монету все, что онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ въ первой главѣ романа. Поступая на службу, онъ умѣлъ читать и писать и настолько владѣлъ русскимъ языкомъ, что, безъ всякой посторонней помощи, могъ писать стихи. По всей вѣроятности, въ домѣ Андрея Петровича, кромѣ „Придворнаго календаря“, были и еще кое-какія книги, которыя были прочитаны и перечитаны любознательнымъ мальчикомъ. Если Андрей Петровичъ выписывалъ для сына географическія карты, то нужно предположить, что онъ выписывалъ для него и другія учебныя пособія. Не можетъ быть, чтобы Гриневъ - сынъ ничего не извлекъ изъ нихъ. У Бопре, какъ видно изъ третьей и четвертой главъ романа, Петръ Андреевичъ научился говорить и читать по-французски и притомъ совершенно свободно, о чемъ въ первой главѣ „Капитанской дочки“, однако, не упоминается. Такимъ образомъ, пребываніе Бопре въ домѣ Гриневыхъ не прошло безслѣдно для его питомца. Занимаясь съ Бопре французскимъ языкомъ, Гриневъ, вѣроятно, читалъ съ нимъ и какія-нибудь книги, а изъ рассказовъ Бопре познакомился съ заграничною жизнью. Поступая на службу, онъ, судя по всему, былъ просвѣщеннѣе большинства своихъ однолѣтокъ дворянъ, и едва-ли между нимъ и Швабринымъ была очень большая разница по образованію.

Гриневъ зналъ немного, но онъ былъ уменъ, любознателенъ, воспріимчивъ и, познакомившись со Швабринымъ, пользуется запасомъ его французскихъ книгъ, съ жадностью читаетъ и перечитываетъ ихъ, а затѣмъ и самъ начинаетъ пробовать свои силы по части переводовъ и сочинительства. Писательскій недугъ былъ свойственъ нашимъ самоучкамъ прошлаго столѣтія, и Гриневъ занималъ между ними не послѣднее мѣсто; не даромъ его стихи удостаивались похвалъ самого Сумарокова: для своего времени они были, дѣйствительно, недурны. Элегія Петра Андреевича „Мысль любовну истребляя“—пародія на піить XVIII вѣка,—такая же пародія, какъ „Ода Его Сіятельству графу Хвостову“ („Султанъ ярится“) и „Лѣтопись села Горохина“,—прелестная пародія, не заключающая въ себѣ ни фальши, ни шаржа, которую съ удовольствіемъ напечатали бы у себя издатели журналовъ „время очаковскихъ и покоренья Крыма“.

Молодой Гриневъ всею своею жизнью доказалъ, что онъ усвоилъ себѣ основное правило отцовской морали: „береги честь съ

молоду“. Въ его жизни были промахи и увлеченія, но не было поступковъ, за которые ему приходилось бы краснѣть на старости лѣтъ и въ которыхъ ему тяжело было бы впоследствии сознаться.—Онъ строго осуждаетъ свое поведеніе въ симбирскомъ трактирѣ, гдѣ онъ держалъ себя, „какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Но если принять во вниманіе, что ему не было въ то время и семнадцати лѣтъ, и что встрѣча съ Зуринымъ была первымъ дебютомъ его самостоятельности на житейскомъ поприщѣ, то нужно быть уже черезчуръ суровымъ ригористомъ, чтобы усмотрѣть въ проигрышѣ и попойкѣ пылкаго юноши что-нибудь особенно предосудительное. Такіе случаи бывали со всѣмъ, не исключая самыхъ выдающихся людей.¹ Но уже въ симбирскомъ трактирѣ сказались три хорошія основныя черты характера Гринева: его умѣнье жить своимъ умомъ, его доброта и его благородство. Проигравъ значительную для себя сумму Зурину и прекрасно понимая, что Зуринъ игралъ не совсѣмъ чисто Гриневъ немедленно расплачивается съ нимъ и съ негодованіемъ отвергаетъ наивное предложеніе Савельича ускользнуть какъ-нибудь отъ денежнаго расчета. Когда Савельичъ отказывается выдать сто рублей, Гриневъ рѣшительно и круто обрываетъ его и разъ навсегда опредѣляетъ свои отношенія къ дядкѣ, какъ отношенія господина къ слугѣ. Онъ дѣлаетъ это, однако, не безъ внутренней борьбы, ибо искренно любитъ Савельича. „Я подумалъ, говорить Гриневъ: что если въ сію рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то уже впоследствии времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки“. Вотъ побужденія, въ силу которыхъ Петръ Андреевичъ заговорилъ съ Савельичемъ строгимъ и властнымъ тономъ, и, нужно отдать ему справедливость, онъ употреблялъ этотъ тонъ лишь тогда, когда простодушный дядька предлагалъ ему нѣчто, дѣйствительно, несообразное. Савельичъ бывалъ въ такихъ случаяхъ правъ съ своей точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія сохраненія барскаго добра и барской шеи, — но Гриневъ тоже былъ правъ, ибо его представленія о чести были совсѣмъ иныя, чѣмъ у Савельича. Поставивъ на своемъ, Гриневъ сознаетъ, однако, что поступилъ въ

¹ Отужинавъ у Аннушки, Петръ Андреевичъ остался такимъ же чистымъ, неспорченнымъ юношей, какимъ выѣхалъ изъ родительскаго дома. Онъ былъ недалеко отъ разврата въ Бѣлогорской крѣпости, послѣ отказа Марьи Ивановны выйти за него замужъ противъ воли его отца, но Пугачевщина спасла Петра Андреевича отъ нравственнаго паденія. (См. окончаніе пятой главы).

Симбирскѣ дурно и „выѣхалъ изъ него съ безпокойною совѣстью и безмолвнымъ раскаяніемъ“. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, просить у него прощенія. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, Петръ Андреевичъ остался вѣрнѣе привязанности къ Савельичу и желанію сохранить за собою самостоятельность, и можно только удивляться тому такту, съ какимъ юный Гриневъ велъ себя со своимъ дядькой: и въ Симбирскѣ, и на постояломъ дворѣ при столеновеніи изъ за заячьяго тулупа, и впослѣдствіи онъ умѣлъ держать Савельича въ должномъ повиновеніи, не нарушая въ своихъ отношеніяхъ къ нему ни того довѣрія, ни той искренности, съ которыми онъ относился къ нему съ самаго дѣтства. Савельичъ былъ добрымъ слугою своего господина, и его господинъ передъ нимъ не оставался въ долгу. Вспомнимъ хотя бы ту сцену, въ которой онъ проситъ своего дядьку отвезти Марью Ивановну въ деревню къ старикамъ Грипевымъ.

— Другъ ты мой, Архипъ Савельевичъ! Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ дорогой безъ тебя.

Вотъ какимъ языкомъ говорилъ Гриневъ съ своимъ дядькой въ самыя важныя минуты своей жизни!

Въ Бѣлогорской крѣпости молодой Гриневъ сталкивается со Швабринымъ и, не смотря на то, что Швабринъ и старше, и гораздо опытнѣе, держитъ себя съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Недостатокъ жизненнаго опыта повелъ къ тому, что Гриневъ не понялъ Швабрина сразу и обращался съ нимъ такъ-же довѣрчиво, какъ со всѣми другими. Только съ теченіемъ времени онъ сталъ смутно догадываться, что Швабринъ дурной человѣкъ и что отъ него слѣдовало бы стоять подальше. Не смотря на то, онъ продолжалъ откровенничать съ нимъ и нежданно-негаданно нарвался на дерзкую выходку, оскорбительную для любимой дѣвушки. Дуэль со Швабринымъ впервые показываетъ намъ Гринева, какъ мужественнаго и рыцарски благороднаго юношу. Дуэль была, конечно, важнымъ событіемъ въ жизни Гринева, но и она не раскрыла ему глазъ на Швабрина, хотя Марья Ивановна дала ему понять, что выходка Швабрина была не только грубою, непристойною насмѣшкой, но и низкою обдуманною клеветой. Когда Гриневъ оправился отъ раны и когда къ нему явился Швабринъ съ своими извиненіями, онъ искренно простилъ его, объясняя себѣ его клевету досадою оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви. Онъ окончательно отшатнулся отъ Швабрина только

тогда, когда убѣдился, что Швабринъ написалъ на него доносъ отцу. Отношенія Гринева къ Швабрину обрисовываютъ Петра Андреевича, какъ не особенно пронизательнаго, неопытнаго, но прямого, искреннаго, довѣрчиваго, смѣлаго и незлопамятнаго юношу, способнаго на мечь въ минуты гнѣва и всегда готоваго проявить великодушіе по отношенію къ наказанному врагу. Той чуткости сердца, которою отличается Марья Ивановна, и которая помогала ей инстинктомъ отгадывать людей, у него не было. Столкновеніе со Швабринымъ было для него своего рода школой пониманія людей. Понявъ Швабрину, Гринева по прежнему относился къ нему по-рыцарски. Описывая свой отъѣздъ изъ Бѣлогорской крѣпости вмѣстѣ съ Марьей Ивановной, вырванной изъ рукъ Швабрину, Гринева говоритъ: „У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрину. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ сторону“. Эта черта даетъ ясное понятіе о благородномъ сердцѣ Гринева, никогда и ни при какихъ условіяхъ не утрачивавшаго чувства утонченнаго великодушія.

Любовь къ Марьѣ Ивановнѣ и знакомство съ добрымъ и почтеннымъ семействомъ капитана Миронова имѣли на Гринева самое благотворное вліяніе. Въ его натурѣ не было такой глубины, какую отличалась натура его невѣсты. Марья Ивановна была дальновиднѣе его и имѣла надъ нимъ всѣ преимущества ума и характера. Гринева былъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже Марьи Ивановны, но онъ умѣлъ цѣнить и понимать ее и въ полномъ смыслѣ слова завоевалъ свое счастье съ нею. Она предпочла его богатому и родовитому Швабрину не за одну наружность и не по капризу, а сознательно и по весьма вѣскимъ соображеніямъ. Марью Ивановну привлекали въ Гринева его мужество, его душевная чистота и непосредственность, его отзывчивость на все хорошее, его обращеніе къ окольнымъ путямъ.

Искренность, смѣлость, великодушіе и чувство чести составляютъ основныя черты характера Гринева. Они спасали его отъ паденія и дѣлали его достойнымъ сыномъ стараго Гринева. Называя Петра Андреевича безцвѣтнымъ лицомъ, Бѣлинскій забывалъ, что это безцвѣтное лицо не разъ обнаруживало способность отстаивать свои убѣжденія даже до смерти. Только благодаря счастливой случайности, Гринева не взлетѣлъ на висѣлицу, вмѣстѣ съ капитаномъ Мироновымъ и Иваномъ Игнатьевичемъ, но онъ умѣлъ смотрѣть въ глаза смерти съ безтрепетнымъ мужествомъ. „Оче-

реть была за мною, рассказывает онъ о первой встрѣчѣ съ самозванцемъ въ Бѣлогорской крѣпости,—я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей... „Вѣшать его“, сказалъ Пугачевъ, не взглянувши на меня. Я сталъ читать про себя молитвы, приносая Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу“. Гриневъ, чуждый всякой аффектаціи и желанія рисоваться, съ такою же простотою повѣствуетъ о своемъ душевномъ настроеніи послѣ неожиданнаго избавленія отъ смерти, какъ и о томъ, какъ онъ готовился къ ней. „Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили... Въ эту минуту не могу сказать, чтобы я обрадовался своему спасенію. Не скажу, однакожь, чтобы я о немъ сожалѣлъ“. Такою же искренностью и простотою дышетъ рассказъ Гринева о его бесѣдѣ съ Пугачевымъ послѣ оргіи самозванца, свидѣтелемъ которой ему пришлось быть.

— Чему же ты усмѣхаешься? спросилъ онъ меня нахмурясь. Или ты не вѣришь тому, что я государь?

Я смутился. Признать бродягу государемъ я былъ не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ—было подвергнуть себя погибелю, и то, на что былъ я готовъ подъ вистѣлицю въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ бесполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще ѣнынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту), чувство⁴ долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостью человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

— Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди: могу ли я признать въ тебѣ государя? Ты человѣкъ смышленный, ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.

— Кто же я таковъ?

— Богъ тебя знаетъ, но кто бы ты ни былъ, ты шутишь въ опасную шутку.

Въ томъ же духѣ отвѣчаетъ Гриневъ и на всѣ дальнѣйшіе вопросы Пугачева, рѣшительно отказываясь купить свободу цѣной измѣны служебному долгу.

„Моя искренность поразила Пугачева“, замѣчаетъ онъ.

Она не могла не поразить Пугачева и сослужила Гриневу въ послѣдствіи большую службу, ибо возвысила молодого офицера въ глазахъ самозванца и поставила его въ такія своеобразно близкія, человѣческія отношенія къ страшному предводителю

мятежа, благодаря которымъ Пугачевъ, внушавшій всѣмъ сторонникамъ правительства ужасъ, сдѣлался покровителемъ и чуть не другомъ Гринева. И въ Бердѣ, и во время поѣздки съ Пугачевымъ въ Бѣлогорскую крѣпость, Гринева продолжалъ говорить съ нимъ тѣмъ же тономъ, какимъ говорилъ послѣ сцены казней. Швабринъ иронически называетъ Гринева Донъ-Кихотомъ Бѣлогорскимъ, и въ Петръ Андреевичъ, дѣйствительно, есть много рыцарскаго. Его предложеніе Рейсдорпу очистить крѣпость, его поѣздка туда для освобожденія Маріи Ивановны, его возвращеніе къ пугачевцамъ, пзъ лапъ которыхъ онъ только что вырвался, его поведеніе на судѣ,—все это даетъ самое выгодное понятіе объ его молодомъ задорѣ, юношеской отвагѣ и благородномъ сердцѣ.

Въ первыхъ двухъ главахъ „Капитанской дочки“ мы видимъ молодого Гринева сначала подросткомъ, а затѣмъ юношей, умѣвшимъ доказать дядкѣ, что онъ уже не ребенокъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ романа поэтъ показываетъ намъ, какъ развивается и крѣпнетъ характеръ этого юноши подъ вліяніемъ людей, съ которыми столкнула его судьба, подъ вліяніемъ любви и грозныхъ событій Пугачевщины. Между шестнадцатилѣтнимъ Гриневымъ, который посматривалъ, облизывался, какъ его мать снимала пѣны съ медоваго варенья, и восемнадцатилѣтнимъ Петромъ Андреевичемъ, „впервые вкусившимъ сладость молчтва, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца“ въ казанской тюрьмѣ,—дѣлая бездна. Онъ, если такъ можно выразиться, растетъ и развивается на глазахъ читателя „Капитанской дочки“, превращаясь въ теченіе двухъ лѣтъ пзъ зеленаго подростка въ зрѣлаго молодого человѣка. И неудивительно: въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Гринева переживаетъ столько, сколько другіе не переживаютъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Столкновенія съ такими противоположными людьми, какъ Мироновы съ одной стороны, а Пугачевъ и Швабринъ съ другой, романъ съ Марьей Ивановной, дуэль, тяжкая болѣзнь, чтеніе, зрѣлище мятежа и тѣхъ страшныхъ, но вмѣстѣ облагораживающихъ впечатлѣній, которымъ оно сопровождалось (вспомнимъ казнь Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьевича), судъ и тюрьма — все это не могло не оказать на впечатлительнаго юношу большого вліянія и не имѣть для него воспитательнаго значенія.

Нравственный обликъ Гринева дорисовывается общимъ тономъ его *семейственныхъ записокъ*, ихъ спокойнымъ, трезвымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ, ихъ добродушнымъ юморомъ.

ихъ свѣтлымъ и примпряющимъ взглядомъ на жизнь. Пушкинъ, видимо, хотѣлъ, чтобы между строкъ романа виднѣлся привлекательный образъ бывалаго, умнаго и честнаго старика, много видѣвшаго и испытывшаго на своемъ вѣку и не безъ гордости и удовольствія рассказывающаго въ часы досуга о своемъ прошломъ дѣтямъ и внукамъ. „Капитанская дочка“ знакомитъ насъ подробно съ молодостью Гринева; она же даетъ намъ понятіе объ его покойной и счастливой старости.

Пушкинъ нигдѣ не прикрашиваетъ Гринева. Ставя его лицомъ къ лицу съ Пугачевымъ, онъ не плѣнился возможностью сдѣлать изъ него Шарлотту Корде, вродѣ Парани изъ „Пугачевцевъ“ графа Салиаса, прекрасно понимая, что этого нельзя было сдѣлать, не выдавая въ фальшь. Пушкинъ вывелъ въ лицѣ Гринева одного изъ русскихъ людей второй половины прошлаго вѣка. Такіе люди, какъ Петръ Андреевичъ, тогда бывали и могли быть. Поэтъ нимало не думалъ о томъ, чтобы ставить своего героя въ красивыя позы и заставляя его продѣлывать чудеса храбрости. Въ „Капитанской дочкѣ“ выходитъ постоянно такъ, что Гринева, несмотря на свое мужество и готовность къ самопожертвованію, иногда кажется (но только кажется) какъ-бы пассивнымъ лицомъ, котораго спасаетъ то Савельичъ, то Пугачевъ, то Марья Ивановна. Вотъ это-то, вѣроятно, и подало поводъ Бѣлинскому назвать Гринева безцвѣтнымъ лицомъ. О близорукости такого опредѣленія мы уже говорили. Гринева скороталъ свой вѣкъ въ своемъ родовомъ имѣніи и, подобно отцу, не сдѣлалъ блестящей карьеры. Ненасытное честолюбіе и жажда власти были ему совершенно чужды, и онъ остался въ тѣни. Къ тому же онъ былъ слишкомъ совѣстливъ, чтобы пролагать дорогу къ почестямъ, не брезгая никакими средствами. Онъ не уронилъ бы себя ни на какомъ посту, но онъ не былъ человѣкомъ призванія, увлекающаго своихъ избранниковъ къ предназначенному для нихъ жребію, и могъ вполне удовлетвориться тою скромной сферою дѣятельности помѣщика и семьянина, которая выпала на его долю. Не трудно догадаться, что онъ толково управлялъ своими крестьянами и былъ образцовымъ въ своемъ родѣ мужемъ и отцомъ, посвящая свои досуги, подобно Болотову, литературнымъ занятіямъ, къ которымъ онъ пристрастился еще въ Бѣлогорской крѣпости.

Отъ характеристики Гриневыхъ весьма естественно перейти къ характеристикѣ ихъ вѣрнаго и преданнаго слуги, Савельича.

Савельичъ принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ созданиій Пушкинскаго генія. Забыть его тому, кто хотя бѣгло пробѣжитъ „Капитанскую дочку“, нѣтъ никакой возможности. Комично-наивный, добродушно-трогательный образъ стараго дядьки сразу и неизгладимо врѣзывается въ память. Савельичъ—это такой-же законченный и превосходный типъ слуги, какъ Санчо-Пансо и Калейбъ. Когда иностранцы поближе познакомятся съ нашею литературой, его имя и у нихъ сдѣлается нарицательнымъ. Подобно тому, какъ въ лицѣ Гриневыхъ-отца и сына Пушкинъ хотѣлъ воплотить лучшія стороны нашего стараго дворянства, такъ въ лицѣ Савельича онъ хотѣлъ показать привлекательную сторону тѣхъ добрыхъ, задушевныхъ отношеній, которыя возникали иногда на почвѣ крѣпостнаго права между крестьянами и помѣщиками Пушкинъ не былъ защитникомъ крѣпостнаго права. Онъ ненавидѣлъ его и прекрасно понималъ его губительное вліяніе на Россію.

Увижу-ль я народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію царя?

восклицалъ Пушкинъ въ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ въ молодые годы („Деревня“). Но онъ не могъ не видѣть и отрицать, что между крестьянами и господами сплошь и рядомъ существовали такіе тѣсныя и нравственныя узы, которыя не могли не вызывать уваженія. Для справедливой, всесторонней оцѣнки исторіи крѣпостнаго права еще не настало время. Современникамъ реформы 19 февраля 1861 года трудно отрѣшиться отъ своего, нѣсколько пристрастнаго взгляда на тотъ строй жизни, который былъ ею упраздненъ. Будущій историкъ крестьянскаго сословія отмѣтитъ все, что было дурного въ этомъ строѣ, но не скроетъ и того, что было въ немъ хорошаго; а что въ немъ было и кое-что хорошее, вполне удовлетворявшее несложнымъ потребностямъ стародавней жизни,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Крѣпостное право потому оставило по себѣ такую печальную память, что оно, вслѣдствіе разныхъ причинъ, продержалось слишкомъ долго, затормозило развитие народной жизни и существовало многіе годы уже въ то время, когда большая часть помѣщиковъ, увлеченная внѣшностью и соблазномъ западно-европейской цивилизаціи, перестала понимать своихъ „подвластныхъ“¹. Было, однако, время и бывали случаи, когда крѣпостное

¹ Прекрасную и безпристрастную оцѣнку историческаго значенія крѣпостнаго права сдѣлалъ до сихъ поръ чуть-ли не одинъ Н. Я. Давилевскій въ концѣ X-ой главы своей книги „Россія и Европа“.

право не казалось обременительнымъ и переносилось съ легкостью и безропотно. Савельичъ, конечно, художественный вымыселъ Пушкина, но этотъ вымыселъ не имѣетъ ничего общаго съ сочинительствомъ. Онъ вѣрно и прекрасно отразилъ въ себѣ былую дѣйствительность, и историку крѣпостнаго права нельзя будетъ не считаться съ нимъ. Съ какимъ-бы ужасомъ и предубѣжденіемъ онъ не говорилъ о крѣпостномъ правѣ, ему не удастся ступевать такихъ привлекательныхъ явленій нашего прошлаго, какъ Савельичъ. Савельичъ — это жывая и ходячая апологія старинныхъ порядковъ и стариннаго склада жпзни. Милый Савельичъ! Кому изъ насъ не близко и не лорогъ онъ съ ранняго дѣтства? Кто изъ насъ не слѣдилъ съ участіемъ и съ улыбкой за всѣми его пощеніями о барскомъ дитяти? Савельичъ, конечно, забавень, но онъ вселяетъ къ себѣ глубокое уваженіе: и въ его беззавѣтной любви къ Гриневымъ, особенно къ своему питомцу, есть что-то невыразимо поэтичное и трогательное. Отбросьте въ сторону смѣшныя черты Савельича, и предъ вами предстанетъ величавый образъ библейскаго Еліазара, которому Авраамъ ввѣрилъ попеченіе о своемъ сынѣ Исаакѣ.

Внутренній міръ Савельича простъ и несложенъ, но онъ озаренъ свѣтомъ безхитростной и чистой души. Бѣдная деревенская церковь, родное село, да барская усадьба, — вотъ что воспитало Савельича, вотъ чѣмъ онъ жилъ весь свой вѣкъ. Не мудрствуя лукаво, не разсуждая о томъ, имѣютъ-ли помѣщики нравственное право владѣть крѣпостными, онъ по хрстіански несъ выпавшій на его долю жребій. Онъ родился и умеръ *рабомъ*, но не былъ рабомъ лѣнливомъ и лукавымъ; онъ служилъ своимъ господамъ не за страхъ, а за совѣсть, и не тяготился своимъ подневольнымъ положеніемъ, ибо свободно подчинялся ему. Въ Савельичѣ нѣтъ и тѣни нравственнаго холопства. Несмотря на почтительный тонъ, которымъ онъ привыкъ говорить со своими господами, Савельичъ держалъ себя по своему очень независимо и, конечно, былъ бы удивленъ, еслибъ ему сказали, что онъ несчастное существо, что онъ живетъ подъ страшнымъ гнетомъ, и что ему было-бы гораздо лучше скоротать свой вѣкъ гдѣ-нибудь вдали отъ Гриневыхъ. Порвать всякія связи между Савельичемъ и барскою усадьбой значило-бы лишше его жпзнь всякаго смысла, ибо на семьѣ Гриневыхъ сосредоточились всѣ его привязанности.

Пушкинъ ничего не сообщаетъ о молодости Савельича, о томъ, какъ и почему онъ попалъ въ дворню. Мы знаемъ только,

что онъ былъ сначала стреминнымъ, а потомъ, за трезвое поведе-
деніе, былъ возведенъ въ званіе дядьки. Вѣроятно, Савельичъ
былъ женатъ и рано овдовѣлъ и, не имѣя ни дѣтей, ни род-
ныхъ, полюбилъ Петрушу Гринева со всею нѣжностью своего
добраго, привязчиваго сердца, которому необходимо было кого-
нибудь любить. Съ тѣхъ поръ, какъ Савельичъ сталъ въ
домъ Гриневыхъ своимъ человѣкомъ, у него уже не было
интересовъ, своихъ печалей и радостей. Ихъ горе стало его го-
ремъ, ихъ счастье—его счастьемъ. О себѣ Савельичъ не думалъ
и не заботился. Всѣ его мысли были направлены исключительно
къ тому, чтобы сохранить барское добро, отстоять барскіе инте-
ресы, оградить господъ отъ какой-нибудь напасти. Попеченія о
господахъ наполняли всю жизнь Савельича, лежали въ основѣ
всѣхъ его дѣйствій и побужденій. Ради своихъ господъ Савель-
ичъ всегда готовъ былъ претерпѣть всевозможныя лишенія, а
въ случаѣ надобности и самую смерть. Его самоотверженіе не
знало предѣловъ и дѣлало его безстрашнымъ въ виду самыхъ
грозныхъ опасностей. Когда молодой Гринева дерется на дуэли,
Савельичъ пробѣгаетъ на мѣсто поединка, чтобы заслонить
Петра Андреевича своею грудью отъ ударовъ Швабрина. Когда
Пугачевъ отдаетъ приказаніе вѣшать Гринева, и палачи уже
приступаютъ къ исполненію своей обязанности, Савельичъ въ
изступленіи предлагаетъ свою шею въ замѣнъ барской. Когда
Гринева объявляетъ своему дядкѣ, что поѣдетъ въ Бѣлогор-
скую крѣпость для освобожденія Марьи Ивановны, Савельичъ
ни за что не соглашается остаться въ Оренбургѣ, хотя и не
питаетъ надежды на благополучное возвращеніе изъ этого путе-
шествія. Савельичъ охотно бросился-бы въ огонь и воду за
своего молодого барина.

Привязанность къ своему питомцу и ко всей семьѣ Гриневыхъ заслоняла въ Савельичѣ всѣ другія привязанности и стала
для него своего рода религіей. Онъ нисколько не сомнѣвался,
что Пугачевъ бродяга и самозванецъ, но это не мѣшало ему
кланяться Емелькѣ въ ноги и даже называть его государемъ для
спасенія барскаго „дитяти“. Присягалъ ли Савельичъ мнимому
императору Петру? Вѣроятно, нѣтъ: онъ не рѣшился бы поклясться
въ вѣрности тому, кого онъ называлъ въ глаза, по забывчивости,
злodeмъ; но сознаніе вѣрноподданническаго долга не доходило
въ Савельичѣ до такой степени, чтобы возбуждать въ немъ геро-
измъ, который проявляютъ въ минуту смерти капитанъ Мироновъ

и его старѣйшій сослуживецъ Иванъ Игнатьевичъ, всенародно уличая Пугачева въ самозванствѣ. Царпца представлялась Савельичу чѣмъ-то далекимъ и туманнымъ. Онъ, конечно, не усумнился бы пожертвовать собою для спасенія Государыни, но тѣхъ понятій о чести, которыми жили его господа, онъ не понималъ, и это постоянно порождаетъ забавныя столкновенія между нимъ и его молодымъ баринномъ. Послѣ проигрыша въ Симбирскомъ трактирѣ Савельичъ, пораженный проигрышемъ Гринева, пресерьезно совѣтуетъ ему не платить долга. „Скажи, говоритъ онъ: „что родители тебѣ и играть-то, окромя какъ въ орѣхи, запретили“. „Что тебѣ стоить!“ восклицалъ Савельичъ, стоя передъ Пугачевымъ и передъ висѣлицей, когда самозванецъ только что отмѣнилъ свой приказъ о казни Гринева.. „Не упрямься? Плюнь да поцѣлуй у злод... тѣфу, у него ручку.“ Савельичъ совершенно не могъ понять, почему Гринева, раскаяваясь въ своемъ поведеніи въ Симбирскомъ трактирѣ, считалъ необходимымъ расплатиться съ Зуринымъ, и почему онъ предпочелъ бы самую лютую казнь цѣлованію пугачевской руки. Соображенія о чести, руководившія Гринева, были недоступны для Савельича. Въ эпизодѣ съ Зуринымъ онъ видѣлъ только потерю барскихъ денегъ, а стоя передъ висѣлицей, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы избавить Гринева отъ петли. Благодаря своей непрестанной заботливости о „барскомъ дитяти“, и о „барскомъ добрѣ“, суетливый и упрямый Савельичъ не разъ ставилъ своего господина въ рискованное положеніе и вредилъ ему. Окликнувъ его во время дуэли и заставивъ тѣмъ самымъ оглянуться, онъ далъ возможность Швабрину нанести Гринева предательскій ударъ. Напоминая самозванцу о зимнемъ тулупѣ, Савельичъ могъ навлечь его гнѣвъ на Гринева. Вообще, простодушный Савельичъ дѣлалъ своему молодому барину столько же хлопотъ, какъ и услугъ, и погубилъ бы его, не вѣдая о томъ, еслибы Гринева имѣлъ малодушіе и низость всегда и во всемъ слушать своего дядьку. Къ счастью для самого Савельича, Гринева былъ юноша такого закала, что его нельзя было склонить къ поступкамъ, несогласнымъ съ служебнымъ долгомъ и дворянскимъ достоинствомъ. Гринева цѣнилъ въ Савельичѣ преданность, не прочь былъ даже иногда слѣдовать его совѣтамъ, когда они того стоили, но прекрасно понималъ, что между его понятіями и понятіями Савельича о чести лежала цѣлая бездна, и жилъ своимъ умомъ. Бѣдный Савельичъ! Онъ и не подозрѣвалъ, что нѣкоторые изъ его

совѣтовъ могли покрыть „барское дитя“ несмываемымъ позоромъ, если бы оно не отвергало ихъ съ презрѣніемъ. Простодушный и недалекій дядька считалъ бы за величайшее счастье оказать своему господину какую-нибудь крупную услугу, но это удалось ему только однажды, да и то случайно. Обративъ на себя вниманіе Пугачева въ то время, когда Гринева вели на смерть, онъ напомнилъ самозванцу своею особой о заячьемъ тулупѣ и единственно этимъ спасъ жизнь „дитяти“. Въ томъ-то именно и заключается всегдашній трагикомизмъ Савельича, что онъ дѣйствуетъ обыкновенно не впопадъ и достигаетъ своихъ цѣлей совсѣмъ не тѣми путями, на которые рассчитываетъ. Гриневъ умѣлъ цѣнить внутреннія побужденія Савельича и былъ ему благодаренъ и за его попеченія, и за его самоотверженіе, и за его добрыя намѣренія.

Ревнуя о благѣ своихъ господъ, Савельичъ никогда не по-такалъ имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по его мнѣнію, поступали не такъ, какъ слѣдовало, и безбоязненно высказывалъ имъ въ глаза свое мнѣніе. Онъ часто ворчитъ на П. А. Гринева и раздражается цѣлымъ рядомъ упрековъ, когда тотъ возвращается въ Симбирскій трактиръ, едва держась на ногахъ; на требованіе денегъ для уплаты долга Савельичъ отвѣчаетъ: „воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ“. Онъ затѣваетъ съ Гриневымъ споръ по поводу награжденія вожатаго деньгами и заячьимъ тулупомъ. Вообще, Савельичъ любилъ поспорить со своимъ молодымъ господиномъ. Той же системы онъ держался, повидимому, хотя и не безъ нѣкоторой робости, со старымъ Гриневымъ. На его грозное письмо по поводу дуэли Петра Андреевича, Савельичъ, не смотря на строгій приговоръ, пропзнесенный Гриневымъ - отцомъ надъ поведеніемъ сына, отвѣчаетъ: „теперь Петръ Андреевичъ, слава Богу, здоровъ и про него, кромѣ хорошаго, нечего и писать. А что съ нимъ случилась такая оказія, то былъ молодцу не укоръ. Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается“. Ворчливость и упрямство Савельича не имѣютъ и тѣни жесткости, когда дѣло идетъ о его господахъ. Онъ не способенъ на нихъ сердиться и если говорить иногда Гриневу рѣзкія вещи, то не давая себѣ отчета въ рѣзкости своихъ словъ. Савельичъ приходитъ въ ярость, на какую только онъ способенъ при своей кротости и добротѣ, лишь тогда, когда онъ усматриваетъ въ комъ-нибудь посягательство на барскіе интересы. Такихъ людей Савельичъ нена-

видѣть, какъ своихъ личныхъ враговъ, и не скупится въ разговорахъ съ ними и о нихъ на самыя энергическія выраженія. Зурпнъ, обыгравшій Гринева, оказывается у Савельпча „разбойникомъ“, вожатый, которому Гринева задумалъ отдать за ячій тулупъ,—собакой и т. д. Вѣчно брюзжащій старикъ никому, однако, не вселялъ страха и вѣры въ твердость своего характера. Упрямый, но добрый Савельпча сейчасъ же уступалъ „дптяти“, какъ только молодой человекъ принималъ суровый и повелительный тонъ, и оказывался совершенно безсильнымъ противъ его ласки и просьбъ. Человекъ незлопамятный отъ природы, Савельпча не могъ никогда простить только тѣхъ, кого онъ считалъ барскими недоброжелателями и ревновалъ къ своимъ господамъ. Нѣтъ ничего забавнѣе и трогательнѣе сильнаго предубѣжденія, не разъ выражаемаго Савельичемъ противъ проклятаго мусе Бодре. Онъ склоненъ былъ приписывать ему всѣ бѣдствія „дптяти“: онъ считалъ его виновникомъ и симбирской попойки, и дуэли со Швабринымъ, и, вѣроятно, до конца дней своихъ не переставалъ повторять при воспоминаніи о Бодре: „И нужно было нанимать въ дядьки басурмана? Какъ будто у барина не стало и своихъ людей?“

Типъ такихъ слугъ, какъ Савельичъ, принадлежитъ къ вымершимъ типамъ. Нельзя не помянуть добромъ тѣхъ времянь, когда Савельичи отнюдь не составляли исключительнаго явленія. Савельичъ былъ не только слугой, дядькой и учителемъ Петра Андреевича Гринева (говоримъ *учителемъ* потому, что Гринева научился писать и читать у Савельпча), но и его другомъ и наперникомъ. Онъ былъ его заступникомъ и ходатаемъ передъ старикомъ Гриневымъ, когда дѣло шло о Марьѣ Ивановнѣ. Онъ былъ посвященъ въ самыя интимныя подробности его жизни. „Капитанская дочка“ заканчивается разсказомъ объ оправданіи Гринева и его вступленіи въ бракъ съ Марьей Ивановной. Что случилось затѣмъ съ Савельичемъ, въ романѣ не говорится. Но у кого на этотъ счетъ могутъ быть малѣйшія сомнѣнія? Кто и самъ не догадается, что Савельичъ до самой смерти оставался близкимъ къ Петру Андреевичу и Марьѣ Ивановнѣ человекомъ и провелъ въ почетъ и холъ свои послѣдніе годы, пользуясь безусловнымъ довѣріемъ и лаской своихъ молодыхъ господъ?

Мосье Бопре отведены въ „Капитанской дочкѣ“ всего полторы страницы. Но въ нашей литературѣ нѣтъ болѣе яркаго и жизненнаго типа учителя и гувернера добраго стараго времени. Пушкинъ не потому удѣлилъ Бопре такъ мало мѣста въ своемъ романѣ, что считалъ излишнимъ обрисовать Бопре со всею ясностью. Все, что нужно было сказать о немъ, сказано. Прибавьте хоть одно слово, и характеристика легкомысленнаго француза будетъ испорчена.

Старый Гринева и не подозрѣвалъ, въ какое онъ ставитъ себя комичное положеніе, выписывая для сына наставника изъ Москвы, „вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла“ и возлагая на бывшаго парикмахера и солдата обязанность учить мальчика „всѣмъ наукамъ“. О наукахъ почтенный Андрей Петровичъ имѣлъ самое отдаленное представленіе и если пригласилъ къ себѣ „каналью француза“, то единственно потому, что на Руси начинало входить въ моду ввѣрять воспитаніе дѣтей иностранцамъ и иностранкамъ. Бопре былъ представителемъ западноевропейской цивилизаціи въ усадьбѣ Гринева. Неудивительно, что онъ не плѣнилъ ея Савельича. Въ семьѣ Гринева и среди той бытовой обстановки, въ которой она жила, Бопре и всѣ его безшабашныя повадки должны были производить впечатлѣніе ни съ чѣмъ несообразныхъ скоморошескихъ диссонансовъ. Къ счастью для молодого Гринева, ему было всего 13—14 лѣтъ, когда онъ попалъ подъ надзоръ Бопре. Въ эти годы Бопре не могъ заразить его своимъ безпутствомъ; къ тому же онъ и пробылъ недолго при своемъ воспитаникѣ. Старый Гринева, долго не замѣчавшій, что Бопре ничего не дѣлаетъ, скоро прогналъ его, случайно убѣдившись въ томъ. европейская цивилизація пошла Бопре не заразила юношу своимъ вліяніемъ, и въ этомъ заключалось его благополучіе. Бопре передалъ ему тѣ немногія знанія, которыми самъ обладалъ, и навсегда оставилъ въ своемъ воспитаникѣ нѣсколько забавныхъ воспоминаній о своей безпутной особѣ. И почему знать, можетъ быть эти воспоминанія оказали Гринева известную долю пользы, застраховавъ его отъ подобострастнаго отношенія ко всему иноземному?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

„Старинные люди“. — Иванъ Кузьмичъ Мироновъ. — Его служебное прошлое. — Иванъ Кузьмичъ, какъ комендантъ Бѣлогорской крѣпости. — Последние дни его жизни и его смерть. — Иванъ Кузьмичъ и герои графа Л. Н. Толстого. — Иванъ Игнатьевичъ. — Его разсужденія о дуэли. — Комичныя черты его характера. — Его героизмъ. — Василиса Егоровна, какъ жена и командирша Бѣлогорской крѣпости. — Ея доброта и преданность служебному долгу. — Ея смерть. — Марья Ивановна. — Параллель между нею съ одной стороны и Пушкинскою Татьяною, Тургеневскою Лизой и графиней Марьей Болконскою графа Л. Н. Толстого — съ другой. — Мирозерцаніе Марьи Ивановны. — Ея вишній обликъ. — Впечатлѣніе, которое она на всѣхъ производила. — Анализъ ея характера. — Марья Ивановна — идеалъ русской женщины. — Она принадлежитъ къ величайшимъ созданіямъ Пушкинскаго гениа.

Вторымъ эпиграфомъ къ третьей главѣ „Капитанской дочки“, въ которой читатель впервые знакомится съ семьей Мироновыхъ, Пушкинъ поставилъ восклицаніе Простакова изъ Фонвизинскаго „Недоросля“: „Старинные люди, мой батюшка“. И Иванъ Кузьмичъ Мироновъ, и его неугомонная супруга Василиса Егоровна, и ихъ другъ дома, кривой поручикъ Иванъ Игнатьевичъ, всѣ они, дѣйствительно, старинные люди, но не Простаковскаго пошиба. Они столь же дороги и милы всякому грамотному человѣку на Руси, какъ и Савельичъ. Мужъ и жена Мироновы принадлежать къ одному поколѣнію съ стариками Гриневыми. Вся разница въ томъ, что Гриневы являются представителями лучшей части родовитаго и зажиточнаго дворянства, а Мироновъ и его вѣрный сослуживецъ — представителями бѣдныхъ, безземельныхъ и неродословныхъ служилыхъ людей, только что попавшихъ въ дворяне въ силу Петровской табели о рангахъ.

Тому, кто клевететь на старую Русь и ничего не видитъ въ ней кромѣ непроглядной тьмы, стоитъ указать только на семью Мироновыхъ и на кривого поручика, и онъ долженъ будетъ согласиться, что старая Русь никогда не оскудѣвала свѣтлыми и благородными характерами, передъ которыми нельзя не преклоняться и которые не могутъ не поражать воображенія поэта.

Иванъ Кузьмичъ Мироновъ, комендантъ богоспасаемой Бѣлогорской крѣпости, въ которой не было ни смотровъ, ни ученія, ни карауловъ, вышелъ изъ солдатскихъ дѣтей и, вѣроятно, долго тянулъ солдатскую лямку, прежде чѣмъ выслужилъ первый чинъ. Пушкинъ не сообщаетъ объ Иванѣ Кузьмичѣ почти никакихъ біографическихъ свѣдѣній, но едва ли можетъ быть со-

миѣніе въ томъ, что капитанъ Мироновъ выбился впередъ, исключительно благодаря своей храбрости и беззаветной преданности службѣ. Порукой за это можетъ быть все, что мы о немъ знаемъ. Прежде, чѣмъ попасть въ маленькую фортецію, заброшенную на дальнюю окраину государства, онъ испыталъ всѣ невзгоды и опасности боевой жизни. „Не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія!“ восклицаетъ Василиса Егоровна при видѣ мужа, вздернутаго на висѣлицу. Это значитъ, что Иванъ Кузьмичъ принималъ участіе и въ семилѣтней войнѣ, и въ походахъ графа Миниха. Прусскіе штыки и турецкія пули закалили спокойное и врожденное мужество капитана Миронова, а его служебные успѣхи не вскружили ему головы. Онъ навсегда сохранилъ свои прежнія привычки, простое, непритязательное отношеніе къ низшимъ и равнымъ, и нимало не стыдился своего прошлаго. Мы его знаемъ старикомъ, мы знаемъ его въ то время, когда онъ управлялъ Бѣлогорскою крѣпостью, а началъ онъ ею управлять уже не въ молодые годы ¹. Но по тому, каковъ былъ Мироновъ капитаномъ и комендантомъ, не трудно представить себѣ, каковъ онъ былъ въ началѣ своей служебной карьеры, когда онъ только что сталъ знакомиться съ Воинскимъ Артикуломъ и свѣкаться съ тревожною боевою армейскою жизнью, наложившею на него неизгладимый отпечатокъ. Старый Гринева не только служилый человѣкъ, но и помѣщикъ. Иванъ Кузьмичъ Мироновъ служилый человѣкъ, и только.

Въ Бѣлогорской крѣпости было мало порядка и много безтолочи. Солдаты, которыми командовалъ Иванъ Кузьмичъ, никакъ не могли понять, что значитъ *налево* и *направо*, и сплеховали при первомъ же столкновеніи съ Пугачевымъ. Винить въ этомъ Ивана Кузьмича не приходится. Не нужно забывать, что его команда состояла изъ старыхъ, никуда негодныхъ инвалидовъ и, если такъ можно выразиться, изъ армейскаго брака. Для отраженія башкирцевъ Бѣлогорская крѣпость, имѣвшая кромѣ солдатъ еще и казаковъ, была достаточно сильна, а другихъ враговъ началь-

¹ Считаемо нелишнимъ отмѣтить анахронизмъ, вкраившійся въ „Капитанскую дочку“. Въ третьей главѣ Василиса Егоровна говоритъ Гринева: „Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда“ (то-есть, въ Бѣлогорскую крѣпость). Вторженіе Апраксина въ Пруссию произошло въ 1757 году, а такъ какъ капитанъ Мироновъ, какъ уже сказано, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, то слѣдовательно въ 1773 году исполнилось не болѣе пятнадцати—шестнадцати лѣтъ его пребыванія въ Оренбургской губерніи.

ство для нея и не предвидѣло, такъ что капитану Миронову, казалось, и не было надобности особенно хлопотать объ обученіи своего маленькаго отряда и объ измѣненіи тѣхъ порядковъ, которые онъ нашелъ въ крѣпости, когда былъ въ нее переведенъ изъ полка задолго до появленія Пугачева. Судить объ этихъ порядкахъ съ нашей точки зрѣнія нельзя, ихъ можно судить только съ точки зрѣнія эпохи и мѣста дѣйствія пушкинскаго романа. Рейнсдорпъ считалъ Миронова хорошимъ офицеромъ, и онъ, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ былъ не только хорошимъ, но даже образцовымъ исполнителемъ служебнаго долга. Онъ страстно любилъ службу и служебныя обязанности, съ утра до вечера возился со своими инвалидами, но что онъ могъ сдѣлать съ ними, съ этими ветеранами, привыкшими къ мысли, что ихъ прислали въ Бѣлогорскую крѣпость мирно доживать свой вѣкъ въ тишинѣ и бездѣйствіи? Къ тому же Иванъ Кузьмичъ, несмотря на всю свою служебную ревность, менѣе всего способенъ былъ поддерживать въ подчиненныхъ духъ дисциплины и повиновенія. Безпечный, мягкій и нѣсколько безхарактерный, онъ никому не могъ внушить страха; его собственныя свѣдѣнія въ военномъ дѣлѣ были очень скудны, да и передавать ихъ онъ былъ не большой мастеръ. — „Только слава, что солдатъ учишь, — говоритъ Василиса Егоровна мужу. Ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь“, Иванъ Кузьмичъ, дѣйствительно, мало вѣдалъ толку въ службѣ, но онъ съ любовью училъ „солдатушекъ“, всю же административную часть крѣпости безропотно предоставлялъ вѣдѣнію своей неугомонной супруги. Во внимательствѣ Василисы Егоровны въ его обязанности онъ не видѣлъ ничего страннаго, да и никто, кажется, кромѣ Швабрина и Гринева, не усматривалъ въ житиѣ-бытѣ маленькой фортеціи ничего незаконнаго и смѣшнаго. Всѣмъ казалось весьма естественнымъ и то, что Василиса Егоровна управляетъ крѣпостью, какъ своимъ домикомъ, и то, что Иванъ Кузьмичъ производилъ ученіе „солдатушекъ“, облеченный въ копава и китайчатый халатъ. Иванъ Кузьмичъ и самъ не догадывался, что въ этомъ было нѣчто противное служебному долгу. Если онъ и прегрѣшалъ противъ этого долга, то развѣ только по невѣдѣнію. Служба у него всегда и во всемъ стояла на первомъ планѣ. Онъ даже разговоръ о стихотворствѣ сводить къ разсужденію на ту тему, что оно есть дѣло службѣ противное, которымъ не слѣдуетъ заниматься.

До тѣхъ поръ, пока Бѣлогорская крѣпость считалась съ одними

башкирцами, она вполне удовлетворяла своему назначенію. Но вотъ явился Пугачевъ, и Иванъ Кузьмичъ оказался безсильнымъ противопоставить ему сколько-нибудь серьезный отпоръ. За то въ эти послѣднія минуты своей жизни онъ явилъ примѣръ истиннаго героизма и выказалъ всю красоту своей безхитростной и кроткой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мужественной, благородной души. Тѣ страницы „Капитанской дочки“, на которыхъ разсказывается, какъ готовился Иванъ Кузьмичъ къ битвѣ съ пугачевцами, какъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и обреченъ на казнь, принадлежать къ лучшимъ страницамъ пушкинскаго романа.

Иванъ Кузьмичъ не обманывалъ себя на счетъ исхода приступа. Онъ не могъ не понимать, что Бѣлогорская крѣпость будетъ взята, и что онъ, какъ комендантъ, падетъ первою жертвою кровавой расправы самозванца съ своими сопротивниками. Что Иванъ Кузьмичъ шелъ на вѣрную смерть, защищая крѣпость, и сознавалъ это,—не подлежитъ сомнѣнію. Изъ ордера Рейндорпа ему было извѣстно, что Пугачевъ разорилъ уже нѣсколько крѣпостей. Назанунѣ приступа къ нему пришла вѣсть о взятіи Нижней Озерной и о томъ, что ея комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. На первомъ же военномъ совѣтѣ Иванъ Кузьмичъ говоритъ: „Злодѣй-то видно спленъ. У насъ всего сто тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плохая надежда“. Измѣна урядника и его бѣгство, а также явное сочувствіе, какое показывали ему казаки, вполне подтверждали предположеніе Миронова. „Хорошо, если отсидимся или дождемся сикурса, говоритъ онъ Василисѣ Егоровнѣ,—ну, а если злодѣи возьмутъ крѣпость?“ Тонъ этой бесѣды показываетъ, что у Ивана Кузьмича не было надежды ни отсидѣться, ни дождаться сикурса. Онъ шелъ на вѣрную смерть, но безъ колебаній и малодушія. „Близость опасности воодушевляла стараго воина бодростью необыкновенной“, говоритъ Гриневъ. Добрый мужъ и отецъ, Иванъ Кузьмичъ не поддается той тревогѣ за участь жены и дочери, которая, конечно, терзала его сердце. Онъ прощается съ Василисой Егоровной, благословляетъ Марью Ивановну, какъ благословляютъ умирающіе, и затѣмъ устремляетъ все свое вниманіе на непріятеля. Въ его послѣднихъ словахъ къ дочерямъ сказывается вся сила его вѣры и вся искренность его безхитростной, простой, чисто-русской морали. „Ну, Маша, молись Богу, будь счастлива, Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ. Живите такъ, какъ жили мы съ Василисой Егоровной“.

„Прощай, прощай матушка“, говорить комендантъ, обнимая свою старуху. Онъ не проливалъ слезъ въ этой сценѣ прощанія, и не выставлялъ на показъ того, что происходило въ глубинѣ его души, только измѣнившійся голосъ да, вѣроятно, выраженіе лица давали понять, что храбрый комендантъ переживалъ тяжелыя минуты, навсегда разставаясь съ дочерью и женой. Когда оробѣлый гарнизонъ отказывается ему повиноваться и идти на вылазку, Иванъ Кузьмичъ восклицаетъ: „Что же вы, дѣтушки, стоите, умирать, такъ умирать, дѣло служивое“. Въ этихъ словахъ: *умирать—такъ умирать*—выражается заѣтная мысль Ивана Кузьмича. Онъ не боялся смерти и былъ всегда готовъ къ ней. Ни страхъ за себя, ни страхъ за участь жены и дочери не могли заставить его измѣнить тому, чего требовало отъ него „служивое дѣло“. Изнемогая отъ ранъ и собирая послѣднія силы, не боясь ни грознаго взгляда, ни грознаго вопроса Пугачева: „Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, твоему государю?“ Иванъ Кузьмичъ твердымъ голосомъ всенародно отвѣчаетъ Пугачеву: „Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты“. Въ эту минуту Иванъ Кузьмичъ не думалъ ни о послѣдствіяхъ своихъ словъ для самого себя, ни о томъ, какъ они могутъ отразиться на близкихъ ему людяхъ. „Дѣло служивое“ требовало отъ него жертвы, и онъ принесъ ее, безтрепетно смотря въ глаза смерти. Иванъ Кузьмичъ не разъ вызываетъ у читателя добродушный смѣхъ въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ поэтъ показываетъ трогательно-комическія черты его характера и жизни, но въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ обнаруживается его величавое, чуждое всякой аффектаціи, чисто русское мужество, онъ вселяетъ въ себѣ глубокое уваженіе, и вы преклоняетесь передъ нимъ, какъ передъ истиннымъ героемъ, ни мало не уступающимъ тѣмъ героямъ древней Греціи и древняго Рима, которыми мы привыкли удивляться со школьной скамьи. Иванъ Кузьмичъ—яркій представитель того типа русскихъ героевъ, который впоследствии такъ сильно занималъ графа Л. Н. Толстого и такъ обстоятельно былъ разработанъ имъ въ его очеркахъ Севастопольской обороны и въ „Войнѣ и Мирѣ“. Графа Толстого долго интересовалъ вопросъ, что такое истинная храбрость, и въ чемъ заключаются особенности русской храбрости. Эти вопросы уже давно рѣшены въ „Капитанской дочкѣ“.

Съ представленіемъ объ Иванѣ Кузьмичѣ неразрывно связанъ добродушно-воичный образъ его стараго сослуживца, вѣрнаго помощника и преданнаго друга дома Мироновыхъ, криваго подручника Ивана Игнатьича. Иванъ Игнатьичъ тоже, вѣроятно, вышелъ изъ солдатскихъ дѣтей. Бобыль и холостякъ, онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ семьѣ своего начальника, сроднился съ нею и совершенно безропотно исполнялъ всѣ приказанія Василисы Егоровны: то держалъ ей, распяливъ на рукахъ, нитки, которыя она разматывала, то нализывалъ грибы для сушенія на зиму. Человѣкъ безъ всякаго образованія и съ чисто простонароднымъ взглядомъ на жизнь, онъ казался Гриневу и Швабрину смѣшнымъ, да и читателю не разъ кажется весьма забавнымъ съ своими разсужденіями и привычками. У него были свои понятія о чести и честности, совершенно несходныя съ понятіями Гринева, и это помѣшало послѣднему оцѣнить по достоинству Ивана Игнатьича, его здравый смыслъ, его доброе, мужественное сердце, его свѣтлую, безхитростную душу. Иванъ Игнатьичъ, какъ и Иванъ Кузьмичъ, принадлежитъ все къ тому же, столь излюбленному графомъ Л. Н. Толстымъ, типу чисто русскихъ храбрецовъ,—къ типу людей, которые соединяютъ смиреніе съ отвагой и умѣютъ жертвовать жизнью за правое дѣло безъ фразъ и красивыхъ позъ, не рисуясь ни передъ собой, ни передъ другими. Все это, конечно, понималъ и Гриневъ въ ту минуту, когда увидѣлъ Ивана Игнатьича лицомъ къ лицу съ Пугачевымъ; но въ то время, когда Иванъ Игнатьичъ развивалъ передъ нимъ свой взглядъ на поединокъ, Петръ Андреевичъ, вѣроятно, былъ не особенно лестнаго мнѣнія о своемъ собесѣдникѣ. Устами Ивана Игнатьича Пушкинъ выразилъ чисто народное воззрѣніе на дуэль. То, что говорить по поводу ея Иванъ Игнатьичъ, сказалъ бы и каждый русскій крестьянинъ.

„Помилуйте, Петръ Андреичъ! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побрались? Велика бѣда! Бражь на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте, онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы васъ ужъ помиримъ. А то доброе-ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро бы ужъ завололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ, а и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?“

Смыслъ этой престодушной тирады сводится къ тому, что

дуэль—дѣло не христіанское, что убійствомъ и самоубійствомъ нельзя да и не стоить смывать оскорбленій. Иванъ Игнатьичъ грубо и наивно выражаетъ свою мысль, но то, что Гринева услышалъ отъ него по поводу дуэли, онъ услышалъ нѣсколькo дней спустя и отъ Марьи Ивановны.

„Какъ мужичны странны! — говоритъ она: за одно слово о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бы они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жпзнью, но и совѣстью и благополучіемъ тѣхъ, которые“...

Доводы Ивана Игнатьича, кстати сказать, поразительно совпадаютъ съ доводами Шопенгауэра противъ поединковъ, хотя между мірососерпаніемъ крпвого поручика и нѣмецкаго мыслителя очень мало общаго.

Ивану Игнатьичу не удалось поколебать Гринева, хотя Гринева и называлъ его вполсѣдствіи „благоразумнымъ“. Молодаго человѣка должна была неприятно поразить прежде всего та легкость, съ которою Иванъ Игнатьичъ относился къ оскорбленіямъ, и его теорія: „брань на вороту не виснетъ“. Онъ, вѣроятно, склоненъ былъ даже думать, что Иванъ Игнатьичъ трусоватъ отъ природы, но не трусовъ, а совсѣмъ другія побужденія руководили поручикомъ, когда онъ отказывался отъ роли секунданта.

„Какъ вамъ угодно, говоритъ Иванъ Игнатьичъ: дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Къ какой стати? Люди дерутся—что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ шведа и подъ турку: всего на-смотрѣлся“.

Иванъ Игнатьичъ потому не хотѣлъ быть секундантомъ, что считалъ поединокъ безнравственною и нелѣпою вещью. Его разсужденія о дуэли, конечно, наивны, но въ нихъ отражается здравый смыслъ народа и испытанное мужество стараго воина, нанюхавшагося пороку и впадавшаго разные виды на своемъ вѣку. Если бы Гринева былъ постарше, онъ изъ тона Ивана Игнатьевича понялъ бы, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ не робкаго десятка.

И въ третьей, и въ четвертой, и въ пятой, и въ шестой главахъ „Капитанской дочки“ Иванъ Игнатьичъ постоянно вызываетъ улыбку у читателя, ибо онъ дѣйствительно комиченъ и въ сценѣ первой встрѣчѣ съ Гриневымъ, и въ то время, когда, онъ ведетъ молодыхъ дуэлистовъ на расправу къ Василису Егоровну, и въ то время, когда Василиса Егоровна выпытыва-

еть у него тайну о Пугачевѣ, застигнувъ Ивана Кузьмича у пушки, изъ которой онъ вытаскивалъ камушки, тряпички, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками. Но въ томъ-то и выражается гениальное мастерство Пушкина, что онъ неувлимымъ для васъ образомъ подготавливаетъ васъ къ трагической смерти Ивана Игнатьича, такъ что вы нимало не удивляетесь, когда узнаете, что кривой поручикъ отвѣчаетъ на приказаніе Пугачева „присягать государю Петру Федоровичу: „Ты намъ не государь. Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ“. Иванъ Игнатьичъ до конца остался вѣренъ самому себѣ. Долго онъ жилъ одною жизнью съ своимъ любимымъ начальникомъ; онъ и умеръ одинаковою съ нимъ смертью, обличая Пугачева въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ обличалъ его капитанъ Мироновъ. Идя на вѣрную гибель, Иванъ Игнатьичъ не утрачиваетъ ни своего обычнаго, ровнаго настроенія духа, ни своего обычнаго добродушія. Онъ и Пугачева называетъ „дядюшкой“. Какъ характерно это обращеніе жертвы къ палачу! Бѣдный и милый Иванъ Игнатьичъ! Онъ умеръ также просто и честно, какъ и жилъ, не считая себя героемъ и не видя въ исполненіи долга ничего особеннаго, а между тѣмъ, несмотря на свою неказистую внѣшность, онъ былъ дѣйствительно героемъ, человѣкомъ одного типа съ Корниловымъ, Нахимовымъ, Радецкимъ и т. д.

Жена капитана Миронова, словоохотливая, неугомонная, прамодушная и нѣсколько грубоватая, но добрая и почтенная Василиса Егоровна принадлежитъ къ числу старинныхъ людей, какъ и ея мужъ съ Иваномъ Игнатьичемъ. Если разбирать ея поступки съ современной точки зрѣнія, или даже съ точки зрѣнія Военнаго Артикула Петра Великаго, она окажется виновною въ незаконномъ вмѣшательствѣ въ служебныя дѣла Ивана Кузьмича и въ другихъ проступкахъ. Но у Василисы Егоровны была своя мораль и свое міросозерцаніе, и она имъ никогда не измѣняла. Она была любящею и преданною, хотя, быть можетъ, и нѣсколько несомною, женой. „Да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и не одна плоть“? рассууждала она и на этомъ основаніи считала себя такимъ же комендантомъ крѣпости, какимъ былъ ея мужъ: выслушивала доклады урядника, творила судъ и расправу между бѣлогорскими обитателями, давала Ивану Игнатьичу разныя порученія, сажала подъ арестъ провинившихся офшцеровъ и даже засѣдала на военномъ со-

вѣтъ. Она совершенно не понимала, что существуетъ разница между ея хозяйственными дѣлами и дѣлами ея мужа и, пользуясь его безпечною и мягкою, держала въ своихъ рукахъ и тѣ, и другія. Режимъ заведенный Василисой Егоровной, носилъ патріархально-буколическій характеръ, исполненный неотразимаго комизма. Гриневъ познакомился съ этимъ режимомъ при первомъ же посѣщеніи дома Мироновыхъ. Сцена, въ которой Василиса Егоровна дѣлаетъ распоряженіе объ отводѣ квартиры молодому офицеру, одна изъ самыхъ комичныхъ сценъ „Капитанской дочки“.

„Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— Максимычъ! сказала ему капитанша,—отведи г. офицеру квартиру, да почище.

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ. Не поѣдетъ ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

— Врешь, Максимычъ, сказала капитанша,—у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отечество, мой батюшка?

— Петръ Андречъ.

— Отведи Петра Андречъ къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустил ко мнѣ въ огородъ. Ну что, Максимычъ, все ли благополучно?

— Все слава Богу, тихо отвѣчалъ казакъ,—только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иванъ Игнатьичъ! сказала капитанша кривому старику. Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи“.

Въ этомъ послѣднемъ изреченіи сказывается нравственная философія Василисы Егоровны. Ей совершенно чуждъ формальный взглядъ на вещи. Она твердо убѣждена, что въ каждой ссорѣ—грѣхъ пополамъ, какъ выражались въ старину, ибо виноватъ виноватый (зачѣмъ затѣвалъ ссору?), виноватъ и правый (почему не уступилъ и „не покрылъ дѣла гладостію“?) Карая Семена Кузова военнымъ постоемъ, Василиса Егоровна тутъ же съ полною откровенностью и съ совершеннымъ сознаниемъ своей правоты громогласно объявляетъ, почему она это дѣлаетъ. Нечего и говорить, что правленіе капитанши никѣмъ не тяготило; о ея строгости можно судить по тому, какъ она называетъ Гринева и Швабрина за дуэль. Сначала она отбираетъ у нихъ шпаги и требуетъ отъ Ивана Кузьмича, чтобъ

онъ немедленно посадилъ ихъ на хлѣбъ, на воду, но потомъ мало-по-малу успокаивается и заставляетъ молодыхъ людей поцѣловаться. Добрая старушка была очень удивлена, когда узнала, что Гриневъ и Швабринъ, несмотря на вынужденное, чисто внѣшнее примиреніе, продолжали таить другъ противъ друга чувство мести. Это чувство было ей совершенно незнакомо.

Василиса Егоровна—типъ стараго закала; по своей неустрашимости она была достойною женой Ивана Кузьмича. Сроднившись съ его взглядами и привычками, она усвоила себѣ и его сознаніе служебнаго долга и его презрѣніе къ опасности и смерти.

— Да, слышь ты, говорить про нее Иванъ Кузьмичъ,—баба-то не робкаго десятка.

Василиса Егоровна возбуждаетъ въ читателѣ улыбку, когда онъ видитъ ее занимающею мѣсто въ военномъ совѣтѣ Бѣлогоской крѣпости, но онъ проникается къ ней глубокимъ уваженіемъ, когда она, выслушавъ воззваніе Пугачева, воссыпаетъ:

— Какое мошеникъ! Чтò смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему навстрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ, онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ на службѣ и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?

Мы уже сорокъ лѣтъ на службѣ... Это мы, какъ нельзя лучше, поясняютъ намъ взглядъ Василисы Егоровны на ея отношенія къ мужу и къ его служебнымъ обязанностямъ. Она и себя считала состоящею на службѣ, вмѣстѣ съ нимъ.

Василиса Егоровна соглашается отправить въ Оренбургъ Марью Ивановну, когда Иванъ Кузьмичъ даетъ ей понять, что Бѣлогорская крѣпость можетъ быть взята Пугачевымъ, но она и слышать не хочетъ о разлукѣ съ мужемъ въ минуты опасности.

— А меня и во снѣ не проси, не поѣду, говоритъ она,—нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобой да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ. Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

Въ этихъ словахъ сказывается вся любовь Василисы Егоровны къ мужу. Она не была сантиментальна и не умѣла краснорѣчиво выражать своихъ чувствъ, но она умѣла сильно и глубоко чувствовать и во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названа идеальною женой. „Коли найдется добрый человекъ, дай вамъ

Богъ любовь да совѣтъ, говоритъ Иванъ Кузьмичъ, благословляя Марью Ивановну и готовясь съ смертному часу. *Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной*“. Иванъ Кузьмичъ былъ совершенно доволенъ своею семейною жизнью. Его послѣдній завѣтъ дочери, несмотря на свой трогательный оттѣнокъ, можетъ вызвать улыбку у читателя, который, пожалуй, припомнитъ, какъ Василиса Егоровна весь вѣкъ командовала мужемъ; тѣмъ не менѣе, Иванъ Кузьмичъ имѣлъ полное основаніе поставить дочери свою семейную жизнь въ образецъ. Василиса Егоровна ничѣмъ не омрачила ея. Всѣ ея заботы были направлены къ тому, чтобы покоить мужа и помогать ему. Она была участницей его радостей и его горя и съ спокойною совѣстью могла смотрѣть на весь пройденный съ нимъ путь.

Смерть Василисы Егоровны окончательно дорисовываетъ образъ этой своеобразной женщины стараго закала съ ея смѣлымъ сердцемъ.

— Злодѣи, кричитъ она въ изступленіи, увидѣвъ своего мужа на висѣлицѣ: что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! Не тронулъ тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣлаго каторжника.

Мученическая смерть Ивана Кузьмича заставила Василису Егоровну забыть и о страхѣ, и объ ужасѣ своего положенія. Все ея существо переполняется однимъ страстнымъ желаніемъ оплакать свое горе и бросить слово укоризны палачу Ивана Кузьмича. Василиса Егоровна, подобно своему мужу, была тоже „удалая солдатская головушка“, и умѣла безтрепетно смотрѣть въ глаза смерти. Она была необразована и по внѣшности нѣсколько грубовата, но въ ея душѣ таился неисчерпаемый родникъ любви, любви и своеобразной женственности, соединенной съ отвагой и выносливостью человѣка, закаленного въ опасностяхъ и трудахъ боевой и походной жизни. Василиса Егоровна—такой же свѣтлый и привлекательный типъ стараго вѣка, какъ Иванъ Кузьмичъ, Иванъ Игнатьичъ, Савельичъ и старикъ Гриневъ съ женой. Видно, этотъ вѣкъ имѣлъ въ себѣ большой запасъ нравственныхъ силъ; видно, въ немъ было много хорошаго, если онъ порождалъ такихъ женщинъ, какъ Василиса Егоровна, и такихъ дѣвушекъ, какъ Марья Ивановна, къ которой мы теперь переходимъ.

Марья Ивановна представляет центральную фигуру романа. Изъ-за нея происходит дуэль Гринева съ Швабринымъ; изъ-за нея происходит у Гринева временный разрывъ съ отцемъ; ради Марьи Ивановны Гриневъ ѣдетъ въ Берду; отношенія между Гриневымъ и Швабринымъ опредѣляются ихъ отношеніями къ Марьѣ Ивановнѣ; опасенія повредить ей заставляютъ Гринева тапться передъ судомъ и едва не губятъ его; поѣздка Марьи Ивановны въ Петербургъ и ея свиданіе съ императрицей ведутъ за собой помилованіе Гринева, то-есть, благополучную развязку запутанныхъ и, какъ кажется читателю до самаго конца, неразрѣшимыхъ осложненій романа.

Марью Ивановну такъ же, какъ и Гринева, Бѣлинскій называетъ безцвѣтнымъ лицомъ. Трудно представить себѣ что-нибудь ошибочнѣе и недальновиднѣе этого взгляда. Марья Ивановна не безцвѣтное лицо, а прекрасно и глубоко задуманный, сложный и возвышенный характеръ и гениально обрисованный типъ чудной русской дѣвушки конца прошлаго столѣтія. И въ бытовомъ и въ психологическомъ отношеніи Марья Ивановна представляетъ громаднѣйшій интересъ и должна быть отнесена къ числу величайшихъ созданій пушкинскаго творчества. По глубинѣ замысла и тонкости исполненія образъ Марьи Ивановны нисколько не уступаетъ образу Татьяны, и смѣло можно сказать, что между всѣми героинями Пушкина нѣтъ ни одного лица, въ которомъ такъ ярко и такъ полно нашли свое выраженіе русскіе народные идеалы. Марья Ивановна дѣвушка одного типа съ Тургеневскою Лизой и Марьей Волконскою изъ „Войны и Мира“ гр. Л. Н. Толстого, которыя, къ слову сказать, не болѣе, какъ блѣдныя тѣни въ сравненіи съ нею. Пушкинская Татьяна сильнѣе поражаетъ воображеніе. Отъ ея скорбно-задумчиваго облика такъ и вѣетъ романтизмомъ и чарующею прелестью; зато кроткое лицо Марьи Ивановны окружено ореоломъ чистоты и поэзіи и даже, можно сказать, святости. Марья Ивановна съ гораздо болѣшимъ основаніемъ, чѣмъ Татьяна, можетъ быть названа идеаломъ *русской женщины*, ибо въ ея натурѣ, въ ея стремленіяхъ и во всемъ складѣ ея ума и характера не было ничего не русскаго, вычитаннаго изъ иностранныхъ книгъ и, вообще, наѣяннаго иноземными вліяніями. Всѣми своими помыслами и влеченіями Марья Ивановна связана съ русскимъ бытомъ.

Сразу Марья Ивановна не производила чарующаго впечатлѣнія. Въ ея внѣшности не было ничего такого, что бросалось бы въ глаза и приговывало взоры. Съ ней нужно было сбли-

зиться, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько узнать ее, чтобы понять ея духовную красоту. Тѣ же, передъ кѣмъ хотя отчасти раскрывалась эта красота, не могли не поддаться ея обаянію. Швабринъ, молодой Гриневъ, Савельичъ, Палашка, отецъ Герасимъ и его жена,—всѣ они любили Марью Ивановну по своему. Старшки Гринева, предубѣжденные противъ Марьи Ивановны, привязались къ ней, какъ къ родной, когда она прожила у нихъ нѣкоторое время. Умная и наблюдательная Императрица Екатерина II, послѣ одной мимолетной встрѣчи съ Марьей Ивановной, составила самое выгодное представленіе объ ея умѣ и сердцѣ и, давъ полную вѣру ея словамъ, исполнила все, о чемъ она просила. Только Пугачевъ, смотрѣвшій на женщинъ исключительно съ точки зрѣнія чувственныхъ вождельній, равнодушно прошелъ мимо Марьи Ивановны, какъ-бы не замѣтивъ ее. Оно и понятно: что общаго могло быть между Пугачевымъ и Марьей Ивановной? Зато Савельичъ воздалъ ей высшую похвалу, какую только онъ могъ воздать: онъ называлъ ее *ангеломъ Божиимъ*. И ее, дѣйствительно, можно назвать ангеломъ во плоти, ниспосланнымъ на землю на утѣшеніе и отраду близкихъ людей. Создавая такое лицо, какъ Марья Ивановна, каждый писатель, менѣе талантливый, чѣмъ Пушкинъ, легко впалъ бы въ фальшь и риторику, вслѣдствіе чего у него вышла бы не дѣвушка той или другой эпохи, а ходячая добродѣтель и прописная мораль. Но Пушкинъ блистательно справился съ своею задачей и создалъ вполне живое лицо, заслуживающее самаго тщательнаго изученія на-ряду съ главными героинями всѣхъ первоклассныхъ поэтовъ.

Марья Ивановна родилась и выросла въ Бѣлогорской крѣпости и едва ли гдѣ-нибудь бывала дальше ея до переселенія къ родителямъ Гринева. Отецъ, мать, Иванъ Игнатьичъ, семья отца Герасима,—вотъ тотъ тѣсный кружокъ, въ которомъ прошли ея дѣтскіе и отроческіе годы. Все ея образованіе ограничивалось русскою грамотой, и она едва-ли что-нибудь читала, за исключеніемъ, можетъ быть, молитвенника и Священнаго Писанія. Она проводила время за руководѣльемъ и въ хлопотахъ по хозяйству,—словомъ, была тѣмъ, чѣмъ и должна была быть дочь такихъ старинныхъ людей, какъ мужъ и жена Мироновы. Они не могли ей дать свѣтскаго лоска и блестящаго воспитанія, да они и не горевали о томъ; зато они окружили ее атмосферой честной бѣдности и несложныхъ, но возвышенныхъ и твердыхъ взглядовъ на жизнь и людей, что имѣло на Марью Ивановну самое благотворное вліяніе. Она безсозна-

тельно проникалась тѣми идеалами, которыми жили Иванъ Кузьмичъ и Василиса Егоровна, и унаслѣдовала лучшія стороны ихъ ума и характера. Всякое хорошее слово глубоко западало ей въ душу, падая на добрую почву. То, что она слышала въ бѣдной, старенькой, деревянной Бѣлогорской церкви, имѣло на нее неотразимое и рѣшающее вліяніе. Тѣ вѣчные глаголы жизни, которыми она внимала тамъ изъ устъ простоватаго священника, видимо поразили ее въ самые ранніе годы и навсегда опредѣлили ея міросозерпаніе и поступки. Церковь сдѣлала ее христіанкой въ истинномъ смыслѣ этого слова; отчій домъ поддерживалъ и укрѣпилъ въ ней то настроеніе, которое она вынесла оттуда, и прочно привилъ къ ней несложные, но добрые навыки и убѣжденія, на которыхъ держалась старинная Русь.

Марья Ивановна не имѣетъ ничего общаго съ тѣми дѣвушками, о которыхъ говорятъ: эта дѣвушка съ правилами. Марья Ивановна руководилась не *правилами*, то-есть, не дрессировкой и разъ навсегда усвоенными привычками, а непоколебимою и восторженною вѣрой въ неизмѣнную, вѣчную правду. Въ Марьѣ Ивановнѣ нѣтъ ни сухости, ни ограниченности дѣвушекъ „съ правилами“. Марья Ивановна въ полномъ смыслѣ слова исключительная и богато-одаренная натура, представляющая сочетаніе самыхъ противоположныхъ элементовъ и очень сложный, не легко понимаемый характеръ.

Чуткость сердца, впечатлительность и женственность составляютъ прежде всего бросающіяся особенности Марьи Ивановны. Она очень самолюбива и живо чувствуетъ горечь обиды. Грубовато-простодушная болтовня Василисы Егоровны о бѣдности дочери и о томъ, что она, чего добраго, просидитъ въ дѣвкахъ вѣковѣчно невѣстой, доводитъ Марью Ивановну до слезъ. Марья Ивановна часто краснѣетъ и блѣднѣетъ, прекрасно понимая каждый малѣйшій оттѣнокъ обращенія съ ней. Въ ней нѣтъ и тѣни вульгарности и бабьяго мужества Василисы Егоровны. Ружейные и пушечные выстрѣлы доводятъ ее до обморока. Трагическая смерть отца и матери и вообще всѣ ужасы пугачевской расправы разрѣшаются у Марьи Ивановны нервною горячкой. При видѣ Пугачева, убійцы своего отца, она лишается чувствъ. Когда Марья Ивановна бывала взволнована, она не могла удержаться отъ слезъ. Ея голосъ дрожалъ и прерывался, и въ эти минуты она казалась своему возлюбленному слабымъ и незащитнымъ существомъ, обаятельнымъ въ своей беспомощности.

Но Марья Ивановна не имѣла ничего общаго съ хилыми и дряблыми натурами. Она была рѣшительна и смѣла въ своихъ поступкахъ, когда ей нужно было опредѣлить свои отношенія къ людямъ. Она не любила прибѣгать къ чужимъ совѣтамъ; она умѣла дѣйствовать самостоятельно, тщательно обдумывала каждый свой шагъ, и, разъ принявъ какое-нибудь рѣшеніе, уже не отступала отъ него. Она сразу обрываетъ свои отношенія къ любимому человѣку, когда узнаетъ, что его отецъ не позволитъ ему жениться на ней. Несмотря на всѣ угрозы Швабрина, она отказывается выйти за него замужъ.

— Я никогда не буду его женой, говоритъ она Пугачеву. Я лучше рѣшилась умереть и умру, если меня не избавятъ.

И это была не фраза. Если бы уряднику не удалось доставить письмо Марьи Ивановны по назначенію, а Гриневу— вырвать ее изъ рукъ негодяя, Марья Ивановна сдержала бы свое слово: она бы заморила себя голодомъ или наложила бы на себя руки, но ни за что не вышла бы замужъ за человѣка, къ которому питала инстинктивное отвращеніе, и о которомъ не могла думать безъ ужаса, какъ объ измѣнникѣ и сообщникѣ убійцы ея отца. Таковую же обычную рѣшимость проявляетъ Марья Ивановна и при поѣздкѣ въ Петербургъ. Молодая и неопытная она задумываетъ добиться свиданія съ Императрицей и спасти своего жениха отъ ссылки въ Сибирь и позора и безъ всякихъ колебаній приводитъ въ исполненіе свою мысль, не посвятивъ вполнѣ въ свою тайну ни старшаго Гринева, ни его жену.

Марья Ивановна, какъ выражается про нее молодой Гринева, „въ высшей степени была одарена скромностью и осторожностью“. Она мало говорила, но много думала; въ ней не было скрытности, вытекающей изъ недовѣрчиваго отношенія къ людямъ; но она рано привыкла жить внутреннею жизнью, оставаться наединѣ съ собою и со своими мыслями. Сосредоточенная, вдумчивая и нѣсколько замкнутая въ себя, она поражаетъ своею наблюдательностью и способностью угадывать людей и ихъ побужденія. Внимательно и зорко слѣдя за движеніями своего сердца и за голосомъ своей совѣсти, она безъ особаго труда постигала самыя затаенныя побужденія и свойства окружавшихъ ее лицъ. Вспомните, на примѣръ, какъ она мѣтко опредѣляетъ, что такое Швабринъ, въ бесѣдѣ съ Гриневымъ послѣ первой попытки Петра Андреевича биться съ нимъ на дуэли. Она не только сразу поняла Швабрина, но и догадалась, что онъ былъ виновникомъ столкновенія съ Гриневымъ:

— Я увѣрена, что не вы зачинщикъ «соры», говоритъ она Гриневу: вѣрно виновать Алексѣй Ивановичъ.

— А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

— Да такъ. . . онь такой насмѣшиликъ! Я не люблю Алексѣя Ивановича. Онь очень мнѣ противенъ; а сгранно: ни за что бь я не хотѣла, чтобъ и я ему также не правилась. Это меня бы беспокоило страхъ!

Объясняя Гриневу, почему она отказала Швабрину, когда онь ей дѣлалъ предложеніе, Марья Ивановна говоритъ:

— Алексѣй Ивановичъ, конечно, человекъ умный и хорошей фампли и имѣеть состояніе: но какъ подумаю, что надобно будетъ подь вѣнцомъ при всѣхъ поцѣловаться... ни за что! Ни за какія благополучія!

Въ этихъ простодушныхъ словахъ сказывается вѣрное и глубокое пониманіе Швабрна. Онь производилъ на Марью Ивановну такое же впечатлѣніе, какое съ перваго же раза произвелъ на Гетевскую Маргариту Мефистофель. Марья Ивановна питала къ нему инстинктивное отвращеніе, смѣшанное со страхомъ. Онь одновременно и отталкивать, и пугалъ ее. Если бы она была образованнѣе и умѣла бы отчетливо выражать свои мысли, она сказала бы: „Швабринъ дурной, злой человекъ. Съ нимъ нужно держать себя осторожно. Онь мстителенъ, злопамятенъ и неразборчивъ въ средствахъ. Горе тому, кого онь возненавидитъ. Рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ онь найдетъ случай свести съ своимъ врагомъ счеты“. Марья Ивановна какъ бы предугадываетъ, что Швабринъ причинитъ еще много горя Гриневу. Насквозь видя Швабрна, она насквозь видитъ и Гринева. Этимъ объясняется та прозорливость, которую она обнаруживаетъ, когда до нея доходитъ вѣсть, что Гриневъ признанъ виновнымъ въ измѣнѣ и осужденъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Она сразу догадалась, что ея женихъ не оправдался въ глазахъ судей только потому, что не захотѣлъ впутать ся имя въ процессъ о пугачевцахъ. Владѣя ключемъ отъ своей души, она безъ труда отмыкала этимъ ключемъ и души другихъ.

Въ Марьѣ Ивановнѣ не было ни малѣйшей аффектаціи; она не умѣла рисоваться. Марья Ивановна—сама искренность и простота. Она не только не выставляла своихъ чувствъ на показъ, а стыдилась выразить ихъ открыто. Идя проститься съ могилами родителей, она проситъ любимаго человека оставить ее одну, и онь увидѣлъ уже ее тогда, когда она возвращалась съ кладбища, обливаясь тихими слезами.—Въ то время, когда су-

дили Гринева, она „мучилась болѣе всѣхъ“, но „скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія“, а между тѣмъ непрестанно думала о томъ, какъ бы спасти его. Инстинктивное отвращеніе къ расчитанно красивымъ позамъ вытекало у Марьи Ивановны изъ ея природной правдивости, не переносившей никакой лжи и фальши. Въ этой же правдивости заключается разгадка и той простоты обращенія, которою она всѣхъ къ себѣ привлекала. Въ ней не было и не могло быть никакого жеманства или кокетства. Несмотря на свою застѣнчивость, она спокойно выслушиваетъ объясненіе выздоравливающаго Гринева въ любви и сама признается ему въ сердечной склонности. Затѣйливыя отговорки, какъ и всякое притворство, были ей совершенно чужды.

Проникнутая восторженною экзальтированной вѣрой и глубокимъ сознаниемъ долга, Марья Ивановна не терялась въ самыя тяжелыя минуты жизни, ибо у нея всегда была путеводная звѣзда, съ которой она не сводила глазъ и которая не давала ей сбиться съ прямой дороги. Когда она узнаетъ, что отецъ Гринева не соглашается имѣть ее своею невѣсткой, она отвѣчаетъ на всѣ доводы своего милаго, предлагающаго ей немедленно перевѣнчаться:

— Нѣтъ, Петръ Андреичъ, я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую,—Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ; а я за васъ обояхъ...

Тутъ она заплакала и ушла, не высказавъ до конца своей мысли; но ясно и безъ того, что она хотѣла сказать. Душа Марьи Ивановны была согнана изъ любви и самоотверженія. Подчиняясь во всемъ волѣ Божіей и прозрѣвая ее во всѣхъ событіяхъ своей жизни, она отказывается отъ счастья быть женой любимаго человѣка, но думаетъ при этомъ не о себѣ, не о своемъ будущемъ одиночествѣ, а о Гриневѣ, исключительно о немъ одномъ. Она возвращаетъ ему данное ей слово и тутъ же, не безъ тяжелой внутренней борьбы, конечно, говорить, что будетъ молиться за него и за ту, кого онъ полюбитъ. Она и благословеніемъ-то старыхъ Гриневыхъ дорожить прежде всего, какъ залогомъ счастья ихъ сына: „безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья.“ О себѣ она совсѣмъ не думаетъ при этомъ. Возвышенный образъ мыслей, вытекающій у Марьи Ивановны изъ ея религіознаго настроенія и чисто-народнаго міросозерца-

нія, проявляется у нея всегда и во всемъ: и въ ея отношеніяхъ къ родителямъ, и въ ея отношеніяхъ къ Гриневу, и во всѣхъ ея взглядахъ и сужденіяхъ. Такъ же, какъ и Иванъ Игнатьичъ, она безусловно осуждаетъ дуэли, но не во имя соображеній практическаго свойства, — не потому, что брань на вороту не виснетъ, и что раненый или убитый на поединкѣ остается въ дуракахъ. Она осуждаетъ дуэли исключительно съ христіанской точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія благородной и любящей натуры и лучшей и жаждущей правды.

— Какъ мужчины странны! говоритъ она Гриневу. За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю, вѣрно-бъ, они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать *не только жизнью, но и совѣстью и благополучіемъ тѣхъ, которые...*“ (Марья Ивановна не договариваетъ: *ихъ любятъ.*)

Марью Ивановну, робкую и женственную Марью Ивановну, поражаетъ въ людяхъ, бьющихся на дуэли, не только то, что они ставятъ на карту свою жизнь, — она понимаетъ, что бываютъ обстоятельства, когда нельзя не жертвовать жизнью во имя чести и требованій долга, — ее ужасаетъ то презрѣніе къ голосу совѣсти, вопіющей противъ убійства и самоубійства, и то безучастное отношеніе къ горю близкихъ людей, безъ котораго не можетъ состояться ни одна дуэль. Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ сужденіяхъ Марьи Ивановны, этой простой и необразованной дѣвушки, чуждой самомирія и часто не находящей словъ для выраженія своей мысли, сказывается чуткое сердце и свѣтлый, возвышенный умъ.

Марья Ивановна прекрасно себя усвоила значеніе Евангельскихъ словъ: будьте кротки, какъ голуби, и мудры какъ змѣи. Она всецѣло была проникнута величавою народною мудростью, сложившеюся подъ вліяніемъ Церкви и Ея ученія, и никогда не измѣняла своимъ идеаламъ, а это было для нея далеко не легко, ибо у Марьи Ивановны была горячая кровь (не даромъ же Гриневу бросилось съ перваго же взгляда, что у нея „уши такъ и горѣли“) и нѣжное привязчивое сердце, умѣвшее сильно любить и сильно страдать. Марья Ивановна кончила не такъ, какъ тургеневская Лиза: она не пошла въ монастырь, а сдѣлалась счастливою женой и матерью, и уже, конечно, не такою матерью, какою была простоватая мать Гринева, а одною изъ тѣхъ матерей, о которыхъ дѣти вспоминаютъ не только съ любовью, но и съ благоговѣніемъ и гордостью. Едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе, что Гриневъ всю свою жизнь бла-

гословлялъ тотъ часъ, когда отецъ отправилъ его къ Рейнсдорпу, а Рейнсдорпъ — въ Бѣлогорскую крѣпость, ибо тамъ, въ глуши отдаленной окраины государства, онъ встрѣтилъ Марью Ивановну и сблизился съ нею.

Еслибы жизнь Марьи Ивановны сложилась такъ, какъ жизнь Лизы, или же еслибы она жила не въ Оренбургской губерніи гдѣ не было въ XVIII вѣкѣ ни одной обители, а близъ какого-нибудь скита, она тоже, вѣроятно, сдѣлалась бы инокиней.

Заканчиваемъ характеристику Марьи Ивановны тѣмъ, съ чего начали: ея поэтическій образъ принадлежитъ къ числу глубочайшихъ созданій Пушкинскаго гениа, и какъ мастерски поэтъ очертилъ его! Когда вы прочтете „Капитанскую дочку“, вамъ такъ и кажется, что вы когда-то видѣли эту русую и румяную дѣвушку, ея умные и добрые глаза, ея мягкія и изящныя движенія, что вы слышали ея милый и тихій голосъ, что вы были свидѣтелемъ и ея нѣжныхъ заботъ о раненомъ Гриневѣ, и ея трогательнаго прощанія съ отцомъ на валу Бѣлогорской крѣпости

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пугачевъ.—Пугачевъ и шекспировскій Кадъ.—Безпристрастный и примиряющій взглядъ Пушкина на Пугачева.—Богатырскія и плутоватыя черты въ характерѣ Пугачева.—Его казни.—Чувство благодарности, юморъ и другія свѣтлыя стороны Пугачева.—Его затаенныя побужденія и надежды.—Неизбѣжность его гибели.—Пугачевскіе „генералы“ и Хлопуша, какъ разбойникъ-богатырь и разбойникъ рыцарь.—Швабринъ.—У него нѣтъ ничего общаго съ мелодраматическими злодѣями.—Его прошлое.—Основные черты его ума и характера, его взгляды и его отношенія къ Гриневу, къ Марьѣ Ивановнѣ, къ Пугачеву и къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ „Капитанской дочки“.—Швабринъ и Рашлей.

Ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ типа человѣка грубой, стихійной силы, обрисованнаго съ такою законченностью и глубиной, какъ Пугачевъ въ „Капитанской дочкѣ“. Шекспировскій Кадъ изъ „Генриха VI“, по сравненію съ пушкинскимъ Емелей, не болѣе, какъ блѣдный эскизъ. Только Пушкинъ, съ его гениемъ и съ его гениальнымъ постиженіемъ русской народности, могъ создать такое лицо, какъ его Пугачевъ. Пушкинскій Пугачевъ—сама жизнь и сама правда. Сколько бы ни появилось талантливыхъ сочиненій, какіе бы взгляды не высказывались на знаменитаго самозванца, — пушкинскій Пугачевъ никогда не утратитъ своего значенія, не только какъ изумительно прекрасный художественный образъ, но и какъ блестящая научная

иногеа. Пушкинъ *уважалъ* Пугачева и показалъ намъ, каковы онъ былъ въ дѣйствительности. Онъ точно воскресилъ его въ своемъ романѣ. Въ тѣ времена, когда наши историки и беллетристы считали риторичу и искусственно - эффектное оцѣнение необходимою принадлежностью историческихъ изслѣзованій и историческихъ романовъ, Пушкинъ въ Пугачевѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣйствующихъ лицахъ „Капитанской дочкѣ“ далъ дивныя образчики правдиваго воспроизведенія старины и историческихъ дѣятелей. Пугачевъ въ „Капитанской дочкѣ“—одно изъ гениальнѣйшихъ созданій пушкинскаго творчества. Ни одно лицо въ „Борисѣ Годуновѣ“ не можетъ сравниться съ нимъ по вѣрности и рельефности изображенія. Пушкинскій Пугачевъ такъ живо представляется читателю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ такомъ строгомъ соответствии съ историческимъ Пугачевымъ; онъ такъ ярко отражаетъ въ себѣ и XVIII вѣкъ, и всѣ бытовыя особенности того края и того населенія, среди которыхъ разыгралась пугачевщина.— что историческимъ романистамъ можно только учиться по „Капитанской дочкѣ“, какъ нужно писать историческіе романы и изображать историческихъ дѣятелей. Дальше пушкинскаго Пугачева въ этомъ отношеніи, кажется, ужъ и некуда идти.

Нужно вспомнить, когда и при какихъ условіяхъ писалась „Капитанская дочка“. Въ ту пору еще живы были преданія о пугачевщинѣ и ея ужасахъ; въ ту пору живы были еще люди, липившіеся во время мятежа отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ. И въ официальныхъ бумагахъ, и въ запискахъ современниковъ Пугачева называли не иначе, какъ извергомъ, дьяволомъ, зюдьбемъ и т. д., и всякій другой писатель, кромѣ Пушкина, который вздумалъ бы лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ вывести Пугачева героемъ повѣсти или романа, сдѣлалъ бы изъ него нѣчто въ родѣ лермонтовскаго Вадима,—т. е., страшное чудовище и мелодраматически-эффектную фигуру. Гений Пушкина предохранилъ его отъ лжи и преувеличенія. Изъ кровавой легенды, которою было окружено имя Пугачева, Пушкинъ сумѣлъ выдѣлать всѣмъ намъ знакомыя черты удалаго казака и плутоватаго бродяги и разглядѣть благородныя порывы и стремленія тамъ, гдѣ казалось, ничего не было, кромѣ преступленія и мрака. Пушкинъ отнесся къ Пугачеву безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякихъ политическихъ и сословныхъ предразсудковъ. Онъ смогъ на него сверху внизъ съ тою широтою взгляда, которая такъ необходима для художника, мыслителя и историка.

Онъ не старался смыть кровавыхъ пятенъ съ Пугачева, но его, несомнѣнно, Пугачевъ привлекалъ и своею, доходящею до дерзости отвагой, и своею склонностью къ приключеніямъ, и своими благородными порывами. Пушкинъ, кажется, и въ немъ видѣлъ почти такого же „милаго авантюриста“, какимъ представлялся ему Гришка Отрепьевъ¹.

Я милость къ падшимъ призывалъ,

говорить поэтъ въ своемъ „Памятникѣ“. Онъ призывалъ милость не только къ своимъ заблудшимся современникамъ (къ декабристамъ, напримѣръ), но и къ тѣмъ, давно сошедшимъ въ могилу, людямъ, надъ которыми тяготѣло проклятіе потомства. Пушкинъ, какъ Шиллеръ, думалъ, что смерть есть великій примиритель, и примирилъ Россію съ Пугачевымъ, насколько можно было примирить ее съ нимъ. „Въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ, есть искупительныя, видимыя на разстояніи столѣтія стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго передъ судомъ современника сердца таится одно какое-нибудь лучшее и чистое чувство“. Пушкинъ доказалъ это лишній разъ своимъ Пугачевымъ, и „Капитанская дочка“, по которой судить вся грамотная Россія о Пугачевѣ, разъяснила намъ и сложный характеръ самозванца, и всѣ его самыя затаенныя побужденія. Кто изъ насъ, вспоминая о спасителѣ Гринева и Марьи Инановны и объ его казни, не повторить, вмѣстѣ съ Пестромъ Андреевичемъ, словъ сожалѣнія о Пугачевѣ: „Емеля, Емеля! зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ или не подвернулся подъ картечь?“ Кого изъ насъ не привлекаетъ чисто русской обликъ бунтовщика и самозванца, способнаго чувствовать благодарность и понимать искренность?

Мы упомянули по поводу пушкинскаго Пугачева о шекспировскомъ Кадѣ. Какая громадная разница между ними, -- и не съ художественной только точки зрѣнія! Шекспировскій Кадъ служитъ яркимъ доказательствомъ того, что Шекспиръ не могъ отрѣшиться отъ своихъ политическихъ симпатій и антипатій, воспроизводя минувшія судьбы своей родины. Онъ, видимо, презиралъ и ненавидѣлъ Када и не считалъ нужнымъ скрывать это. Неудивительно, что его Кадъ производитъ впечатлѣніе грубо намалеванной фигуры. Неудивительно, что и Пушкинъ, съ его безпристрастнымъ, любовнымъ отношеніемъ къ старинѣ и ея

¹ См. письмо Пушкина къ Н. Н. Раевскому отъ 30-го января 1829 года.

представителямъ. такъ глубоко заглянулъ въ душу Пугачева и разглядѣлъ подъ вѣшностью злодѣя, обрызганнаго кровью, столькихъ жертвъ, и русское добродушіе, и русскую веселость, и русскій юморъ.

Что же такое пушкинскій Пугачевъ?

Это человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, безспорно, выдающійся. Если бы онъ жилъ не въ концѣ XVIII вѣка, а нѣсколькими столѣтіями раньше, о немъ и объ его подвигахъ сложилось бы въ народѣ множество легендъ, которыя окружили бы имя самозванца ореоломъ полумистическаго обаянія и сказочной мощи. Пушкинскій Пугачевъ—это одинъ изъ нашихъ старинныхъ богатырей, въ родѣ Васьки Буслаева, привлекавшаго къ себѣ народъ „скоропечатыми ярлыками“, въ которыхъ говорилось:

Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платъ разноцвѣтное.

И по дерзкой отвагѣ, и по широтѣ замысловъ, и по непоколебимой увѣренности въ своихъ силахъ, пушкинскій Пугачевъ вполне подходилъ къ людямъ богатырскаго типа. И поэтъ подчеркнул это, но онъ отмѣтилъ въ то же время всѣ комичныя черты Пугачева: его простонародную наивность, его невѣжественныя взгляды, его напускную важность. Пушкинскій Пугачевъ представляетъ соединеніе богатырскаго размаха съ плутоватостью ящцаго казака, прошедшаго огонь и воду, и съ повадками разбойника. Не уменьшая крупныхъ размѣровъ Пугачева, Пушкинъ не дѣлалъ изъ него мелодраматическаго злодѣя или байроновскаго героя: онъ ни на минуту не забывалъ о тѣхъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, которыя породили Пугачева и пугачевщину. Точка зрѣнія, съ какой смотрѣлъ Пушкинъ на Пугачева, видна уже изъ эпиграфа ко второй главѣ „Капитанской дочки“, взятаго изъ одной старинной пѣсни:

Сторона-ль моя, сторонушка,
Сторона незнакома!
Что не самъ-ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый-ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.

Такъ и пушкинскаго Пугачева вовлекають въ мятежь и самозванство не какіе-либо политическіе идеалы, а

Прыткость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.

„Прыткость“ и „бодрость“ Пугачева дали ему первенствующее положеніе среди бунтовщиковъ, а „хмѣлинушка кабацкая“ не уничтожила въ немъ добрыхъ инстинктовъ.

Первое же появленіе Пугачева въ „Капитанской дочкѣ“ производитъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе, является какъ бы прологомъ къ тѣмъ главамъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о пугачевщинѣ. Изъ мглы и вихря страшнаго бурана, угрожающаго путникамъ гибелью, впервые вырисовывается передъ читателемъ спокойный и смѣлый образъ оборваннаго бродяги, будущаго самозванца.

Сбившійся съ дороги, Пугачевъ сохранялъ полное самообладаніе, несмотря на весь ужасъ своего положенія.

— Дорога-то здѣсь, говоритъ онъ: я стою на твердой полосѣ, да что толку?.. Вишь, какая погода. . Лучше здѣсь остановиться да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ“.

Авось буранъ прояснится. На этомъ *авось* были основаны всѣ надежды Пугачева. Онъ прекрасно зналъ, что буранъ могъ продолжаться цѣлую ночь, и что мителями заноятся цѣлые обозы. Съ расчетомъ на *авось* и съ худенькимъ армякомъ на плечахъ, Пугачевъ, не теряя присутствія духа, спокойно ожидалъ окончанія снѣжной бури. Его хладнокровіе сразу внушило довѣріе Гриневу. Оно и понятно. Пугачевъ былъ одинъ изъ тѣхъ изумительно выносливыхъ и безстрашныхъ людей, вліянію которыхъ невольно подчиняются всѣ окружающіе, особенно въ трудныя, опасныя минуты, когда рѣчь идетъ о жизни и смерти. Нѣкоторые изъ иностранцевъ, имѣвшіе случай наблюдать спокойное мужество нашихъ солдатъ, объясняли его фатализмомъ простыхъ русскихъ людей и тѣмъ, что имъ нечего терять. Пугачевъ, какъ и нѣкоторые другіе герои „Капитанской дочкы“, проявляющіе неустрашимость, любятъ жизнь и едва-ли имѣеть о предопредѣленіи какое-либо понятіе. Его неустрашимость объясняется казацкою натурой, привычкой ко всевозможнымъ невзгодамъ и опасностямъ, находчивостью, и всѣмъ складомъ его ума и характера. То, что Гринева называетъ „хладнокровіемъ вожага“, было однимъ изъ проявленій „прыткости и бод-

рости молодецкой.“ Эта „бодрость“ вытекала у Пугачева не изъ безучастнаго, полусоннаго отношенія къ жизни, а изъ увѣренности въ своихъ силахъ и въ своей находчивости. Пугачевъ умѣлъ находить дорогу по звѣздамъ и чутьемъ угадывалъ, по дуновенію вѣтра и легкаго запаха дыма, гдѣ находится человѣческое жильё... Его смѣтливость, такъ же, какъ и хладнокровіе, съ первыхъ же словъ поражаютъ Гринева — Онъ слѣдуетъ его совѣтамъ и тѣмъ спасаетъ себя отъ роковой развязки.

Человѣкъ, который сохранялъ полное самообладаніе во время бурана, въ минуту страшной опасности, не могъ не выдѣлиться изъ ряда вонъ въ смутное время политическаго и соціальнаго броженія яицкихъ казаковъ и приуральскихъ инородцевъ. Къ подобному же выводу вы придете и при воспоминаніи безподобнаго по колоритности разговора Пугачева съ хозяиномъ умета. Въ этомъ воровскомъ разговорѣ, пересыпанномъ поговорками, остротами и намеками и въ тѣхъ немногихъ иносказательныхъ словахъ, которыми отвѣчаетъ Пугачевъ на вопросъ и жалобы содержателя постоялаго двора, какъ нельзя лучше выражается „приткость и бодрость“ Пугачева. О своихъ скитаніяхъ и неудачахъ онъ упоминаетъ безъ всякаго унынія, съ юморомъ и веселостью человѣка, котораго не могутъ сломить никакія бѣдствія. Съ такою же самоувѣренностью и простотой, съ какими Пугачевъ кладетъ конецъ колебаніямъ Гринева во время бурана и говоритъ ямщику: „ну, слава Богу, жылò недалеко; сворачивай вправо, да повзжай“, — онъ даетъ понять хозяину умета, что казакамъ не слѣдуетъ унывать, и что яицкіе бунтовщики еще дадутъ себя знать правительству.

— Молчи, дядя, будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ.

Кто умѣлъ разговаривать съ простыми людьми такъ, какъ разговаривалъ съ ними пушкнскій Пугачевъ, тотъ не могъ не дѣйствовать магически на ихъ умы.

Пугачевъ Пушкина не злодѣй отъ природы. Это не человѣкъ — звѣрь, не кровопійца по призванію, а смѣтливый, дерзкій и предприимчивый плутъ, умѣющій ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ минуты гнѣва и самозабвенія, а также и подъ пьяную руку, въ разгарѣ грубыхъ жвотныхъ страстей, пушкинскій Пугачевъ способенъ на всякую жестокость, но его суровая душа не чужда и добрыхъ побужденій. А сцена казней? скажутъ намъ. Сцена казней нимало не противорѣчитъ нашимъ словамъ, ибо она отнюдь не свидѣтельствуетъ о кровожадности Пугачева.

Пушкинъ заставляетъ Пугачева произнести три смертныхъ приговора. Каждый изъ нихъ былъ вызванъ чувствомъ самосохраненія чловѣка, рѣшившагося принять имя императора и обреченнаго поэтому поддерживать есть и достоинство не принадлежащаго ему титула. Заранѣе и безповоротно Пугачевъ осуждаетъ на казнь только одного капитана Миронова, какъ коменданта крѣпости, непоколебимая вѣрность котораго Царицѣ и долгу была имъ извѣдана на опытѣ. Пугачевъ казнилъ Ивана Кузьмича для того, чтобы терроризировать оренбургскія владѣнія и поддерживать свой престижъ въ глазахъ своей шайки. Послѣ отвѣта, даннаго Иваномъ Кузьмичемъ на грозный вопросъ самозванца: „Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?“—Пугачевъ рисковалъ бы собственною головою, если бы помпшловалъ своего благороднаго обличителя: это помилованіе было бы равносильно глубокому самоуниженію самозванца. По той же самой причинѣ Пугачевъ дѣлается палачемъ Ивана Игнатьича и Василисы Егоровны: они поставили его въ необходимость или уронить себя въ глазахъ толпы, или совершить дѣло крови. Ивана Игнатьича Пугачевъ, видимо, не хотѣлъ вѣшать, хотя, безъ сомнѣнія, зналъ, что честный поручикъ оставался до конца вѣренъ долгу. „Присягай,“ говоритъ ему Пугачевъ и отдаетъ приказаніе казнить Ивана Игнатьича лишь тогда, когда тотъ называетъ его всенародно воромъ и самозванцемъ.—„Вѣшать его,“ говоритъ Пугачевъ о Гриневѣ, не глядя на него. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по наговору Швабрина, который, вѣроятно, представилъ ему своего соперника самымъ опаснымъ, непримиримымъ врагомъ самозванщины. Пугачевъ, очевидно, опасался, что ему придется получить отъ Гринева такой же отвѣтъ, какой онъ уже получилъ отъ его начальника и отъ его товарища. Вообще, жестокость пушкинскаго Пугачева проявляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится прибѣгать къ ней ради спасенія собственной шкуры и поддержанія дисциплины въ нестройныхъ рядахъ своихъ приверженцевъ.—О казни коменданта и офицеровъ Нижне-Озерной крѣпости въ „Капитанской дочкѣ“ упоминается лишь вскользь; чѣмъ она была вызвана и при какихъ обстоятельствахъ она была совершена,—въ романѣ не говорится. Поэтому она и не объясняетъ ничего въ характерѣ Пугачева. Въ итогѣ у читателя складывается такое впечатлѣніе, что въ разнузданной натурѣ Пугачева, сохранявшаго и въ дни своего владычества замашки бродяги и кабацкаго завсегдатая, не было и тѣни кро-

вожадности. Очевидно, на Пушкина оказали большое влияние тѣ хорошіе отзывы, которыхъ онъ наслушался о Пугачевѣ отъ старыхъ лицкихъ казаковъ во время поѣздки на Уралъ. Не остались, конечно, безъ вліянія на Пушкина и такіе эпизоды, какъ слезы Пугачева о горѣ академика Рычкова, сынъ котораго былъ убитъ мятежниками въ Симбирскѣ, а также христіанское, чисторусское настроеніе Пугачева передъ смертью. Готовясь къ ней, онъ, какъ извѣстно, крестился съ эшафота на московскіе соборы, клалъ по направленію къ нимъ земные поклоны, на всѣ стороны кланялся народу и, прощаясь съ нимъ, говорилъ ему: „прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный!“ Пушкинъ упоминаетъ объ этомъ въ послѣдней главѣ своей „Исторіи“. Не желая идеализировать Пугачева, Пушкинъ началъ одиннадцатую главу, въ которой описывается свиданіе Гринева съ Пугачевымъ въ Бердѣ, эпиграфомъ изъ А. Сумарокова:

Въ ту пору левъ былъ сътъ, хоть средѣ онъ свирѣпъ.

„Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертепъ?“

Спросилъ онъ ласково.

Этимъ эпиграфомъ Пушкинъ какъ бы хотѣлъ дать понять читателю, что Пугачевъ не всегда былъ такимъ, какимъ онъ является въ сценахъ непринужденнаго разговора съ Гриневымъ и заступничества за Марью Ивановну. Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ не считалъ Пугачева дурнымъ отъ природы человекомъ и относился къ нему, подобно Гриневу, съ несомнѣнною симпатіей.

Это чувствуется въ „Капитанской дочкѣ“ на каждомъ шагу. Пугачевъ поражаетъ Гринева при первой же встрѣчѣ. „Наружность его показалась мнѣ замѣчательна,“ говоритъ Гринева: она обличала человека далеко не зауряднаго, но вовсе не изверга. Пушкинъ говоритъ, что черты лица Пугачева, „правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго“. По наружности Пугачевъ былъ лишь большой хитрецъ и проныра. Его выразительные, огненные и ястребиные, глаза такъ и бѣгали и только въ минуты раздраженія сверкали мрачнымъ, злобѣющимъ огнемъ. Когда Пугачевъ былъ въ мирномъ, благодушномъ настроеніи, онъ любилъ и шутить, и острить и могъ cadaго увлечь своимъ заразительнымъ смѣхомъ. „Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально“, рассказываетъ Гринева о своей первой бесѣдѣ съ самозванцемъ съ глазу на глазъ, „изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и

насмѣшливости. Наконецъ, онъ засмѣялся, и съ такою непри-
творною веселостью, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться,
самъ не зная почему.“ Эта сцена какъ нельзя лучше описы-
вается пушкинскаго Пугачева, съ его безпечною веселостью и
склонностью къ чисто-народному юмору. Этотъ юморъ прояв-
ляется у него и въ разговорѣ съ хозяиномъ умета, и въ бесѣ-
дахъ съ Гриневымъ, и въ сценѣ съ Хлопушею и Бѣлородо-
вымъ. Пугачевъ—юмористъ отъ природы и годился бы скорѣе
въ герои веселой комедіи и даже фарса, чѣмъ въ герои тра-
гедіи, и Пушкинъ это не разъ подчеркиваетъ въ своемъ романѣ.

Особенно примиряющее впечатлѣніе производитъ на читателя
чувство благодарности, которое обнаруживаетъ Пугачевъ въ
своихъ отношеніяхъ къ Гриневу. Кто способенъ возвыситься до
нея и проявлять ее на дѣлѣ, тотъ способенъ на все благород-
ное. Благодарность очень рѣдко встрѣчается въ людяхъ, быть
можетъ, рѣже всѣхъ другихъ хорошихъ качествъ. ¹ Она свой-
ственна, по преимуществу, простымъ и непосредственнымъ па-
турамъ, не испорченнымъ ложнымъ образованіемъ. Помня заячій
тулупъ и чарку вина, полученные когда-то на постояломъ дворѣ
отъ Петра Андреича, Пугачевъ оказываетъ ему цѣлый рядъ
услугъ: освобождаетъ его отъ висѣльщицы, отпускаетъ его изъ
плѣна, надѣляетъ его подарками, выручаетъ изъ бѣды его не-
вѣсту и пропускаетъ мимо ушей разныя выходки Савельп-
ча, который при всѣхъ называетъ его сообщниковъ зло-
дѣями (въ сценѣ на площади), величаетъ такъ въ раз-
сѣянности самого Пугачева (въ сценѣ у висѣльщицы) и колеть

¹ Эту мысль выразилъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ „Стихотворе-
ній въ прозѣ“, въ *Пиръ у Верховнаго Существа*.

„Однажды Верховное Существо вздумало задать великій пиръ въ своихъ
лазоревыхъ чертогахъ.

„Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости. Однѣ добродѣтели... муж-
чинъ онъ не приглашалъ... однѣхъ только дамъ.

„Собралось ихъ очень много—великихъ и малыхъ. Малыя добродѣтели
были пріятнѣе и любезнѣе великихъ; но всѣ казались довольнымъ — и
вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ род-
ственникамъ и знакомымъ.

„Но вотъ Верховное существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, ко-
торыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой.

„Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой.

— Благодарѣтельность, сказалъ онъ, указавъ на первую.

— Благодарность, прибавилъ онъ, указавъ на вторую.

„Обѣ добродѣтели несказанно удивились: съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ
сгинулъ, а стояли онъ давно—онѣ встрѣчались въ первый разъ.“

ему глаза „пожалованіемъ“ заячьяго тулуца. Замѣчательна при этомъ еще одна благородная и, по преимуществу, простонародная черта въ характерѣ Пугачева: сохраняя неизмѣнную признательность относительно Гринева, онъ не придаетъ никакаго значенія тому, что самъ спасъ его почти отъ неминуемой гибели во время бурана, и смотритъ на подаренную ему вещь, не какъ на должное вознагражденіе за оказанную услугу, а какъ на щедрый даръ, обязывавшій его къ благодарности. „Вѣкъ не забуду вашихъ милостей“, говорилъ онъ Гриневу, провожая его въ дорогу послѣ бурана. И онъ сдержалъ свое слово, отблагодаривъ сторицею молодаго человѣка за его „добродѣтель“. Оказывая ему пощадку и выражая ему свое расположеніе, Пугачевъ прекрасно зналъ, что имѣетъ дѣло съ дворянномъ и офицеромъ, который стоялъ и будетъ стоять въ рядахъ его враговъ, но онъ умѣлъ понять искренность Гринева и возвышенность тѣхъ побужденій, которыя имъ руководили, и нимало не охладѣлъ къ нему послѣ того, какъ Гриневъ, въ откровенномъ разговорѣ съ глазу на глазъ, отказался признать его Петромъ III и не только не согласился служить ему, но прямо заявилъ, что до конца сохранить вѣрность разъ данной присягѣ. „Такъ и быть, говоритъ Пугачевъ, выслушавъ юношу: казнить, такъ казнить, миловать, такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что хочешь.“ Мелочная обидчивость и мстительность чужды широкой натурѣ Пугачева. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ полную противоположность своему „генералу“ Бѣлгородову и походить на своего другаго содвинника, Хлопушу. Онъ охотно прощаль тѣхъ, кто хитрилъ съ нимъ и обманывалъ его, если убѣждался, что они поступали такъ въ видахъ самосохраненія или съ доброю цѣлью. Такъ, онъ весьма благодушно отнесся къ скрытности Гринева, не предупредившаго его въ Бердѣ, что Марья Ивановна была дочерью капитана Миронова. Увидя въ толпѣ, при отъѣздѣ изъ Бѣлогорской крѣпости, попадью Акулину Панфиловну, выдавшую Марью Ивановну за свою племянницу, онъ ограничился тѣмъ, что погрозилъ ей пальцемъ и значительно подмигнулъ.— Сдѣлавшись самозванцемъ и временнымъ властелиномъ цѣлаго края, пушкипскій Пугачевъ старается поддержать въ занятыхъ имъ крѣпостяхъ и селеніяхъ дисциплину и порядокъ и приходитъ въ неподдѣльное негодованіе, когда узнаетъ о произволѣ и насиліи своихъ ставленниковъ. Выслушавъ жалобу Гринева на Швабрина, принуждавшаго Марью Ивановну выйти

за него замужь, Пугачевъ въ гнѣвѣ, восклицаетъ: „Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту? Будь онъ семи пяденъ во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ.“ „Я проучу Швабрина“, говоритъ онъ далѣе. „Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.“ И Пугачевъ, пожалуй, исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы Швабринъ не умилостивилъ его униженными мольбами о прощаніи.

Вообще, вспыльчивый и самовластный Пугачевъ, лицо котораго принимало грозное выраженіе въ минуты гнѣва, и глаза котораго наводили тогда на всѣхъ ужасъ, былъ весьма склоненъ къ великодушнымъ порывамъ и умѣлъ относиться по-человѣчески къ тѣмъ, кто обращался съ нимъ искренно и довѣрчиво, не пресмыкался и не трусилъ передъ нимъ. Когда Гриневъ ѣхалъ съ Пугачевымъ въ Бѣлогорскую крѣпость выручать Марью Ивановну изъ рукъ Швабрина, онъ съ трепетомъ думалъ о томъ, что станетъ съ ней, если самозванецъ узнаетъ, что она дочь капитана Миронова.

„Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, и волоса становились дыбомъ. говоритъ онъ.

„Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему.—Я офицеръ и дворянинъ: вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастье всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

— Чтò-жь? спросилъ Пугачевъ.—Страшно тебѣ?

„Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты правъ, ей-Богу, правъ“,—сказалъ самозванецъ.

Ему, очевидно, льстило, что Гриневъ смотрѣлъ на него не какъ на пзверга, а какъ на человѣка, не лишеннаго сердца. Ему льстило, можетъ быть, еще и то, что офицеръ и дворянинъ, и притомъ настоящій офицеръ и дворянинъ, а не такой негодай, какъ Швабринъ, говоритъ съ нимъ, бродягой Емелькой,—Емелькой, котораго онъ видѣлъ и зналъ въ годы его скитальческой и бѣдственной жизни,—какъ равный съ равнымъ. Если бы на мѣстѣ Пугачева былъ какой-нибудь Бѣлобородовъ, онъ навѣрное придушилъ бы Гринева, какъ человѣка, хорошо знавшаго, что мншмый императоръ Петръ былъ не кто иной, какъ простой казакъ, шатавшійся нѣкогда по кабакамъ и уметамъ. Но Пугачевъ потому именно и относился столь благодушно къ

Гриневу и Савельичу, что видѣлъ въ нихъ своихъ старыхъ знакомыхъ, напоминавшихъ ему о быломъ. Очевидно, самозванецъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ выскочекъ, которые инстинктивно сторонятся отъ старыхъ друзей, когда оставляютъ ихъ за собою. Любопытно, что Пугачевъ, какъ мы уже замѣтили, не отдѣляетъ въ своихъ симпатіяхъ Савельича отъ Гринева, несмотря на то, что Савельичъ осыпалъ его въ уметѣ и бранью, и упреками.

— А, старый хрычъ! — говоритъ Пугачевъ Савельичу, въ Бердѣ, увидѣвъ его бѣгущимъ навстрѣчу къ кибиткѣ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ“.

Пугачевъ въ глубинѣ души находилъ весьма естественными и протестъ Савельича по поводу заячьяго тулуна, и все его дальнѣйшее поведеніе вплоть до подачи прошенія на площади. Савельичъ съ его безкорыстною преданностью своему господину, видимо, вызывалъ въ Пугачевѣ уваженіе, хотя къ нему и примѣшивалась нѣкоторая доля насмѣшливо-презрительнаго отношенія къ ворчливому и докучливому дядькѣ Петра Андренча.

Исторія ничего не можетъ сообщить намъ о затаенныхъ намереніяхъ Пугачева, объ его надеждахъ и о тѣхъ сокровенныхъ побужденіяхъ, которыя имъ руководили въ его преступной дѣятельности.

— Доселѣ оружіе мое было счастливо, говоритъ онъ Гриневу по пути въ Берду. Дай срокъ, то-ли еще будетъ, когда побѣду на Москву... Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Огреневъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвой“.

Всѣ упованія и планы Пугачева были основаны на этомъ *авось*. Онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что ему удастся добраться до Москвы; онъ зналъ, что его *ребята*—воры, что ему должно держать ухо востро, и что они, при первой же неудачѣ, выеупятъ его шеей свои головы. Но онъ шелъ впередъ въ увѣренности, что ему поздно каяться, и въ надеждѣ, что и ему, чего добраго, суждено „поцарствовать“ надъ Россіей,—*поцарствовать*, а не царствовать. Пугачевъ не мечталъ о прочномъ успѣхѣ своего дѣла. Онъ понималъ, что ему нельзя будетъ долго морочить всю страну, и что онъ долженъ будетъ рано или поздно расплатиться тяжелою цѣной за всѣ свои преступленія. Одна изъ лучшихъ сценъ въ „Капитанской дочкѣ“,—это сцена пугачевской попойки въ Бѣлогорской крѣпости. Въ этой сценѣ Пугачевъ и его „енералы“ поютъ извѣстную разбойничью пѣсню: „Не шуми, мати, зеленая дубравушка“,—пѣсню, взпрающую на

лицу, какъ неизбѣжную развязку „добраго молодца“, который долго воровалъ и „разбой держалъ“, наконецъ, былъ пойманъ и очутился на допросѣ лицомъ къ лицу передъ „грознымъ судьей“, „надѣжою православнымъ царемъ“. „Невозможно рассказать, говорить Гринева: какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ то пѣтлическимъ ужасомъ“. Такой же „пѣтлическій ужасъ“ охватываетъ и читателя, когда онъ доходитъ до сцены, о которой мы говоримъ. Она производитъ истинно трагическое впечатлѣніе,—впечатлѣніе зловѣщаго похороннаго звона, предрѣшающаго участь Пугачева и напоминающаго ему въ минуты торжества и веселья о неизбежномъ концѣ.

Смотря на Гришку Отрепьева и на его шестнадцатилетнее владичество, какъ на свой идеалъ, Пугачевъ нимало не смущался тѣмъ, что Лжедмитрія выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарыли его неплотъ пушку и выпалили изъ нея. Когда Гринева напоминаетъ ему о томъ, Пугачевъ рассказываетъ „съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ“ калмыцкую сказку объ орлѣ и воронѣ. Смыслъ этой сказки сводится къ тому, что лучше разъ напиться живой крови, чѣмъ триста лѣтъ пытаться напалю. Пушкинскій Пугачевъ—поэтъ въ душѣ и облскаетъ свою завѣтную мысль въ поэтическія формы. Онъ хочетъ сказать Гринева своею сказкой-притчею, что лучше хоть недолго пожить въ свое удовольствіе, ни въ чемъ себѣ не отказывая и повелѣвая другимъ, чѣмъ влечь въ теченіе многихъ лѣтъ безвѣстную и трудовую жизнь, исполненную всевозможныхъ лишеній“. Лишь бы хоть „разъ напиться живой кровью“, думалъ Пугачевъ, „а тамъ, что Богъ дастъ“.

Такова, вѣроятно, была и въ дѣйствительности этика Пугачева. Пушкинъ угадалъ ее своимъ гениальнымъ чутьемъ великаго психолога и поэта. Такова этика и всѣхъ людей пугачевского типа, какъ видно хотя бы изъ „Записокъ изъ мертваго дома“, автору которыхъ неоднократно приходилось наблюдать ея проявленіе между ссыльно-каторжными.

Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ историческихъ разсужденій. Пушкинъ не говоритъ въ ней ни о причинахъ быстрого успѣха Пугачева въ началѣ мятежа, ни о причинахъ, вызвавшихъ паденіе самозванца. Но эти причины выясняются изъ романа самъ

собою. Могла ли устоять противъ бунтовщика Бѣлогорская крѣпость, съ ея старенькими инвалидами, съ ея казаками, враждебно настроенными противъ правительства, и со всею ея безтолочью патриархально-бабьяго управленія Василсы Егоровны? Бѣлогорская крѣпость, строго говоря, не была взята Пугачевымъ: она отдалась ему почти безъ всякаго сопротивленія. То же самое было и со всеми другими „фортеціями“ Оренбургскаго края. Разгадка пугачевскихъ побѣдъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ мятежа, заключается прежде всего въ томъ, что онъ не встрѣтилъ, да и не могъ встрѣтить, ни откуда серьезнаго отпора, а между тѣмъ недостатка въ горючемъ матеріалѣ не было, что видно и изъ разговора Пугачева съ хозяиномъ умѣта, и изъ тѣхъ сжатыхъ, но вѣскихъ указаній на политическое настроеніе бѣлогорскихъ казаковъ, которыя разбросаны въ романѣ, въ разныхъ мѣстахъ.—Мы расстаемся съ Пугачевымъ въ „Капитанской дочкѣ“ въ то время, когда онъ переходитъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и затѣмъ встрѣчаемся съ нимъ въ послѣдній разъ уже тогда, когда онъ находится на эшафотѣ; но его печальный конецъ не поражаетъ насъ неожиданностью. Поэтъ незамѣтно подготавливаетъ насъ къ этому концу, ибо въ его описаніи пугачевскихъ триумфовъ уже заключается цѣлый рядъ, съ перваго взгляда мелочныхъ, но важныхъ намековъ на неизбѣжность гибели Пугачева. Въ рядахъ противниковъ мятежа мы видимъ людей высокаго нравственнаго закала (Ивана Кузьмича, Ивана Игнатьича, Гринева и т. д.). Пугачевъ же и его приверженцы живутъ обманомъ, грабежами, и сами не вѣрятъ въ себя и въ свое дѣло. Откровенный разговоръ Пугачева съ Гриневымъ въ кибиткѣ, во время поѣздки въ Бѣлогорскую крѣпость, отношенія самозванца къ господамъ „енераламъ“, сцена попойки, во время которой Пугачевъ и его сподвижники поютъ: „Не шуми, мати зеленая дубровушка“,—все это наводитъ васъ на мысль, что Пугачевъ недолго будетъ гулять на свободѣ, и что его голова рано или поздно очутится на плахѣ. Да и какъ могъ воцариться надъ Россіей тотъ человѣкъ, котораго честные и смѣлые люди, въ родѣ капитана Миронова и неразлучнаго съ нимъ поручика, въ глаза называли воромъ и самозванцемъ? Какъ могъ воцариться надъ Россіей безвѣстный бродяга, съ которымъ какой-нибудь Савельичъ невольно обращался, какъ съ равнымъ себѣ, невольно же называя, въ его присутствіи, пугачевцевъ мошенниками? Прошеніе, поданное Савельичемъ Пугачеву, о разграбленномъ барскомъ добрѣ, заканчивается

такими словами: „еще заячій тулупчикъ, *пожалованный твоей милости* на постояломъ дворѣ, 15 рублей“. Это сочетаніе словъ: *пожалованный* и *твоей милости* по истинѣ неподобно и представляетъ яркій образчикъ пушкинскаго юмора и тонкой пушкинской психологіи. Савельичъ хотѣлъ быть съ Пугачевымъ въ высшей степени почтительнымъ. Онъ обращался къ нему, какъ къ законному государю, и, тѣмъ не менѣе, невольно заговорилъ съ нимъ такимъ тономъ, какимъ можно было говорить развѣ только съ разбойникомъ. Онъ не только напомнилъ ему о заячьемъ тулупѣ, но и далъ понять словомъ *пожалованный*, что Пугачевъ остается въ его глазахъ все тѣмъ же пьяницей оголѣлымъ, какимъ былъ во время встрѣчи на постояломъ дворѣ. А какъ хорошо очерчена Пушкинымъ та невольная дань уваженія, которую оказываетъ Пугачевъ Грпневу, какъ дворянину и офицеру, полу-шутя, полу-серьезно называя его *вашимъ благородіемъ!*

Прекрасно обрисованы въ „Капитанской дочкѣ“, на ряду съ Пугачевымъ, и его два „енерала“ — Хлопуша и Бѣлородовъ. Особенно удался Пушкину Хлопуша. Онъ появляется въ „Капитанской дочкѣ“ всего въ одной сценѣ, да и то мелькомъ, всего съ нѣсколькими словами, но тотъ, кто прочтетъ романъ Пушкина, никогда не забудетъ ея. Хлопуша—типъ древне-русскаго разбойника-богатыря, имѣвшаго своего рода рыцарскіе взгляды на свою профессію.

— Конечно, говоритъ Хлопуша Бѣлородову: и я грѣшенъ; и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротпвника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ“.

Въ этомъ отвѣтѣ сказывается весь Хлопуша, съ его суровою и дикою храбростію, съ его отвращеніемъ къ коварству, наушничеству и къ изворотамъ, и съ его своеобразными понятіями о разбойничьемъ благородствѣ. Пушкинскій Хлопуша ужасенъ. Онъ залитъ кровью своихъ жертвъ, но въ немъ есть, безспорно, и свѣтлыя стороны, которыя его столь выгодно отличаютъ отъ умнаго, но низкаго, лукаваго и мелочно-злornaго Бѣлородова. Хлопуша — одинъ изъ тѣхъ крупныхъ разбойниковъ, страшные подвиги которыхъ переходили въ народѣ изъ устъ въ уста въ теченіе многихъ поколѣній и воспѣвались въ нашихъ разбойничьихъ пѣсняхъ.

Хлопуша, какъ и Пугачевъ, предчувствуетъ неизбежность для себя роковой развязки: онъ плохо вѣрить въ конечное торжество самозванца, и если связалъ съ нимъ свою судьбу, то единственно потому, что думаетъ подобно Пугачеву: „чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ, что Богъ дастъ!“.

— Я тебѣ дамъ, рваныя ноздри! отвѣчаетъ Хлопуша Бѣлобородову на его ворчанье:—погоди! придетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцовъ понюхаешь“.

Вотъ какъ рассказываютъ пугачевскіе „енералы“ въ присутствіи своего атамана! Одна эта сцена объясняетъ лучше всякихъ разсужденій, почему Пугачевъ не могъ достигнуть даже того, чего достигъ его кумиръ Гришка Отрепьевъ. ¹

Швабринъ считается обыкновенно неудавшимся Пушкину лицомъ. Князь Одоевскій отказывался понимать его; Бѣлинскій называлъ его мелодраматическимъ героемъ. А между тѣмъ Швабринъ, и какъ типъ, и какъ характеръ, обрисованъ въ „Капитанской дочкѣ“ съ такимъ же изумительнымъ мастерствомъ, какъ Гриневы, Мироновы, Пугачевъ и т. д. Это въ полномъ смыслѣ слова живой человѣкъ, и всѣ недоразумѣнія по поводу его объясняются исключительно тѣмъ, что Пушкинъ, слѣдуя усвоенному имъ въ „Капитанской дочкѣ“ лаконизму изложенія, не подсказываетъ читателю, какими побужденіями руководствуется Швабринъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей жизни. Обязанность критики заключается въ томъ, чтобы выяснитъ эти побужденія и тѣмъ самымъ положить конецъ неправильному, но, къ сожалѣнію, весьма распространенному у насъ взгляду на Швабринна.

¹ Хлопуша и Бѣлобородовъ, какъ извѣстно, не вымышленные, а историческія лица, и Пушкинъ неоднократно упоминаетъ о нихъ въ своей „Истории“, какъ о ближайшихъ сообщникахъ и помощникахъ Пугачева. Въ третьей главѣ онъ говоритъ: „Отставной артиллерійскій капранъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностью самозванца. Онъ виѣсть съ Падуровымъ, завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Разбойникъ Хлопуша изъ подъ влута, клейменный рукой палача, съ поздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдись своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза. Вотъ какіе люди колебали государствомъ!“ Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ называетъ Хлопушу *смытлымъ*, а въ другомъ *слабымъ* ваторжникомъ.

Между мелодраматическими героями и Швабриным нѣтъ ничего общаго. Если причислить къ нимъ Швабрину, то его нужно будетъ отнести къ категоріи такъ называемыхъ злодѣевъ. Такого мнѣнія, очевидно, былъ и Бѣлинскій. Но развѣ Швабринъ похожъ на традиціонныхъ злодѣевъ Западно-европейской сцены, которые дышатъ преступленіями и налву и во снѣ грезятъ о томъ, чтобы кого нибудь отравить, задушить, погубить и т. д. Швабринъ не та или другая ходячая страсть, не тотъ или другой ходячій порокъ, а сложный характеръ и существо въ полномъ смыслѣ слова живое, носящее къ тому же черты той эпохи, которая воспроизведена въ „Капитанской дочкѣ“.

Швабринъ молодецъ, „хорошей фамиліи и имѣетъ состояніе“. Онъ говоритъ по-французски, знакомъ съ французскою литературой и, повидимому, получилъ, по своему времени, недурное образованіе. Онъ называетъ Третьяковскаго своимъ учителемъ и, обладая литературнымъ вкусомъ и нѣкоторою литературною подготовкой, подсмѣивается надъ его любовными куплетами. Онъ служилъ въ гвардіи, въ Бѣлогорскую же крѣпость попалъ за пять лѣтъ до появленія въ ней Гринева. Его перевели сюда за убійство какого-то офицера на дуэли. Швабринъ ничего не говоритъ о своихъ религіозныхъ, философскихъ и политическихъ воззрѣніяхъ, но о нихъ можно судить по его поступкамъ и нѣкоторымъ намекамъ, разбросаннымъ въ романѣ. Швабринъ принадлежалъ, очевидно, къ нашимъ вольнодумцамъ прошлаго столѣтія, которые, подъ вліяніемъ Вольтера, французскихъ энциклопедистовъ и общаго духа времени, усвоили себѣ отрицательное отношеніе къ Цѣркви и ко всему русскому, смотрѣли на требованіе долга и нравственности, какъ на предразсудки, и, вообще, придерживались грубо матеріалистическихъ воззрѣній. „Онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ“, съ ужасомъ говоритъ про Швабрину Васильи́са Егоровна (въ четвертой главѣ), и уже это одно не могло не оттолкнуть отъ него Марьи Ивановны, которой онъ дѣлалъ предложеніе за годъ до пріѣзда Гринева въ Бѣлогорскую крѣпость.

„Швабринъ былъ очень неглупъ, говоритъ Гринева: разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ“. Имѣя общительный характеръ и привыкнувъ въ Петербургѣ вращаться въ большемъ свѣтѣ, онъ крайне тяготился пребываніемъ въ той глуши, куда его закинула судьба, свысока посматривалъ на людей, которыми былъ окруженъ, и неподдѣльно обрадовался пріѣзду Гринева, ибо думалъ найти въ немъ сколько-нибудь подходящаго

собесѣдника и товарища. Онъ съ перваго же раза обворожилъ неопытнаго юношу своею живостью, своимъ умѣньемъ говорить и представлять другихъ въ каррикатурномъ видѣ. Гриневъ лишь въ послѣдствіи понялъ, что подъ веселостью Швабрина скрывалось недоброе чувство. Швабринъ не щадилъ даже такихъ безобидныхъ людей, какъ старикъ Мироновъ и Иванъ Игнатьичъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что онъ былъ истинно наблюдателемъ и хорошо зналъ человѣческое сердце. Онъ былъ насмѣшливъ, и только. Умъ Швабрина былъ неглубокій, поверхностный умъ, лишенный той тонкости и глубины, безъ которыхъ не можетъ быть ни дальновидности, ни вѣрной оцѣнки своихъ и чужихъ дѣйствій и намѣреній. Правда, Швабринъ былъ хитеръ, проницателенъ и интересенъ, какъ собесѣдникъ, но если бы съ нимъ встрѣтился Печоринъ, онъ смѣло могъ бы сказать объ его умѣ то, что говорить въ „Княжнѣ Мери“ объ умѣ Грушницкаго: Швабринъ, какъ и Грушницкій, былъ „довольно остеръ“; его выдумки и остроты бывали часто забавны, но никогда не бывали мѣтки и злы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ порождала самая неподдѣльная злость: онъ никого не могъ убить однимъ словомъ, ибо не зналъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, занимаясь цѣлую жизнь однимъ собой. Швабринъ могъ сочинить, будто Иванъ Игнатьичъ находится въ связи съ Василисой Егоровной и будто Марья Ивановна торгуетъ своими ласками; но онъ, несмотря на все свое коварство, не умѣлъ пользоваться людьми, какъ орудіями своихъ цѣлей, не умѣлъ подчинять ихъ своему вліянію, несмотря на то, то страстно желалъ этого; онъ не умѣлъ даже искусно носить надѣтую на себя личину и быть въ глазахъ другихъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться. Вотъ почему онъ и попадалъ постоянно въ раскидываемыя имъ для другихъ сѣти и никого не ввелъ въ заблужденіе относительно своей особы, кромѣ неопытнаго и довѣрчиваго Петра Андреича. Не только Марья Ивановна, но даже Василиса Егоровна и Иванъ Игнатьичъ нимало не сомнѣлись въ томъ, что Швабринъ дурной человѣкъ. Швабринъ чувствовалъ это и мстилъ имъ злорѣчіемъ. Объ отношеніяхъ его къ Пугачеву можно сказать то самое, что говоритъ Пушкинъ о Шванвичѣ: „Онъ имѣлъ малодушіе пристать къ самозванцу и глупость служить ему со всѣмъ усердіемъ“. Это тоже даетъ не особенно выгодное понятіе о дальновидности и проицательности Швабрина.

Швабринъ принадлежитъ къ той же категоріи людей, къ которой принадлежатъ шекспировскій Яго и Рашлей Вальтеръ-Скотта (изъ романа „Робъ-Рой“). Онъ плаваешь мельче ихъ, но онъ такъ же бездушенъ и безнравственъ, какъ они. Сильно развитое самолюбіе, страшная мстительность, привычка ходить окольными путями и совершенная неразборчивость въ средствахъ составляютъ главныя черты его характера. Онъ живо чувствовалъ горечь каждой нанесенной ему обиды и не прощалъ своихъ враговъ. Иногда онъ надѣвалъ на себя маску великодушія и искренности для того, чтобы усыпить ихъ бдительность, но онъ никогда не могъ примириться съ тѣми, кого разъ намѣчалъ въ свои жертвы. Двоедушіе и притворство ни на минуту не покидали Швабрину. Послѣ дуэли съ Гриневымъ онъ приходитъ къ нему, просить у него извиненія и сознается, что самъ кругомъ былъ виноватъ, но въ же время пишетъ старому Гриневу письмо, въ которомъ, конечно, не пощадилъ ни Петра Андреевича, ни Марьи Ивановны и если бы не пугачевскій приступъ, достигъ бы своей цѣли—перевода молодаго Гринева изъ Бѣлогорской крѣпости въ какую-нибудь другую „фортецію“. Добываясь руки Марьи Ивановны, Швабринъ чернитъ молодую дѣвушку, чтобы уронить ее въ глазахъ Гринева, и, такимъ образомъ, отвлечь ихъ другъ отъ друга. Онъ и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ самому себѣ. Излюбленными средствами его петригъ были ложь, клевета, наушничество и доносы. Онъ прибѣгалъ къ нимъ въ сношеніяхъ и съ Пугачевымъ, и съ старикомъ Гриневымъ, и въ Слѣдственной Коммисіи.

Нервный, назойливый, юркій, безпокойный и насмѣшливый Швабринъ, совершенно чуждый искренности и доброты, не могъ не имѣть столкновеній съ близкими ему людьми. О первой его, петербургской дуэли въ „Капитанской дочкѣ“ не сообщается никакихъ подробностей, зато намъ прекрасно извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ произошла дуэль пзъ-за Марьи Ивановны. Швабринъ не былъ бреттеромъ печоринскаго типа. Онъ не искалъ опасностей и боялся ихъ. Правда, онъ не прочь былъ разыграть роль храбреца, но только тогда, если этого можно было достигнуть, не ставя на карту своей жизни. Это видно изъ его столкновенія съ Гриневымъ. Издѣвался въ присутствіи Гринева надъ Марьей Ивановной, Швабринъ, очевидно, не думалъ, что его молодой товарищъ, котораго онъ считалъ мальчишкой, приметъ такъ близко къ сердцу его слова и отвѣтитъ ему рѣзкимъ оскорбленіемъ. Швабринъ вызываетъ Гринева на дуэль, увле-

касомый минутною вспышкой и давно назрѣвшимъ въ немъ чувствомъ зависти и ненависти. Сдѣлавъ вызовъ Гриневу, онъ не ищутъ секундантовъ. „Зачѣмъ намъ они?“ говоритъ онъ Гриневу, узнавъ объ его разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ, наотрѣвъ отказавшимся „быть свидѣтелемъ поединка.“

— „И безъ нихъ обойдемся.“ Дѣло въ томъ, что Швабринъ былъ искуснѣе Гринева въ фехтованіи, смотрѣлъ на него, какъ на неопаснаго противника, и, вызывая его на дуэль, былъ увѣренъ, что играетъ навѣрняка. Готовясь покончить съ Гриневымъ, Швабринъ вовсе не намѣренъ былъ биться съ нимъ по-рыцарски и ужь, конечно, заранѣе готовился не упустить случая нанести ему предательскій ударъ (вѣдь не побрезгалъ же онъ сдѣлать это въ то время, когда Гринева услышалъ свое имя, произнесенное Савельичемъ, и оглянулся назадъ). Вотъ разгадка, почему Швабринъ не искалъ секундантовъ. Они только мѣшали бы ему.

Швабринъ былъ трусъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ боялся смерти и неспособенъ былъ жертвовать жизнью во имя долга и чести. „Какъ ты думаешь, чѣмъ это все кончится?“ спрашиваетъ его Гринева, послѣ перваго совѣщанія у Ивана Игнатьича по поводу Пугачева.

— Богъ, знаетъ, отвѣчалъ Швабринъ:— посмотримъ. Важнаго, покажѣтъ, еще ничего не вижу. Если же...

Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ насвистывать французскую арію.

„Если же“ Швабринъ зналъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ идти на висѣлицу, и что онъ перейдетъ на сторону Пугачева, если самозванецъ, дѣйствительно, такъ силенъ, какъ говорятъ. Мысль объ измѣнѣ явилась у Швабринъ при первомъ же намекѣ на опасность и окончательно созрѣла къ тому времени, когда пугачевцы показали около Вѣлгорской крѣпости. Онъ не послѣдовалъ за капитаномъ Мироновымъ, Иваномъ Игнатьичемъ и Гриневымъ, когда тѣ бросились на вылазку, а примкнулъ къ казакамъ, передавшимъ Пугачеву. Все это можно было бы объяснить политическою безпринципностью Швабринъ и тою легкостью, съ которою онъ привыкъ играть присягой, какъ невѣрующій человѣкъ. Послѣдующее поведеніе Швабринъ показываетъ, однако, что, измѣняя Императрицѣ, онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ трусости. Когда Пугачевъ пріѣзжаетъ въ Вѣлгорскую крѣпость, вмѣстѣ съ Гриневымъ, Швабринъ, замѣтивъ, что самозванецъ недоволенъ

имъ, дрожить, блѣднѣть и положительно теряетъ присутствіе духа. Когда Пугачевъ узнаетъ, что Марья Ивановна не жена Швабрина и грозно говоритъ ему: „И ты смѣлъ меня обманывать! Знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?“—Швабринъ падаетъ на колѣни и тѣмъ вымаливаетъ себѣ прощеніе. Въ Слѣдственной Коммиссіи, когда Швабрину не грозитъ немедленная кровавая расправа, и когда онъ уже свыкъся съ положеніемъ уличеннаго преступника, у него хватаетъ духа давать свои показанія противъ Гринева „смѣлымъ голосомъ“: Гринева ему нечего было бояться. Какъ держалъ себя Швабринъ предъ судьями въ первое время? Надо думать, что онъ валялся и въ ихъ ногахъ. Очень можетъ быть, что онъ униженно просилъ бы прощенія и у Гринева во время дуэли, еслибъ серьезно опасался за свою жизнь.

Любилъ ли Швабринъ Марью Ивановну? Да, насколько могутъ любить себялюбивые и низкіе люди. Какъ человѣкъ неглупый, онъ не могъ не понять и не оцѣнить ея высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Онъ зналъ, что Марья Ивановна будетъ образцовою женой, что она скраситъ жизнь того, кого избересть своимъ мужемъ, и ему, какъ человѣку самолюбивому, было бы пріятно подчинить чудную дѣвушку своему вліянію. Когда его предложеніе не было принято, и когда онъ замѣтилъ, что Марья Ивановна предпочитаетъ ему Гринева, онъ счелъ себя глубоко оскорбленнымъ. Съ того времени къ чувству любви у него примѣшпвается затаенное чувство ненависти и мести, и это выражается въ той клеветѣ, которую онъ вздумалъ распространять про нее. Понося Марью Ивановну передъ Гриневымъ, Швабринъ не только дѣйствовалъ своимъ орудіемъ противъ зарождавшейся привязанности молодыхъ людей, но и мстилъ отвергнувшей его дѣвушкѣ,—вражду злословіемъ охлаждая.

Сдѣлавшись комендантомъ Бѣлогорской крѣпости, Швабринъ пытается принудить Марью Ивановну угрозами выйти за него замужъ. Это ему не удается. Князь Одоевскій недоумѣвалъ, почему Швабринъ не воспользовался тѣми минутами, когда Марья Ивановна была въ его власти, т. е. почему онъ не удовлетворилъ своей страсти путемъ насилія или не заставилъ отца Герасима перевѣнчать его съ бѣдною сиротой противъ ея воли. Да потому, что Швабринъ не Пугачевъ и не Хлопуша: въ его отношеніяхъ къ Марьѣ Ивановнѣ грубая чувственность не играла большой роли. Къ тому же Швабринъ не былъ человѣкомъ, у котораго кровь можетъ отуманить разумъ. Онъ зналъ, нако-

нецъ, что Марья Ивановна не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ можно силой выдать замужъ, и что отецъ Герасимъ не согласился бы совершить тайнство брака надъ дочерью своего стараго друга, вопреки ея желанію. Швабрину хотѣлось, чтобы Марья Ивановна сдѣлалась его женой, а не наложницей, ибо онъ все-таки продолжалъ ее любить, ревновать, и страдалъ при мысли о томъ, что она относится къ нему съ отвращеніемъ. Стараясь побѣдить ея упорство, онъ пускалъ въ ходъ тѣ средства, которыя наиболѣе соответствовали его характеру: застращиванье доносомъ, всяческія притѣсненія и угрозы и, вообще, своего рода нравственныя и физическія пытки.

Клевеща на Гринева передъ Слѣдственной Коммиссіей, Швабринъ ни слова не говоритъ о Марьѣ Ивановнѣ. Почему это? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Гриневъ замѣчаетъ: „Оттого ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ; оттого ли, что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства, которое меня заставляло молчать,—какъ бы то ни было, имя дочери Бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи Коммиссіи!“ Слова Гринева прекрасно разъясняютъ, какія побужденія руководили въ данномъ случаѣ Швабринымъ. Онъ чувствовалъ всю горечь обиды, заключавшейся въ отказъ Марьи Ивановны быть его женой, онъ испытывалъ муки ревности и зависть къ своему сопернику; но онъ все-таки продолжалъ любить Марью Ивановну, чувствовалъ себя передъ нею виноватымъ и не хотѣлъ вцутать ее въ политическую уголовщину, подвергнувъ всѣмъ послѣдствіямъ близкаго знакомства съ суровою Ѳемидой временъ Шпшковского. Любовь къ Марьѣ Ивановнѣ даже на Швабрину дѣйствовала облагораживающимъ образомъ. Можно, впрочемъ, допустить еще и другую разгадку поведения Швабринна въ Слѣдственной Коммиссіи относительно дочери капитана Миронова, — разгадку, которую упускаетъ изъ виду Петръ Андреевичъ Гриневъ, всегда нѣсколько идеализировавшій своего соперника и врага. Швабрину было просто невыгодно привлекать къ дѣлу Марью Ивановну, ибо она могла показать многое не въ его пользу и легко разоблачить его ложь и клевету; Швабринъ, конечно, твердо помнилъ это на очнаго ставкѣ съ Гриневымъ.

Итакъ, что же такое Швабринъ? Это не мелодраматическій злодѣй; это живой, остроумный, неглупый, самолюбивый, завистливый, мстительный, хитрый, низкій и трусливый, глубоко испорченный эгоистъ, насмѣшливый и наглый съ тѣми, кого онъ

не боится, подобострасно угодливый съ тѣми, кто внушаетъ ему страхъ. Подобно Швалвичу, онъ всегда готовъ былъ предпочесть позорную жизнь честной смерти. Подъ вліяніемъ злобы и чувства самосохраненія онъ способенъ на всякую низость. По поводу его измѣны вѣрноподданническому и служебному долгу можно сказать то, что говоритъ Екатерина II о Гриневѣ: „Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй“. Для Швабринна нѣтъ ничего святаго, и онъ ни передъ чѣмъ не останавливался для достиженія своихъ цѣлей. Въ дополненіи къ тринадцатой главѣ „Капитанской дочки“ говорится, что Швабринъ не дозволилъ разграбить домъ Гриневыхъ, „сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія“. Оно и понятно. Швабринъ получилъ барское и до извѣстной степени утонченное воспитаніе; поэтому многое изъ того, что казалось весьма естественнымъ какому-нибудь полудикарю изъ бѣглыхъ каторжниковъ, внушало ему чувство брезгливости. Это не значить, однако, чтобы онъ былъ выше Пугачева или Хлопуши. Въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ неизмѣримо ниже ихъ. У него не было тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыя были у нихъ, и если онъ гнушался нѣкоторыми изъ ихъ подвиговъ, то лишь потому, что былъ цивилизованнѣе и изиѣженнѣе ихъ. Они бросались на враговъ, какъ львы и тигры, и съ бою брали добычу, онъ же подкрадывался къ своимъ жертвамъ, какъ лисица, и, какъ змѣя, жалилъ ихъ въ то время, когда они всего меньше этого ожидали. Онъ съ брезгливостью относился къ грабегамъ и разбоямъ, но онъ, не задумываясь, наносилъ своимъ недругамъ предательскіе удары и съ легкимъ сердцемъ пустилъ бы ихъ по міру при помощи подлоговъ и всякихъ неправдъ, еслибъ ему захотѣлось овладѣть ихъ богатствами. Швабринъ не былъ ни Ричардомъ III, ни Францемъ Мооромъ, но онъ былъ бы совершенно подходящимъ человѣкомъ для свиты Цезаря Борджиа. У него не могло быть ни друзей, ни беззавѣтныхъ привязанностей, ибо онъ искренно любилъ только самого себя и былъ совершенно неспособенъ къ самопожертвованію. Онъ не былъ извергомъ по призванію, но онъ не умѣлъ сильно любить и умѣлъ сильно ненавидѣть. Пушкинъ не спрага надѣлилъ Швабринна некрасивымъ лицомъ: какъ человѣкъ, склонный властвовать надъ другими и, вѣроятно, далеко неравнодушный къ впечатлѣнію, которое онъ производилъ на женщинъ, Швабринъ, нужно думать, проклиналъ свою злосчастную

внѣшность, перенесъ благодаря ей немало уколовъ для своего самолюбія и ужь, конечно, не прощаль тѣхъ, кто угадывалъ по его лицу его душу.

Въ Швабринѣ нѣтъ ничего русскаго: все русское вытравлено въ немъ его воспитаніемъ, но онъ былъ все-таки русскій выродокъ,—типъ, который могъ возникнуть только на русской почвѣ подѣ вліяніемъ XVIII вѣка и его особенностей. Презирая вѣру своихъ дѣдовъ и отцовъ, Швабринъ презиралъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятія о чести и долгѣ, которыми руководятся оба Гриневы. Отечество, присяга и т. д. — все это для Швабрина слова, лишенные всякаго смысла. Швабринъ, какъ бытовое явленіе, принадлежитъ къ тому же самому типу, къ какому относится фон-визинская карриатура на нашихъ юныхъ западниковъ XVIII столѣтія—Иванушка въ „Бригадирѣ“. Швабринъ умѣе Иванушки; къ тому же въ немъ нѣтъ ни одной комичной черты. Иванушка можетъ возбуждать только смѣхъ и презрѣніе; Швабринъ же совсѣмъ не годится въ герои веселой комедіи. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки имѣетъ много общаго съ бригадирскимъ сыномъ, какъ порожденіе одного и того-же духа времени.

У Швабрина есть черты, общія съ Раплеемъ, однимъ изъ главныхъ героевъ романа Вальтеръ-Скотта „Робъ-Рой“. Говоря объ этомъ романѣ, Пушкинъ, по словамъ Смирновой (Записки, I, 167) воскликнулъ: „А Раплей, что за типъ!“ Очень можетъ быть, что Раплей далъ Пушкину толчекъ къ созданію Швабрина. На эту мысль наводятъ, между прочимъ, дуэль Раплея съ Францисомъ Осбальдистономъ и его отношенія къ миссъ Вернонъ. Въ этой дуэли и въ этихъ отношеніяхъ есть кое-что общее съ дуэлью Швабрина съ Гриневымъ и съ его отношеніями къ Марьѣ Ивановнѣ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы Швабринъ былъ копіей съ Раплея, хотя они оба составляютъ разновидности одного и того-же типа. Швабринъ былъ созданъ Пушкинымъ вполне самостоятельно и столь-же мало похожъ на двойника Раплея, какъ Робъ-Рой на Пугачева.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Екатерина II.—Андрей Карловичъ Рейнсдорпъ.—Цванъ Пвановичъ
Зуринъ.—Вахмистръ.

Намъ не разъ приходилось слышать, что Пушкинъ сильно польстилъ Екатеринѣ II въ „Капитанской дочкѣ“, и что онъ отгѣнилъ только свѣтлыя стороны ея характера. Изъ этого дѣлалось заключеніе о художественной неискренности великаго

поэта и объ его склонности ступшевывать недостатки сильныхъ міра сего.

Нужно ли доказывать, что пылкій, благородный и смѣлый Пушкинъ былъ совершенно чуждъ какихъ-бы то ни было недостойныхъ побужденій, что, воспроизводя нашу старину, онъ слѣдовалъ единственно указаніямъ своего генія?

Екатерина II обрисована въ „Капитанской дочкѣ“ немногими, но дивными штрихами. Пушкинъ былъ далекъ отъ мысли обнажить передъ нами всю душу знаменитой государыни: это не входило, да и не могло войти въ программу „Капитанской дочки“. Пушкинъ хотѣлъ только показать, какое впечатлѣніе производила Екатерина II на современниковъ, стоявшихъ отъ нея на приличномъ отдаленіи, чѣмъ она хотѣла казаться, и чѣмъ она дѣйствительно бывала въ лучшіе минуты своей жизни, когда она имѣла возможность выказывать во всемъ блескъ и свой возвышенный умъ, и свою пронизательность, и свой таесть, и всю прелесть своего обращенія, столь обаятельно дѣйствовавшего на тѣхъ, кого императрица хотѣла подчинить своему вліянію.

Въ обѣихъ сценахъ съ Марьей Ивановной Екатерина II привлекаетъ своимъ царственнымъ величіемъ, своею отзывчивостью въ чужому горю, своею царственною щедростью и своею доступностью. Она неподобно разыгрываетъ роль Гаруна-аль-Рашида Царскаго Села и добраго генія дочери капитана Миронова. Наружность Екатерины, общій тонъ ея разговора и всѣ внѣшніе приемы ея воспроизведены Пушкинымъ съ удивительною пластичностью и съ безукоризненною историческою правдой. Но онъ при этомъ не упустилъ изъ виду и суровыхъ, жесткихъ, мужскихъ чертъ характера императрицы. Говоря это, мы имѣемъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ XIV главы „Капитанской дочки“:

„Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

„Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось, — и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

— „Вы просите за Гринева? — сказала дама съ холоднымъ видомъ. Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легговѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй“.

Вотъ какъ заговорила Екатерина II съ бѣдною сиротой, какъ только заподозрила въ юношѣ, за котораго просила Марью Ивановна, своего врага! А между тѣмъ она понимала, что этотъ юноша близокъ и дорогъ ни въ чемъ невинной дѣвушкѣ. Пушкинъ хотѣлъ дать понять, что Екатерина II была прежде всего государственнымъ человѣкомъ и тонкимъ политикомъ, и что бывали случаи, когда ея обаятельная наружность могла наводить ужасъ и отчаяніе, и когда ея рѣчь принимала грубый и рѣзкій отгѣнокъ.

Какимъ контрастомъ съ только что приведенными словами Екатерины II звучатъ тѣ слова, съ которыми она обращается къ Марьѣ Ивановнѣ во дворцѣ! „Я рада, что могла сдержать данное вамъ слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое потрудитесь сами отвести къ вашему будущему свекру“. Вся эта аффектація изысканной вѣжливости, не лишенная высокомернаго и покровительственнаго тона, неподобно дополняетъ мастерски набросанный Пушкинымъ образъ гениальной государыни, и вы чувствуете, что она, эта самая умная и холодная женщина, за часъ до того такъ безжалостно оборвавшая Марью Ивановну, должна была говорить съ нею этимъ самымъ языкомъ, когда убѣдилась, что Гриневъ не нарушилъ данной имъ присяги.

Тѣ немногія строки, которыя посвятилъ Пушкинъ Екатеринѣ II, даютъ о ней такое ясное представленіе, какое вы едва ли вынесете изъ большихъ монографій, посвященныхъ ей, ея жизни и дѣятельности. Эти строки по истинѣ можно назвать нерукотворнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ Екатеринѣ II великимъ поэтомъ русской земли.

Оренбургскій губернаторъ Андрей Карловичъ Рейнсдорпъ—одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ такъ много появилось въ Россіи со временъ Петра Великаго и особенно Анны Иоанновны. Пушкинъ, какъ историкъ, пугачевскаго бунта, относился къ Рейнсдорпу весьма неблагоклонно и, какъ мы уже имѣли случай говорить, возлагалъ на него нравственную отвѣтственность за то, что мятежъ не былъ подавленъ въ самомъ началѣ.

„Всѣ нѣмцы, находившіеся въ среднихъ чинахъ,—читаемъ въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи пугачевскаго бунта“,—сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Диць, Деморинъ, Дуве etc. etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ,

дѣйствовали слабо, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Каръ, Фреймантъ, Корфъ, Валленштернъ, Вилловъ, Декалонгъ etc. etc.“.

Несмотря на такое мнѣніе о Рейнсдорпѣ, Пушкинъ отнесся къ нему въ „Капитанской дочкѣ“ безъ всякаго предубѣжденія и вывелъ въ его лицѣ чрезвычайно типичнаго нѣмца, представляющаго, въ качествѣ носителя и проводника западно-европейской цивилизаціи на восточной окраинѣ Россіи, неподобный контрастъ съ Бопре. Рейнсдорпъ — совершенная противоположность безпутному французу. Разсчитливый и даже скуповатый, невозмутимо спокойный, добродушный, самодовольный, исполнительный, точный и нѣсколько педантичный, пушкинскій Рейнсдорпъ можетъ быть названъ олицетвореніемъ нѣмецкой умѣренности и аккуратности. Онъ дѣйствуетъ во время мятежа „слабо и безъ усердія“ не потому, что нерадиво относится къ своимъ обязанностямъ, а потому, что чуждъ всякой инициативы и неспособенъ возвыситься до уровня выпавшей на его долю задачи. Въ то время когда весь край претерпѣваетъ всѣ ужасы возстанія, Рейнсдорпъ продолжаетъ вести свой методическій образъ жизни — ухаживать за своими яблонями, съ утра до вечера курить свою пенковую трубочку и разрѣшать всѣ свои недоумѣнія книжными разсужденіями о наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствіяхъ, о значеніи коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и т. д. Не только Пугачевъ, но даже свѣтопреставленіе не могло бы вывести Рейнсдорпа изъ его всегда ровнаго состоянія духа. Онъ не умѣетъ волноваться и создалъ себѣ нравственный комфортъ, котораго никто не могъ поколебать. Онъ до такой степени втянулся въ свою разъ заведенную жизнь, что у него и военные совѣты принимали форму обыкновеннаго чаепитія. Даже новыя вѣсти о пугачевскихъ казняхъ и пугачевскихъ успѣхахъ не могутъ отвлечь Рейнсдорпа отъ его всегдашнихъ занятій и разъ усвоенныхъ привычекъ. Слушая разсказъ о взятіи Бѣлогорской крѣпости, онъ продолжаетъ срѣзывать сухія вѣтви съ плодовыхъ деревьевъ, а узнавъ о страшной смерти Ивана Кузьмича, его жены и Ивана Игнатьича, простодушно замѣчаетъ: „Бѣдный Мионовъ! жаль его: хорошій былъ офицеръ; и мадамъ Мионовъ была добрая дама, и какая майстерица грибы солить!“ Героизмъ доблестныхъ защитниковъ Бѣлогорской крѣпости и ихъ трагическая кончина, а также трагическая кончина Василісы Егоровны, видимо, мало поразили Рейнсдорпа и ужъ, во всякомъ случаѣ, не разсѣяли его обычной флегмы. Ему было, конечно, жаль Мионовыхъ, но онъ

тутъ же вспомнилъ о соленыхъ грибахъ Василисы Егоровны, которыми она, вѣроятно, всегда снабжала его, какъ добраго начальника и стараго холостяка, не имѣвшаго возможности обзаводиться на зиму собственными припасами. Всѣ сцены, въ которыхъ является Рейндорфъ, насъвозъ пронизаны тонкимъ юморомъ, особенно сцена военнаго совѣта. На этомъ совѣтѣ Рейндорфъ отъ начала до конца остается вѣренъ себѣ; онъ угощаетъ гг. чиновниковъ чаемъ, затѣмъ, ясно и пространно, какъ и подобаешь добросовѣстному нѣмцу, излагаетъ обстоятельства дѣла и, наконецъ, ставить вопросъ: „какъ дѣйствовать противъ мятежниковъ: наступательно или оборонительно?“ Смѣлое мнѣніе Гринева онъ выслушиваетъ съ улыбкой; предложеніе о „подъупательныхъ движеніяхъ“ Рейндорфъ, не сразу раскусившій соль остроты коллежскаго совѣтника, встрѣчаетъ добродушнымъ смѣхомъ и, наконецъ, отобравъ голоса, произноситъ свою прелестную по колоритности рѣчь о системѣ борьбы съ Пугачевымъ. Приступая къ произнесенію рѣчи, Рейндорфъ прежде всего вытряхиваетъ пепель изъ трубки, потомъ, закончивъ вступленіе, набиваетъ трубку, объявляя же свое рѣшеніе, выпускаетъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыма. Эта сцена даетъ ясное понятіе о Рейндорфѣ. Онъ былъ на своемъ мѣстѣ, когда все обстояло благополучно, но онъ совершенно не годился въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались рѣшительность, энергія и готовность брать на себя отвѣтственность за смѣлыя предпріятія. Въ качествѣ начальника края, охваченнаго мятежемъ, Рейндорфъ „Капитанской дочки“ производитъ комичное впечатлѣніе. Несмотря на то, онъ все-таки внушаетъ къ себѣ уваженіе и имѣетъ много привлекательнаго. Онъ честенъ, неглупъ, дѣятеленъ, трудолюбивъ, простъ въ обращеніи, не способенъ ни на какую подлость, пронизанъ сознаніемъ своего служебнаго долга, какъ онъ его понимаетъ. Если бы Рейндорфъ попался въ руки Пугачева, то, вѣроятно, и онъ умеръ бы такою же прекрасною смертью, какъ Иванъ Кузьмичъ и Иванъ Игнатьичъ. „Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который, наперекоръ своимъ убѣжденіямъ, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ“, говоритъ Гриневъ, заканчивая описаніе Оренбургскаго военнаго совѣта,—и Рейндорфъ во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительно, почтенный человекъ. Такъ на него смотрѣлъ и поэтъ, и это чувствуется въ томъ благодушномъ юморѣ, съ какимъ онъ обрисовываетъ стараго генерала-нѣмца, столь хорошо

сохранившагося до глубокой старости и умѣвшаго, довольствуясь малымъ, находить отраду и полное удовлетвореніе въ занятіяхъ садоводствомъ даже въ бурные дни пугачевского бунта. Онъ былъ вполне подходящимъ начальникомъ для того края, который защищали такія „фортеці“, какъ Бѣлогорская крѣпость. Познакомивъ насъ съ Рейнсдорпомъ, поэтъ тѣмъ самымъ выяснилъ одну изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ успѣхамъ самозванца въ началѣ мятежа. Мятежъ не могъ встрѣтить серьезнаго отпора тамъ, гдѣ всѣ нити управленія сосредоточивались въ рукахъ такого безобидно-буколпческаго администратора и полководца, какимъ былъ Рейнсдорпъ, сохранившій всѣ свои нѣмецкіе вкусы и повадки, несмотря на долговременное пребываніе въ Россіи, нравы и народная жизнь которой были ему совершенно чужды и мало понятны.

Угадалъ ли Пушкинъ въ „Капитанской дочкѣ“ историческаго Рейнсдорпа? За отсутствіемъ точныхъ данныхъ, трудно отвѣчать на этотъ вопросъ съ полною увѣренностью. Можно сказать только одно: Рейнсдорпъ, руководившій обстоятельнымъ описаніемъ Оренбургской осады, разставлявшій капканы для ловли пугачевцевъ и посылавшій Хлопушу съ увѣщательными грамотами въ пугачевскую шайку, въ полной увѣренности, что Хлопуша исполнитъ свои обѣщанія и останется вѣренъ правительству,—могъ быть именно такимъ человѣкомъ, какимъ его представилъ Пушкинъ. Во всякомъ случаѣ, его Рейнсдорпъ представляетъ не только прекрасно воспроизведенный типъ и характеръ, но и совершенно правдоподобную историческую гипотезу.

Рейнсдорпъ, Петръ Андреевичъ Гриневъ, капитанъ Мироновъ, Иванъ Игнатьичъ, Швабринъ, казакій урядникъ Максимычъ и бѣлогорскіе инвалидные солдаты—все это представители русской арміи и русскаго военного быта XVIII столѣтія. Къ этой же группѣ героевъ „Капитанской дочки“ нужно отнести и Ивана Ивановича Зурина, одного изъ дѣятельныхъ усмирителей пугачевского бунта.

Зуринъ—чрезвычайно типичное лицо, цѣликомъ выхваченное изъ жизни временъ Екатерины II. Онъ принадлежитъ отчасти къ тѣмъ гусарамъ прежнихъ лѣтъ, къ тѣмъ лихимъ собутыльникамъ, которыхъ воспѣвалъ поэтъ-партизанъ Давыдовъ, отчасти же къ менѣ поэтическимъ удалцамъ, въ родѣ гоголевскаго Ноздрева. Зуринъ, по происхожденію, конечно, дворянинъ,

и даже столбовой дворянинъ. Онъ носить на себѣ отпечатокъ барства, хотя и дурнаго тона, но трудно допустить, чтобы онъ былъ богатъ или владелъ мало-мальски хорошимъ состояніемъ. По всей вѣроятности, его имѣніе, если только оно у него было, давало самый скудный доходъ и находилось въ совершенномъ разстройствѣ. Зуришь существовалъ, какъ нужно предположить жалованьемъ да разными „безгрѣшными“ доходами съ полковаго хозяйства, а также игрой въ банкъ и на биллиардѣ. Онъ—служака до мозга костей своихъ, но совѣтъ много пошиба, чѣмъ капитанъ Мироновъ. Онъ—лихой наѣздникъ и исполнительный офицеръ, только управляетъ своимъ отрядомъ, знаетъ свое дѣло, и хотя не ищетъ опасностей, но и не прячется онъ нихъ. Зуришь, видимо, нанюхался на своемъ вѣку пороку и, не увлекаясь поэзіей войны, предпочтаетъ всему на свѣтѣ легкіе кутежи и карты. Онъ любитъ и вино, и женщинъ, но онъ не пьянпа и не ловеласъ и ничѣмъ не способенъ увлечься до самозабвенія. Въ немъ замѣтно преобладаетъ практическая жилка съ оттѣнкомъ плутовства. Зуришь знаетъ счетъ деньгамъ и для того, чтобы добыть ихъ, не останавливается даже передъ плохо замаскированнымъ шулерствомъ и такими продѣлками, при помощи которыхъ онъ получилъ въ Симбирскомъ трактирѣ сто рублей съ юнаго Гринева. О такихъ людяхъ, какъ Зуришь, говорятъ обыкновенно, что они—добрые малые и добрые товарищи; это имъ не мѣшаетъ превращаться съ теченіемъ времени въ Загорѣцкихъ и Зарѣцкихъ (изъ „Евгенія Онѣгина“). Зуришь, конечно, былъ бы не прочь оказать пріятелю услугу, если бы она ничего не стоила, но онъ ни на минуту не задумался бы обыграть лучшаго изъ своихъ друзей до послѣдней нитки. Зуришь не злой человѣкъ, а то, что называется, себѣ на умѣ. Онъ въ высшей степени типиченъ, какъ армейскій офицеръ стараго закала, до мозга костей своихъ втянувшійся въ полковую жизнь съ ея незатѣйливыми развлечениями, не помышляющій ни объ отставкѣ, ни о сельскомъ отдыхѣ и не чувствующій никакой потребности обзавестись семьей. Нравственный кодексъ Зурина весьма не сложенъ. Онъ выясняется изъ тѣхъ совѣтовъ и наставленій, которые онъ даетъ Гриневу при встрѣчахъ съ нимъ. Вызываясь выучить его играть на биллиардѣ, онъ говоритъ: „Это необходимо для нашего брата, служиваго. Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все же бить жидовъ. Поневолѣ пойдешь въ трактиръ и станешь играть на биллиардѣ; а для того надобно умѣть играть“. Уговаривая

Гринева пить пуншъ, Зуринъ повторяетъ, что къ службѣ надобно привыкать. „А безъ пуншу что и служба!“ Биллиардъ, пуншъ, битые жидовъ и служба сливаются у Зурина въ одно неразрывное цѣлое, и онъ съ чистою совѣстью обыгрываетъ, напаиваетъ допьяна и везетъ къ Аринушеѣ семнадцати-лѣтняго юношу, только что покинувшаго отчій домъ. Вообще, совѣсть Зурина, умѣвшаго такъ весело рассказывать армейскіе анекдоты и такъ быстро сходявшагося на *ты*, была очень покладиста. Выслушавъ рассказъ Петра Андреевича объ его отношеніяхъ къ Марьѣ Ивановнѣ и ко всей семьѣ Мироновыхъ, онъ хладнокровно говоритъ: „Это, братъ, хорошо; одно не хорошо: зачѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не хочу тебя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что женитьба блажь. Ну, куда тебѣ возитьея съ женой да нянчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня. Развяжись ты съ капитанскою дочкой... Любовная дурь пройдетъ сама собой, и все будетъ ладно“. Въ характерѣ Зурина не было и тѣни того рыцарства и романтизма, которые были присущи П. А. Гриневу, поэтому онъ и не могъ понять его. О томъ, какъ Зуринъ усмирять мятежь и расправлялся съ бунтовщиками, можно судить по его распоряженію относительно мнимой кумушки Пугачева.

Съ психологической точки зрѣнія, Зуринъ не представляеть особеннаго интереса, и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“, о которыхъ мы говорили въ этой главѣ и трехъ предшествующихъ главахъ. Но какъ историко-бытовой типъ, исполненный жизненности и правды, онъ никогда не утратитъ своего значенія. Бѣллинскій былъ правъ, относя Зурина къ числу выдающихся, по замыслу и исполненію, героевъ романа.

Прекраснымъ дополненіемъ картины того военнаго быта, представителемъ котораго является Зуринъ, служить неподобная по юмору и выразительности сцена столкновенія П. А. Гринева съ вахмистромъ Зурина, задержавшимъ Петра Андреевича и Марью Ивановну, какъ людей близкихъ Пугачеву—какъ „бѣсова кума“ и его „хозяюшку“.

„Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію некогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяюшку къ себѣ привести.

— Что это значить? закричалъ я въ бѣшенствѣ. — Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

— „Не могу знать, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ вахмистръ. — Только его благородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!“

Въ этой маленькой сценѣ передъ нами стоитъ, какъ жпвой, усатый и расторопный вахмистръ, съ его наивно-почтительнымъ „не могу знать“ и съ его простодушно-оффиціальными рѣчами, которыя столь обильно уснащались титулами „высокоблагородія“ и „благородія“.

Вахмистръ Зурина даетъ ясное понятіе о той дисциплинѣ, которая царила въ отрядѣ Ивана Ивановича, и о комичныхъ типахъ, которые она вырабатывала изъ солдатъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общіе выводы о значеніи и особенностяхъ „Капитанской дочки“. — Ея психология и психологическіе приемы. — Спихывалъ ли Пушкинъ съ кого-нибудь героевъ и героинь своего романа? — „Капитанская дочка“ отразила въ себѣ русское общество и русскій народъ времени Екатерины II. — Сравненіе „Капитанской дочки“ съ „Евгеніемъ Онегинимъ“ по широтѣ размаха. — Мнѣніе П. Н. Стрхова о „бѣдной дѣйствительности“ и „умѣренномъ пониманіи и чувствованіи“ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“. — Ихъ языкъ. — „Капитанская дочка“, какъ проявленіе русскаго національнаго самосознанія. — Отзывъ Ю. Н. Говорухи-Отрока. — Особенности „Капитанской дочки“. — Слова Шербилюе о художественномъ идеализмѣ и стилѣ. — Всемирно-историческое значеніе „Капитанской дочки“.

Теперь намъ слѣдуетъ подвести итогъ всему прежде сказанному и точнѣе опредѣлить литературное значеніе и особенности „Капитанской дочки“, о которыхъ намъ уже приходилось неразъ говорить мимоходомъ.

Представляетъ ли „Капитанская дочка“ большой, исключительный интересъ съ психологической точки зрѣнія? Мы рѣшася поставить и разобрать этотъ; собственно говоря, лишній вопросъ, лишь въ виду той сбивчивости понятій, которая господствуетъ въ нашей критической литературѣ и мѣшаетъ правильной оцѣнкѣ гениальнѣйшихъ произведеній русскаго искусства. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Пушкинъ далъ въ „Капитанской дочкѣ“ не только неувыдаемый образецъ художественнаго воспроизведенія русскаго быта и русскнхъ типовъ, но и выказалъ себя въ ней великимъ психологомъ, создавъ цѣлый рядъ характеровъ, представляющихъ глубокой общечеловѣческой

интересъ. Взять хотя бы, на примѣръ, Марью Ивановну. Истолкованіе всѣхъ ея побужденій и разъясненіе всѣхъ качествъ ея ума и сердца могло бы быть предметомъ отдѣльнаго и при томъ очень поучительнаго этюда. Въ Марьѣ Ивановнѣ мы видимъ цѣлый рядъ свойствъ, рѣдко уживающихся въ одномъ лицѣ: „благоразуміе“ и „чувствительность“, мягкость чисто женственной натуры и твердую, рѣшительную волю, простодушіе и прозорливость, здравый, практическій смыслъ и высокія, идеальныя стремленія, искренность и замкнутость, способность сильно чувствовать и неспособность увлекаться страстями и терять подъ ихъ вліяніемъ сознаніе долга. О Корделии, Офелии, Дездемонѣ и т. д. написано безчисленное множество статей, подробно же разбирать характеръ Марьи Ивановны еще никому не приходило въ голову, а между тѣмъ она не уступаетъ героинямъ Шекспира, ни по изяществу отдѣлки, ни по глубинѣ замысла. — А Швабринъ? Развѣ онъ менѣе интересенъ для психолога, чѣмъ Яго? Развѣ онъ также не представляетъ сочетанія самыхъ различныхъ свойствъ и склонностей—коварства и общительности, самолюбія и злости, дерзости и трусости, заносчивости и отсутствія истиннаго чувства достоинства, самомяѣнія и низости, остроумія и недалковидности и т. д., и т. д.? Уяснить себѣ всѣ изгибы души Марьи Ивановны или Швабринна, этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ пушкинскаго романа, столь же трудно, какъ уяснить себѣ всѣ изгибы души Офелии или Яго. Для того, кто умѣетъ вдумываться въ произведенія великихъ поэтовъ, характеры Марьи Ивановны и Швабринна даютъ неисчерпаемый матеріалъ для размышленія и психологическихъ сближеній. То же самое, впрочемъ, можно сказать о характерахъ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“: каждое изъ нихъ, помимо чисто-русскихъ чертъ, представляетъ большой интересъ просто какъ характеръ. Пугачевъ, со всѣми его казацкими свѣчаями и обычаями, былъ возможенъ, конечно, только въ Россіи, но люди, подобные Пугачеву, встрѣчались и встрѣчаются во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Савельичъ, на ряду съ Калобомъ, никогда не утратитъ значенія, какъ типъ преданнаго слуги и одинъ изъ привлекательнѣйшихъ по трогательному комизму характеровъ, какіе только существуютъ въ литературѣ. Гриневъ-отецъ и Гриневъ-сынъ, Иванъ Кузьмичъ, Иванъ Игнатьичъ и Василиса Егоровна — всѣ они чрезвычайно своеобразны и интересны, какъ характеры. Екатерина II „Капитанской дочки“ явится какъ бы воплощеніемъ

просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка. Вообще, по сложности, по глубинѣ, по оригинальности и по разработкѣ характеровъ „Капитанская дочка“ принадлежитъ къ числу гениальнѣйшихъ романовъ.

Мастерски обрисовывая и освѣщая самые сложные характеры путемъ особенно рельефнаго воспроизведенія ихъ основныхъ чертъ, Пушкинъ систематически воздерживался въ „Капитанской дочкѣ“ отъ столь распространеннаго нынѣ многословнаго анализа каждаго душевнаго движенія своихъ героевъ и героинь. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и помину о томъ, если можно такъ выразиться, психологическомъ переживаніи, безъ котораго не могутъ ступить шагу наши новѣйшіе романисты, ничего не оставляющіе для воображенія читателя и твердо убѣжденные, что ему нужно объяснять до мельчайшихъ подробностей, что чувствовали и думали тѣ или другія лица при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Устраняя изъ „Капитанской дочки“ всѣ ненужныя подробности, Пушкинъ прибѣгалъ къ психологическому анализу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ него никакъ нельзя было обойтись. Такъ, напримѣръ, поэтъ сравнительно долго останавливался на душевномъ состояніи Гринева въ тѣ минуты, когда Пугачевъ сначала велѣлъ его повѣсить, а потомъ возвратилъ ему свободу. Еслибы Пушкинъ не разъяснилъ тѣхъ „смутныхъ чувствованій“, благодаря которымъ Петръ Андреичъ, потрясенный зрѣлищемъ казней и пережившій въ немногія мгновенія весь ужасъ прощанія съ жизнью, находился въ полубезсознательномъ состояніи, намъ было бы непонятно, какимъ образомъ такой рыцарь чести, какъ онъ, могъ стоять передъ Пугачевымъ на колѣняхъ, не оказывая сопротивленія тѣмъ, кто принуждалъ его къ этому униженію. По большей же части, Пушкинъ даетъ лишь бѣглыя указанія на душевныя настроенія героевъ и героинь романа, но романъ отъ этого не дѣлается неяснымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній въ челоуѣкѣ, умѣющемъ не только читать, но и понимать читаемое. Въ концѣ двѣнадцатой главы, напримѣръ, рассказывается очень сжато о прощаніи Марьи Ивановны, при отъѣздѣ изъ Бѣлогорской крѣпости, съ могилами отца и матери. Какой обильный матеріалъ нашель бы въ этой сценѣ для психологическаго анализа любой изъ теперешнихъ романистовъ! Онъ навѣрно посвятилъ бы ей нѣсколько страницъ, не опустивъ ни одной подробности. Иначе поступилъ Пушкинъ: „Марья Ивановна, вспоминаетъ Гриневъ, пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за цер-

бовью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила оставить ее одну; черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, молча, обливаясь тихими слезами“. Вотъ и все, что даетъ намъ „Капитанская дочка“ объ этомъ эпизодѣ. Но нужно ли прибавлять что-нибудь для человѣка, не лишенаго воображенія, къ этимъ словамъ? Какой художникъ, внимательно вчитавшійся въ „Капитанскую дочку“, если только у него есть неподдѣльный талантъ, не пойметъ и затруднится передать на полотнѣ то глубокое, но чуждое отчаянiя и соединенное съ покорностью волѣ Божіей горе, которое чувствовала, прощаясь съ прахомъ родителей, Марья Ивановна, уже пережившая страшное нравственное потрясеніе во время болѣзни, немедленно вслѣдъ за гибелью Ивана Игнатьевича и Василисы Егоровны? „Тихія слезы“ Марьи Ивановны, какъ нельзя лучше, характеризуютъ ея душевное настроеніе въ то время, когда она прощалась съ дорогими для нея могилами, а ея просьба оставить ее одну, когда она идетъ въ послѣдній разъ поклониться праху родителей, прекрасно обрисовываетъ правдивую и стыдливую душу Марьи Ивановны, инстинктивно чуждавшуюся всего показнаго и стѣснявшуюся обнаруживать святая святыхъ своей души даже предъ любимымъ человѣкомъ. Двѣ строчки „Капитанской дочки“, посвященныя прощанію Марьи Ивановны съ могилами Ивана Кузьмича и Василисы Егоровны, не имѣютъ ничего общаго съ психологическимъ анализомъ: въ нихъ нѣтъ, повидимому, ничего, кромѣ бѣлаго сказа или, лучше сказать, упоминанія о томъ, какъ Марья Ивановна отправилась на кладбище и вернулась оттуда, но эти двѣ строчки, которыя каждый романистъ-психологъ послѣдняго покроя счелъ бы долгомъ замѣнить, по крайней мѣрѣ, двумя страницами, даютъ о Марьѣ Ивановнѣ такое ясное понятіе, какого не дала-бы о ней цѣлая глава, наполненная подробнѣйшимъ описаніемъ того, какъ она склонилась колѣни передъ прахомъ отца и матери, какъ она молилась за своихъ родителей, какъ она прощалась съ ними, что она думала, чувствовала и вспоминала при этомъ, какъ она оправляла дорогія для нея могилы, какъ она крестилась, бросая на нихъ послѣдній взглядъ и уходя съ кладбища. Приведемъ еще одинъ примѣръ, съ цѣлью показать, какъ старательно избѣгалъ Пушкинъ всякаго психологическаго размазыванія и какъ быстро онъ велъ свое повѣствованіе, ничего не терявшее, однако, при этомъ въ ясности и полнотѣ. Въ двѣнадцатой главѣ мы расстаемся со Швабринымъ въ то время, когда онъ управляетъ по порученію Пугачева Бѣлогорскою крѣпостью; въ послѣдней же главѣ мы

встрѣчаемся съ нимъ уже тогда, когда онъ находится въ казанской тюрьмѣ. Что пережилъ Швабринъ, когда попалъ въ руки правительства, и какъ онъ велъ себя на первыхъ допросахъ, объ этомъ въ романѣ не говорится, хотя каждый изъ теперешнихъ романистовъ-психологовъ счелъ бы за сущую ересь не показать всего этого въ цѣломъ рядѣ сценъ и картинъ. Пушкинъ ограничился всего нѣсколькими строчками воспоминаній Гриньва: „Я съ живостью оборотился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его, недавно черные, какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена“. Пушкинъ ничего не прибавлялъ къ этимъ словамъ, да къ нимъ и не нужно было ничего прибавлять, ибо они даютъ полное понятіе о томъ ужасѣ и отчаяніи, которые овладѣли Швабринымъ, когда онъ попалъ въ тюрьму, о томъ трепетѣ, съ которымъ онъ помышлялъ о неизбежной расплатѣ за пзмѣну, о томъ угнетающемъ и гибельномъ вліяніи, которое имѣли на него тюрьма и слѣдствіе. Кто изъ читателей, помнящихъ, какъ Швабринъ валялся въ псагахъ у Пугачева и какъ охотно онъ прибѣгалъ, для достиженія своихъ цѣлей, ко лжи, клеветѣ, доносамъ и наушничеству, не догадается безъ всякихъ разъясненій, что Швабринъ держалъ себя самымъ недостойнымъ и униженнымъ образомъ передъ своими судьями, ничѣмъ не брезгалъ для того, чтобы возбудить въ нихъ жалость къ своему положенію, всячески старался выгородить себя и прилеталъ къ дѣлу о мятежѣ всѣхъ мало-мальски причастныхъ къ нему, а иногда даже и совершенно невиновныхъ людей, съ цѣлью заслужить благосклонность суда безпощадною готовностью раскрыть всѣ тайны своихъ бывшихъ сообщниковъ?

Съ кого списывалъ Пушкинъ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“? Покойный Семевскій, вздвигнвшій въ Михайловское и Тригорское съ цѣлью собрать на мѣстѣ сохранившіеся у тамошнихъ старожиловъ преданія о подневольномъ пребываніи Пушкина въ деревнѣ, далъ разгадку именъ, придуманныхъ поэтомъ для жены отца Герасима и для главной героини романа, дочери капитана Миронова. Марья Ивановна Осипова, дочь Прасковьи Александровны Осиповой, владѣлицы Тригорскаго той поры, когда его посѣщалъ Пушкинъ, сообщила Семевскому, между прочимъ, вотъ что: „Жила у насъ ключница Акулина

Панфиловна, ворчунья ужасная. Бывало, бесѣдуемъ мы до поздней ночи, Пушкину и захочется яблокъ. Вотъ и пойдѣмъ мы просить Акулину Панфиловну принести моченыхъ яблокъ, а та и разворчптся. Пушкинъ разъ и говоритъ ей шутя: „Акулина Панфиловна, полноте, не сердитесь! Завтра же васъ произведу въ попадьи“. И точно, подь именемъ ея, чуть ли не въ „Капитанской дочкѣ“, онъ вывелъ попадью. А въ мою честь, если хотите знать, названа сама героиня романа“ (*С. Петербургскія Вѣдомости*, 1866 г., № 139). Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что капитанская дочка была списана съ Марьи Ивановны Осиповой, а жена отца Герасима съ тригорской ключницы. Пушкинъ надѣлилъ ихъ знакомыми именами,—и только; самые же типы и характеры явились у него плодомъ самостоятельнаго творчества и не имѣли ничего общаго не только съ фотографіей, но и съ портретами. Пушкинъ никогда не сталкивался близко съ тѣми общественными слоями, къ которымъ принадлежали Иванъ Кузмичъ, Василиса Егоровна, Иванъ Игнатьичъ, Марья Ивановна и т. д. Нѣтъ никакихъ указаній и на то, чтобы онъ знавалъ слугу, подобаго Савельичу. Всѣхъ этихъ лицъ онъ создалъ по мимолетнымъ наблюденіямъ и едва уловимымъ, здѣсь и тутъ схваченнымъ, чертамъ. Кое-какія данныя для созданія Мироновыхъ и другихъ обитателей Бѣлогорской крѣпости онъ могъ подмѣтить и собрать при объѣздѣ Оренбургскихъ крѣпостей; тѣмъ не менѣе, и они были, прежде всего, художественными вымыслами, исполненными необыкновенной жизненности и поражающими геніальною способностью великаго поэта угадывать людей и творить почти изъ ничего. Подобно тому, какъ Пушкинъ создалъ Пугачева и Рейнсдорпа, не имѣя подъ рукой никакихъ точно опредѣленныхъ данныхъ для воспроизведенія ихъ нравственнаго облика, подобно тому, какъ онъ угадалъ этихъ людей своимъ геніальнымъ художественнымъ чутьемъ—также точно онъ угадалъ и создалъ всѣхъ другихъ героевъ „Капитанской дочки“, вмѣстѣ съ породившими ихъ бытомъ и жизнью. Процессъ творчества составлялъ его тайну, и никому, конечно, не удастся прослѣдить его во всѣхъ подробностяхъ. Дальше кое-какихъ догадокъ въ этомъ случаѣ некуда идти. Придя, на основаніи изученія памятниковъ пугачевского бунта, къ тому выводу, что Пугачевъ былъ, прежде всего, *плутъ, казакъ прямой*, Пушкинъ не могъ не пользоваться тѣми наблюденіями и впечатлѣніями, которыя онъ вынесъ изъ знакомства съ казаками, и которыя породили, между прочимъ, нѣсколько стихотвореній 1829 года

(„Быль и я среди донповъ“, „Донъ“ и „Делибашъ“); индивидуальныя же черты Пугачева были угаданы поэтомъ по самымъ сбивчивымъ указаніямъ современниковъ мятежа и по нѣкоторымъ преданіямъ о немъ. Очень можетъ быть, что Савельичъ былъ задуманъ первоначально подъ обаяніемъ Калеба Вальтеръ-Скотта, но Савельичъ вышелъ у Пушкина не русскимъ Калобомъ, а совершенно оригинальнымъ типомъ слуги, который могъ зародиться и сложиться только въ Россіи, среди условій русскаго быта второй половины XVIII вѣка. Столь же своеобразенъ Савельичъ и въ психологическомъ отношеніи, какъ характеръ. Между Калобомъ и Савельичемъ такъ-же мало общаго, какъ между Санхо-Пансо и Станарелемъ, слугой мольеровскаго Донъ-Жуана. Нѣтъ сомнѣній, что при созданіи Рейнсдорпа, Пушкинъ имѣлъ въ виду тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ ему приходилось встрѣчать на своемъ вѣку. Но основныя черты характера Рейнсдорпа и весь его душевный складъ и внѣшній обликъ были все-таки плодомъ самостоятельнаго творчества, основаннаго на изученіи служебныхъ дѣйствій и распоряженій оренбургскаго губернатора.

Умалая значеніе своего громаднаго дарованія, Гоголь писалъ въ „Авторскѣй исповѣди“: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ. Угадывать чело-вѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ потому, что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе, и ложь у меня выступала ярче, нежелп у кого другаго. Этого я никакъ не могъ объяснить никому, а потому и никогда почти не получалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись, какъ могъ я требовать такпхъ мелочей и пустяковъ, тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ“. Гоголь былъ, конечно, не правъ

къ самому себѣ, у него была несомнѣнная способность творить самостоятельно, ибо онъ отнюдь не всегда былъ портретистомъ и создавалъ такіе типы и характеры, которые имѣли очень мало общаго съ болѣе или менѣе знакомыми ему людьми. Что же касается до Пушкина, то о его творчествѣ можно сказать совершенно обратное тому, что говорилъ Гоголь о себѣ. Въ „Капитанской дочкѣ“, какъ и во всѣхъ своихъ главныхъ произведеніяхъ, Пушкинъ обнаружилъ изумительную способность „создавать въ воображеніи“ и угадывать дѣйствительность. Пушкинъ не только не копировалъ въ „Капитанской дочкѣ“ дѣйствительности какъ фотографъ, но и не создавалъ портретовъ. Поэтъ былъ въ „Капитанской дочкѣ“ портретистомъ въ строгомъ смыслѣ слова лишь при воссозданіи Екатерины II. Пушкинъ творилъ, говоря языкомъ Гоголя, не только „вслѣдствіе образа“, сколько „вслѣдствіе воображенія“. Ему не нужно было большого запаса наблюденій, фактовъ и „документовъ человеческой жизни“ для того, чтобы создавать образы, исполненные жизни и правдоподобія, а иногда при этомъ и духовной красоты. Онъ не стоялъ въ зависимости отъ знанія всѣхъ частныхъ дѣйствительной жизни: онъ постигалъ ея сущность художественнымъ чутьемъ, озаряя жизнь и тайники души человеческой свѣтомъ своего гения. Всѣ главные герои и героини „Капитанской дочки“ были прежде всего чудными грезами мощнаго воображенія, устремленнаго къ воссозданію пугачевского бунта, а также людей и нравовъ Россіи семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка и тѣхъ типовъ и характеровъ, которые мы находимъ въ романѣ.

Въ „Капитанской дочкѣ“ болѣе или менѣе отразилась вся, или почти вся Россія времянь Екатерины II. Бѣлинскій уподоблялъ этотъ романъ „Онѣгину“ въ прозѣ, ибо въ „Онѣгинѣ“ поэтъ пытался изобразить всю Россію—времянь императора Николая I. Но по широтѣ размаха и полнотѣ картинъ „Капитанская дочка“ стоитъ несравненно выше „Евгенія Онѣгина“. Въ „Капитанской дочкѣ“ мы находимъ типы всѣхъ слоевъ русскаго общества и русскаго народа, чего никакъ нельзя сказать объ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Народъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ почти совершенно отсутствуетъ. Его представительницей является лишь татьянина няня; о типахъ же, которые можно было бы противопоставить Пугачеву, Хлопушѣ, Бѣлобородову, Савельичу, Палашкѣ и Максимычу, въ „Онѣгинѣ“ нѣтъ и по-

мина. Въ немъ нѣтъ также героевъ и героинь, бытовое значеніе которыхъ было бы равносильно значенію капитана Миронова, Ивана Игнатьича и Василисы Егоровны. Дворъ также не имѣетъ въ „Онѣгинѣ“ своихъ представителей, вслѣдствіе чего и въ этомъ отношеніи преимущество оказывается на сторонѣ „Капитанской дочки“. Изъ иностранныхъ выходцевъ „Евгеній Онѣгинъ“ намъ даетъ лишь француза Трике, тогда какъ въ „Капитанской дочкѣ“ мы имѣемъ Бопре и Рейнсдорпа, то-есть, и иностранца-учителя, и иностранца-администратора. Иностранецъ-кочевниковъ, о которыхъ „Капитанская дочка“ даетъ весьма ясное понятіе, совершенно нѣтъ въ „Онѣгинѣ“. Но въ немъ едва-ли можно найти много такихъ сторонъ русской жизни, которыя не отразились въ „Капитанской дочкѣ“. Семья Лариныхъ можно противопоставить семью Гриневыхъ, героямъ своего времени Онѣгину и Ленскому—тоже героевъ своего времени, Швабрина и Петра Андреича; Татьянѣ—Марью Ивановну. Вообще, „Капитанская дочка“ гораздо содержательнѣе „Евгенія Онѣгина“, если ихъ сравнивать съ точки зрѣнія живописи русскаго быта. Русская жизнь, русскіе типы и русскіе характеры отчетливѣе, полнѣе и разнообразнѣе отразились въ „Капитанской дочкѣ“, чѣмъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. То же самое придется сказать и при сближеніи „Капитанской дочки“ съ „Мертвыми душами“. Поэма Гоголя, несмотря на свой объемистый размѣръ, кажется, сравнительно съ „Капитанскою дочкой“ одностороннимъ и узкимъ произведеніемъ, оставляющимъ въ сторонѣ цѣлый рядъ такихъ особенностей и явленій русской жизни, которыя воспроизведены въ „Капитанской дочкѣ“ съ совершенною ясностью. Еслибы какой-нибудь иностранецъ спросилъ: по какому изъ нашихъ художественныхъ произведеній можно составить наиболѣе вѣрное и полное представленіе о Россіи, ему нельзя было бы указать ни на что, кромѣ „Капитанской дочки“. Этимъ опредѣляется ея значеніе, какъ историческаго и бытоваго романа.

Это значеніе усиливается еще оттого, что въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и тѣни чего-либо похожего на сатиру и прикрашиванье. Она принадлежитъ къ гениальнѣйшимъ образцамъ чисто объективнаго творчества. Въ ней нѣтъ ни скорбнаго, горькаго смѣха „Мертвыхъ душъ“, ни веселой, легкой ироніи „Евгенія Онѣгина“. Мягкій, свѣтлый, добродушный, примиряющій, бодрый и мѣткій юморъ „Капитанской дочки“ не каррикатуритъ и не опошляваетъ людей и не дѣлаетъ изъ нихъ исключительно комичныхъ

типовъ и характеровъ (исключительно комичныхъ типовъ и характеровъ въ „Капитанской дочкѣ“, по крайней мѣрѣ, между главными героями и героинями, совсѣмъ нѣтъ). Юморъ „Капитанской дочки“ лишь отгнѣяетъ основныя черты нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Поэтъ пользовался юморомъ не для того, чтобы осмѣять въ обидномъ смыслѣ его героевъ: его юморъ вытекалъ изъ любовнаго отношенія къ нимъ, чуждаго, однако, всякой сентиментальности и ходульности. Это чисто русскій юморъ, — юморъ нашихъ народныхъ пословиць, исполненный здраваго смысла, бодрого взгляда на жизнь, безпристрастнаго и въ то же время довѣрчиваго и снисходительнаго отношенія къ людямъ; это юморъ П. А. Гринева, дожившаго до глубокой старости и сумѣвшаго сохранить, несмотря на всѣ житейскія невзгоды и разочарованія, вѣру въ лучшіе завѣты молодости. Въ этомъ юморѣ проявляется склонность и способность подмѣчать и воссоздавать смѣшныя стороны жизни, но въ немъ нѣтъ ни жесткаго, холоднаго отношенія къ человѣческой природѣ, ни стремленія ступшевывать человѣческія слабости и давать имъ искусственное освѣщеніе. Юморъ „Капитанской дочки“ придаетъ нѣкоторымъ изъ ея героевъ особенную привлекательность, раскрывая, путемъ комизма, все, что есть въ нихъ трогательнаго и благороднаго. Благодаря юмору поэта, Савельичъ, капитанъ Мироновъ, Василиса Егоровна, Иванъ Игнатьичъ и т. д. вызываютъ наше участіе даже въ тѣхъ сценахъ, которыхъ нельзя вспомнить безъ улыбки, а такіа сцены встрѣчаются въ „Капитанской дочкѣ“ чуть не на каждой страницѣ. Пушкинъ доказалъ „Капитанскою дочкой“, что онъ могъ такъ же легко исторгать смѣхъ, какъ и слезы, и что у него были всѣ задатки сдѣлаться величайшимъ изъ юмористовъ. Какъ юмористъ, онъ можетъ выдержать какое угодно сравненіе. Что можетъ быть комичнѣе такихъ сценъ, какъ сцена подачи Савельевичемъ Пугачеву прошенія объ уплатѣ Гринева стоимости его вещей, расхищенныхъ „злодѣями“, или той сцены, въ которой Василиса Егоровна творить судъ и расправу надъ провинившимися обитателями крѣпости въ качествѣ ихъ командирши? Юморъ „Капитанской дочки“ — юморъ высокой пробы и притомъ вполне самоцѣльный. Одна изъ особенностей его состоитъ въ его изяществѣ и тонкости. Иногда онъ бываетъ почти неуловимъ, а между тѣмъ и какъ бы совершенно скрывается отъ читателей. Въ видѣ примѣра, можно указать, хотя бы на объясненіе Марьи Ивановны, почему она не согласилась выйти замужъ за Шваб-

рина. Это объясненіе составляет единственное мѣсто, въ которомъ главная героиня романа является, хотя и въ плѣнительномъ, но все же нѣсколько комичномъ освѣщеніи. Возвышенная и прекрасная природа Маріи Ивановны, всегда углубленной въ святое призваніе жизни, не поддавалась юмористическому изображенію. Юмористическому изображенію не поддавалось и царственное величіе Екатерины II. Пушкинъ не пользовался своимъ юморомъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Швабринѣ, ибо видѣлъ въ немъ безусловно отталкивающее лицо и не хотѣлъ смягчить темныхъ сторонъ его характера, чтобы не впасть въ психологическую фальшь.

Существуетъ мнѣніе, что въ „Капитанской дочкѣ“ отразилась лишь будничная сторона русской жизни и русскаго быта, лишь сѣренькая, бѣдная дѣйствительность, лишь *умѣренное пониманіе и чувствованіе*. Такого мнѣнія держался, между прочимъ, Н. Н. Страховъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе этого взгляда. отождествлять „Капитанскую дочку“ съ тѣмъ, что Пушкинъ называлъ „фламандской школы старымъ вздоромъ“, значитъ умалять до minimum'a ея колоссальное историко-литературное значеніе. Развѣ Марья Иванова, съ ея возвышеннымъ душевнымъ строемъ и съ ея возвышенными, истинно христіанскими идеалами,—развѣ Марья Ивановна, насевозь проникнутая сіяніемъ духовной красоты, имѣетъ что-нибудь общее съ „умѣреннымъ пониманіемъ и чувствованіемъ“? Можно ли говорить объ „умѣренномъ пониманіи и чувствованіи“, когда дѣло идетъ о такомъ характерѣ, которымъ могъ бы плѣниться даже художникъ, воспроизводящій столь исключительныя эпохи высокаго подъема человѣческаго духа, какъ первые вѣка христіанства, съ ихъ идеальными матерями и женами, подвижниками и подвижницами вѣры и правды? Развѣ капитанъ Мироновъ и Иванъ Игнатьичъ, всенародно обличающіе Пугачева въ самозванствѣ и безбоязненно приносящіе свою жизнь на алтарь любви къ царицѣ и къ родинѣ, напоминаютъ людей „умѣреннаго чувствованія и пониманія“? Развѣ напоминаютъ этихъ людей оба Гриневы, съ ихъ преданностью чести и долгу? Развѣ напоминаетъ этихъ людей Савельичъ, съ его беззавѣтною и трогательною любовью къ своему молодому барину, къ его родителямъ и невѣстѣ? А Пугачевъ и Хлопуша, эти представители богатырскихъ сторонъ простаго русскаго человѣка? Развѣ ихъ удалъ и мощную широкую натуру можно уложить въ рамки „умѣреннаго пониманія и чувствованія“? —

„Бѣдная дѣйствительность!“ Счастлива та страна, и богато одаренъ тотъ народъ, который имѣлъ или имѣеть „бѣдную дѣйствительность“ „Капитанской дочки“. Въ этомъ романѣ воспроизведены, конечно, главнымъ образомъ, лишь немногіе закоулки русской земли, но въ этихъ закоулкахъ мы находимъ цѣлую галерею лицъ, поражающихъ своими доблестями, своею нравственною чистотой, своею нравственною выдержкой и крупными, исключительными размѣрами, крупнымъ, исключительнымъ размахомъ своей природы. Пугачевъ и Хлопуша залиты кровью своихъ жертвъ, но вы не можете отказать этимъ людямъ въ признаніи ихъ хорошихъ, благородныхъ задатковъ, свидѣтельствующихъ о недюжинныхъ характерахъ и выдающихся дарованіяхъ. Пугачевъ и Хлопуша, конечно, разбойники, но это такіе разбойники, которые, при иныхъ условіяхъ, могли бы сдѣлаться замѣчательными историческими дѣятелями, память которыхъ благословлялась бы въ потомствѣ. Правда, и въ „Капитанской дочкѣ“ есть представители „умѣреннаго чувствованія и пониманія“ и чисто комичные типы. Къ нимъ можно отнести Зурина, Акулину Панфиловну, Анну Власевну, Бопре и т. д., но вѣдь они не играютъ большой роли въ романѣ и выведены въ немъ лишь для того, чтобы рельефнѣе очертить героевъ и героинь совсѣмъ иной породы и иного закала. Та дѣйствительность „Капитанской дочки“, которую Страховъ называлъ бѣдною, исполнена драматизма, борьбы свѣта и мрака и представляетъ изумительное, но въ то же время и правдивое сочетаніе трагическаго и комическаго, грандіознаго и мелкаго, добра и зла. Общій уровень этой дѣйствительности, конечно, не отличается большою культурностью, но мы находимъ въ немъ чуть не всѣ градации, соединявшія полуварварство восточной окраины Россіи съ просвѣщеніемъ и блескомъ XVIII вѣка. Дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“ по ихъ образованности можно расположить въ послѣдовательномъ порядкѣ, на низшей ступени котораго будетъ находиться изувѣченный башкирецъ, а на высшей Екатерина II. Образованность прошлаго столѣтія имѣетъ въ „Капитанской дочкѣ“ своихъ представителей въ лицѣ геніальной императрицы, Швабриня, Рейнсдорпа, молодого Гринева и т. д.

Языкъ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“ выше всякой похвалы. Каждое изъ нихъ говоритъ своимъ особымъ языкомъ, вполне соответствующимъ его характеру, образованію и обще-

ственному положенію. Отрывочный, сжатый и суровый складъ рѣчи старика Гринева; многословныя и тревожныя тирады Савельича; пословицы, шутки и прибаутки Пугачева, его сказка и его бѣглыя, какъ бы мелькомъ бросаемыя замѣчанія, исполненныя то силы, то юмора, то плутовства; короткія и не безъ труда сколачиваемыя фразы совсѣмъ нерѣдистаго Ивана Кузмича; энергичныя и словоохотливыя разглагольствованія Василисы Егоровны; книжныя и невозмутимо-спокойныя періоды Рейнсдорпа; саркастическій и неискренній тонъ Швабрина, маскирующагося то напускною серьезностью, то мнимымъ добродушіемъ и быстро переходящаго отъ холодной вѣжливости къ наглому цинизму; языкъ Марьи Ивановны, исполненный простоты и своеобразной прелести и т. д., и т. д., — все это по истинѣ неподобно по жизненности и, если такъ можно выразиться, колоритности каждаго слова. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, которыя говорили-бы одинаковымъ языкомъ: у каждаго есть свои оттѣнки, хотя Пушкинъ совсѣмъ не гонялся за этнографическою и иною безусловною точностью и, вообще, воздерживался отъ пріемовъ прямолинейнаго реализма (такъ, напримѣръ, Рейнсдорпъ говоритъ у него ломанымъ русскимъ языкомъ только въ одной, первой сценѣ, въ другихъ сценахъ читатель долженъ самъ дополнять своимъ воображеніемъ акцентъ генерала, но это ни мало не мѣшаетъ дѣльности впечатлѣнія, и каждая фраза Рейнсдорпа и своимъ духомъ, и своимъ построеніемъ обличаетъ въ немъ нѣмца). Какъ хороши діалоги героевъ „Капитанской дочки“, такъ хороша и ихъ письменная рѣчь. Въ стихотвореніи Петра Андреича такъ превосходно переданы особенности и духъ поэтовъ XVIII вѣка, писавшихъ раньше Державина, что лучшей, болѣе художественной пародіи, чѣмъ „Мысль любовну истребля“, нельзя себѣ даже и представить. Языкъ грознаго посланія Гринева-отца Савельичу; языкъ, которымъ написанъ отвѣтъ Савельича; письмо Марьи Ивановны Петру Андреичу; оффиціальныя бумаги Рейнсдорпа о появленіи самозванца и объ исчезновеніи Гринева изъ Оренбурга, — все это прекрасно обрисовываетъ и эпоху, и дѣйствующихъ лицъ романа, бравшихся за перо. Даже коротенькая записка Зурина къ обыгранному имъ Гриневу очень типична и не спроста вставлена въ романъ. Мы далеки отъ намѣренія указать и опредѣлить всѣ оттѣнки языка дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“: такая задача могла-бы быть предметомъ отдѣльной и очень интересной статьи. Мы хотѣли только под-

черкнуть изумительную способность Пушкина къ объективному творчеству, проявляемому, между прочимъ, и въ языкѣ его героевъ и героинь. Діалоги и переписка дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“ представляютъ по языку массу разнообразія и даютъ наглядное понятіе, какъ говорили русскіе люди прошлаго столѣтія, начиная съ двorca и кончая разбойничьими притонами. Въ „Капитанской дочкѣ“ мы имѣемъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ образцовъ разговорной и письменной рѣчи прошлаго столѣтія, представляющихъ постепенные переходы отъ простонароднаго говора къ литературному языку и къ языку наиболѣе образованныхъ слоевъ общества.

Пушкинъ былъ не только великимъ поэтомъ, но и замѣчательнымъ мыслителемъ. Это было отмѣчено еще Мицкевичемъ, который часто встрѣчался съ Пушкинымъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Въ его некрологѣ Мицкевичъ писалъ:

„Пушкинъ удивлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума, обладалъ громадною памятью, вѣрнымъ сужденіемъ, изящѣйшимъ вкусомъ. Когда онъ рассуждалъ о политикѣ иностранной и внутренней, казалось, что говоритъ посѣдѣлый, дѣловой человѣкъ, питающійся ежедневно чтеніемъ парламентскихъ преній... Рѣчь его, въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась болѣе и болѣе серьезною. Онъ любилъ разбирать великіе, религіозные, общественные вопросы, само существованіе которыхъ было, повидимому, неизвѣстно его соотечественникамъ“ (Сочиненія В. Д. Спасовича, II, 265).

Это подтверждается, между прочимъ, и записками А. О. Смирновой. Сочиненія, письма и рукописи Пушкина показываютъ, какимъ разнообразіемъ и какою широтой отличались его умственные интересы, и съ какою глубиной и дальновидностью онъ обсуждалъ тѣ великіе вопросы, о которыхъ упоминаетъ Мицкевичъ. Міросозерцаніе Пушкина вообще и, въ частности, его взглядъ на Россію и на ея минувшія судьбы отразились и въ „Капитанской дочкѣ“. Въ „Капитанской дочкѣ“ сказалось то глубокое пониманіе русской исторіи, которое было свойственно Пушкину. Какъ извѣстно, онъ не былъ ни западникомъ, ни славянофиломъ и умѣлъ одновременно чтить память Петра Великаго и любить допетровскую старину. Опередивъ свой вѣкъ, Пушкинъ опередилъ и нашу историческую науку. „Капитанская дочка“ свидѣтельствуетъ, что онъ судилъ о нашемъ прошломъ и о тѣхъ противоположныхъ культурныхъ стихіяхъ, изъ борьбы которыхъ

оно слагалось, съ ясностью, безпристрастіемъ, и спокойствіемъ истиннаго мыслителя, стоявшаго выше всякихъ предубѣжденій. „Капитанская дочка“ не только великое художественное произведение, но и великій памятникъ нашего національнаго самосознанія. Той глубины и трезвости взгляда на русскій народъ и на русскую старину, которая сквозить между строкъ „Капитанской дочки“, мы не найдемъ ни у одного изъ нашихъ историковъ. Это значеніе „Капитанской дочки“ прекрасно выяснено въ книгѣ недавно умершаго даровитаго критика Ю. Н. Говорухи-Отрока—„Тургеневъ“. Приводимъ изъ нея отрывокъ, посвященный „Капитанской дочкѣ“:

„Петръ сталъ между нами и древнею Русью. Онъ заслонилъ собой свѣтъ преданія, мерцавшій изъ глубины вѣковъ; онъ указалъ намъ на иной свѣтъ, онъ привелъ насъ и заставилъ поклониться европейскимъ „святымъ чудесамъ“, онъ показалъ намъ путь, по которому мы пошли за обманчивыми, блуждающими огнями европейскаго прогресса—пошли за ними „толпой угрюмою и скоро позабытой“; онъ создалъ нашихъ „скитальцевъ“, онъ возростилъ этотъ „тощій плодъ, до времени созрѣлый“. Эти-то „скитальцы“, ослѣпленные блескомъ лика Петра, покорились ему, въ немъ видѣли начало нашей исторіи, начало нашего самосознанія. Ослѣпленные его ликомъ, они не умѣли различить черты этого лика; они не поняли, что если въ немъ наше будущее, то въ немъ же и наше прошедшее, что онъ, гигантъ, который, по выраженію Пушкина, „однимъ—дѣлая всемірную исторію“, все же только одно изъ звеньевъ въ ходѣ нашего историческаго развитія, что и онъ своею личностью свидѣтельствуешь о величій, силѣ и красотѣ нашего прошедшаго. Не поняли они Петра, который шелъ въ Европу не какъ робкій ученикъ, не какъ варваръ, благоговѣнно прислушивающійся къ рѣчамъ аѳинскаго софиста, а какъ исполинъ, могущественный и свободный, властною рукой бравшій тамъ все, что ему было нужно; не поняли они, что Петръ изъ сближенія съ Европой вышелъ самымъ собой, крѣпкимъ русскимъ человѣкомъ, духовно связаннымъ со своимъ народомъ.

„Не поняли Петра и тѣ, которые учились по хартіямъ и лѣтописямъ сознательно любить Россію. Сквозъ сіяніе его лика они сумѣли разсмотрѣть только черты грубыя, бросавшіяся въ глаза,—черты деспота, ломавшаго все на пути. Они видѣли, что общество страдаетъ тяжелою болѣзнью, они понимали, что эта болѣзнь есть болѣзнь прививки европейской цивилизаций, — и, негодуя на болѣзнь, они перенесли свое негодованіе и на того, кто сдѣлалъ прививку. Они отрицали Петра со всѣмъ его дѣломъ, они думали, что это дѣло надо было сдѣлать иначе, они отрицали его во имя правды мертвыхъ лѣтописей и хартій. Но отрицать его было невозможно. Онъ стоялъ предъ ними во весь

свой исполинскій ростъ. Онъ стоялъ предъ ними въ своихъ дѣянiяхъ, онъ стоялъ предъ ними уже въ неизбежной красотѣ — въ изображенiяхъ Пушкина. Нельзя было отрицать его, ибо онъ властвовалъ и надъ ними. И ихъ онъ согнулъ своею мощною рукой, и ихъ онъ заставилъ преклониться предъ „святыми чудесами“ Европы. Отъ Петра некуда было уйти: вездѣ, на всѣхъ путяхъ ихъ, онъ ихъ преслѣдовалъ, какъ Евгенiя въ *Мѣдномъ Всадникѣ*:

.....
И озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко скачущемъ конѣ, —
И во всю ночь безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скагалъ.

„Они хотѣли укрыться подъ сѣнью древней Руси, но онъ, все тотъ же исполинъ, преслѣдовалъ ихъ и тамъ, заслоняя собой отъ нихъ и эту древнюю Русь. Они, какъ герой поэмы Пушкина, были „оглушены шумомъ внутренней тревоги“ — тревоги, произведенной въ нихъ Петромъ, а живой духъ древней Руси, сохранившiйся не въ хартiяхъ и лѣтописяхъ, а въ преемственномъ преданiи, не давался имъ, чуждымъ этого преданiя.

„Это было положенiе истинно трагическое.

„Трагично было положенiе нашихъ „скитальцевъ“, любившихъ родину болѣзненною любовью, преклонявшихъ предъ Европой, но одинаково чуждыхъ и своей родинѣ, и Европѣ, бродившихъ по свѣту съ опустошенной душой,—не не менѣе трагично было и положенiе тѣхъ, которые хотѣли научиться любить свою родину. Тамъ, въ Европѣ, были „святыя чудеса“, предъ которыми они преклонялись,—здѣсь, на родинѣ, для нихъ было тускло и темно въ настоящемъ, а въ прошедшемъ вставали лишь блѣдные призраки со страницъ мертвыхъ лѣтописей и хартiй. И только ликъ Петра, съ „тайной въ немъ сокрытой“, одинъ возвышался надъ всѣмъ, неотразимый и непонятный.

„Въ Пушкинѣ разрѣшился этотъ трагизмъ. Пушкинъ вышелъ изъ этого замкнутого круга еще тогда, когда только нарождались въ нашемъ обществѣ и „скитальцы“, и люди, хотѣвшiе научиться сознательно любить Россiю. Онъ просто ее любилъ, въ его душѣ жило то преемственное преданiе, которое сдѣлало для него яснымъ ликъ Петра, и подъ живымъ дуновенiемъ котораго ожили для поэта блѣдные образы лѣтописей и хартiй, облеклись въ плоть и кровь, засвѣтились кроткимъ свѣтомъ той, своей особой красоты, которой никогда не знала Европа. Изъ самой глубины древней Руси глянулъ на насъ образъ лѣтописца Пимена и озарилъ своимъ кроткимъ свѣтомъ цѣлую полосу нашей исторiи. Этотъ свѣтъ не померкнетъ. Ни свѣтъ „свя-

тыхъ чудесъ“ Европы, ни ослѣпительный блескъ лика Петрова не затмятъ его. Это свѣтъ особенный, не сливающійся ни съ какимъ другимъ—свѣтъ вѣчный, немеркнущій.

„Озаренная этимъ свѣтомъ, стала ясна Пушкину наша прошлая жизнь. Онъ далъ намъ хронику семейства Гриневыхъ, и мы почувствовали, что преданіе не прервалось дѣянїями Петра, что оно жило и живетъ въ глубинѣ жизни, въ народной массѣ, постоянно просачиваясь оттуда и въ другіе слои. Мы почувствовали, что и старикъ Гриневъ, и его сынъ, и мать, и комедантъ Бѣлогорской крѣпости, и кривой поручикъ Иванъ Игнатьичъ— что все это люди древней Руси,—Руси, озаренной кроткимъ и вѣчнымъ, не меркнущимъ свѣтомъ лампы Пимена. Мы почувствовали, что это люди древней Руси, не смотря на ихъ напудренные парикъ и французскія шпаги. Мы почувствовали, что гдѣ-то притаилась заснувшая до времени, не умершая, а замершая, какъ бы завороженная волшебнымъ словомъ древняя Русь, не дающая активнаго отпора новымъ вѣнїямъ, но хранящая себя, свой душевный складъ, хранящая тотъ немеркнущій свѣтъ, которымъ она жила и двигалась“¹.

Давъ намъ это почувствовать, Пушкинъ оказалъ великую услугу развитію нашего національнаго и культурнаго самосознанія. Изученіе и усвоеніе того глубокаго и трезваго взгляда на нашу старину, который лежитъ въ основѣ „Капитанской дочки“, можетъ служить прекраснымъ противоядіемъ противъ одностороннихъ сужденій о русской исторіи и скороспѣлыхъ выводовъ объ особенностяхъ и характерѣ русскаго народа. Въ рѣчи профессора Ключевскаго, о которой мы упоминали въ шестой главѣ, есть такое замѣчаніе: „Пушкинъ не мемуаристъ и не историкъ, но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристомъ онъ встрѣчаетъ художника. Въ этомъ значеніе Пушкина для нашей исторіографіи, по крайней мѣрѣ, главное и ближайшее значеніе“. Но, во-первыхъ, Пушкинъ былъ не только художникъ, но и историкъ, а, во-вторыхъ, его значеніе для нашей исторіографіи далеко не исчерпывается тѣмъ, на что указываетъ г. Ключевскій. Нашей исторіографіи еще долго придется учиться по „Капитанской дочкѣ“, какъ слѣдуетъ понимать и изображать нашу старину, не увлекаясь никакими предвзятыми мыслями и не поворачиваясь спиной ни къ реформѣ Петра, ни къ до-петровской Россіи, ни къ западной Европѣ, ни къ кореннымъ началамъ русской жизни.

¹ Ю. Николаева *Тургеневъ*, критическій этюдъ. Москва, 1894 года, стр. 79—83. (Николаевъ, какъ извѣстно,—псевдонимъ, подъ которымъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ писалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ и были напечатаны впервые его статьи о Тургеневѣ).

Въ нашей критикѣ установилось мнѣніе, что „Капитанская дочка“ написана въ духѣ реальной школы, и что русскій литературный реализмъ ведетъ именно отъ нея или, между прочимъ, отъ нея свое происхожденіе. Одни думаютъ, что родоначальникомъ нашего литературнаго реализма былъ Гоголь, и что Пушкинъ въ „Капитанской дочкѣ“, собственно говоря, лишь примкнулъ къ движенію, которое было возбуждено авторомъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“. Другіе, напротивъ того, считаютъ Пушкина, какъ прозаика, такимъ же самобытнымъ и геніальнымъ реалистомъ, какъ Гоголя, и даже ставятъ Пушкина въ этомъ отношеніи выше Гоголя. Несмотря на это различіе взглядовъ на историко-литературное значеніе пушкинской прозы, вообще, и „Капитанской дочки“, въ частности, никто, кажется, за исключеніемъ развѣ одного Гоголя, нимало не сомнѣвался въ томъ, что появленіе „Капитанской дочки“ знаменовало собой переходъ Пушкина къ чистѣйшему реализму.

Этотъ взглядъ грѣшитъ односторонностью и основанъ на недоразумѣніи. Въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ показалъ, какъ нужно изображать русскій бытъ и русскую старину и, вообще, какъ нужно описывать дѣйствительность, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и тѣни литературнаго идеализма. Она представляетъ соединеніе идеализма съ реализмомъ, но такое соединеніе, въ которомъ идеализмъ безусловно господствуетъ надъ реализмомъ. Въ этомъ отношеніи „Капитанская дочка“ напоминаетъ собой величайшія созданія всѣхъ временъ и народовъ, о которыхъ можно сказать то же самое, что сказалъ Гоголь объ ея художественной правдѣ, а онъ сказалъ, что „ея правда не только сэмая правда, но какъ бы выше ея“, и что „такъ и быть должно, ибо поэтъ долженъ взять насъ изъ насъ и насъ же возвратитъ намъ въ очищенномъ видѣ“. Было бы величайшею ошибкой считать великаго русскаго реалиста Гоголя только реалистомъ, ибо и въ немъ иногда не умиралъ и, даже скажемъ болѣе того, всегда преобладалъ художникъ-идеалистъ. Считать же Пушкина, какъ автора „Капитанской дочки“, прямолинейнымъ реалистомъ и не замѣчать въ ней господства идеализма значить совершенно не понимать характера лучшаго прозаическаго произведенія великаго поэта.

И художественные приемы Пушкина, какъ автора „Капитанской дочки“, и общій тонъ ея повѣствованія, и его отношеніе

къ ея героямъ и героинямъ, а также и къ описываемымъ въ ней событіямъ—все это доказываетъ, что она насквозь проникнута идеализмомъ.

У реалиста на первомъ планѣ стоитъ точное воспроизведеніе дѣйствительности и, притомъ, голой дѣйствительности, со всѣми ея мелочами и особенностями. Дѣйствительность—это пароль и лозунгъ каждаго реалиста и его единственный кумирь. Онъ описываетъ ее съ такимъ же безстрастіемъ, съ какимъ описываетъ натуралистъ то или другое явленіе зоологическаго или ботаническаго царства. Въ глазахъ реалиста грязь и красота имѣютъ одинаковое достоинство. Ему нужна только грубая правда, и для того, чтобы удовлетворить ей, онъ не пренебрегаетъ никакими мелочами, касающимися психологіи дѣйствующихъ лицъ, ихъ внѣшняго облика и всей окружающей ихъ обстановки.

Ничего этого читатель не найдетъ въ „Капитанской дочкѣ“. Изображая былую жизнь, Пушкинъ заботился не о томъ, чтобы воспроизвести ее со всею точностью, а о томъ, чтобы выпукло передать ея главные черты. Пушкинъ описывалъ не то, что было, а то, что могло бы быть. Онъ не преклонялся передъ дѣйствительностью: онъ заботился лишь о правдоподобіи характеровъ, страстей и положеній и о согласованіи ихъ съ духомъ времени и его нравами. Онъ не старался скрыть своего я и далъ роману такое освѣщеніе, въ которомъ это я сказалось весьма опредѣленно, не парушая формы мемуаровъ, приданной „Капитанской дочкѣ“. Онъ не терялъ изъ виду лѣса изъ-за деревьевъ и сосредоточилъ все свое вниманіе лишь на существенномъ. Всѣ эти особенности „Капитанской дочки“ сразу бросаются въ глаза и вполне подтверждаютъ нашу мысль, что „Капитанская дочка“ принадлежитъ къ созданіямъ литературнаго идеализма по преимуществу. Болѣе подробный обзоръ всѣхъ только что перечисленныхъ характерныхъ чертъ „Капитанской дочки“ еще болѣе разъяснитъ нашу мысль.

Что еслибы на тему, избранную въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинымъ, сталъ писать романъ какой-нибудь принципиальный реалистъ? Описывая пугачевщину, онъ отвелъ бы первое мѣсто ея ужасамъ; не щадя нервовъ читателя, онъ нарисовалъ бы цѣлый рядъ картинъ, которыя приводили бы въ содроганіе самого впечатлительнаго человѣка. Онъ разукрасилъ бы свое повѣствованіе потоками крови и приложилъ бы всѣ усилія, чтобы сдѣлать читателя какъ бы свидѣтелемъ тѣхъ звѣрствъ и насилій, которыми ознаменовался подвигъ грознаго самозванца и его спо-

движниковъ. Такъ именно и поступилъ авторъ „Пугачевцевъ“ графъ Саліасъ.

А Пушкинъ?

Пушкинъ поступилъ совершенно иначе. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и намека на беспощадное отношеніе къ нервамъ читателя во имя грубо-правдиваго изображенія дѣйствительности. Пушкинъ не прикрашивалъ ее, не разбавлялъ ее сахарною водицей и ничего не утаилъ отъ насъ; но онъ стремился къ тому, чтобы раскрыть внутренній смыслъ описываемыхъ событій и передать сущность, а не всѣ мелочи той житейской драмы, которая воспроизводится въ „Капитанской дочкѣ“. Онъ добивался того, чтобы мы могли окинуть общимъ взглядомъ, не теряясь въ подробностяхъ, всю ту картину мятежа, которую онъ намъ показалъ. Онъ хотѣлъ и насъ сдѣлать участниками своего поэтического созерцанія, и потому устранилъ изъ „Капитанской дочки“ все, что могло нарушить его и выдвинуть на первый планъ чисто внѣшнія особенности эпохи. Геніально и вполне правдиво описывая пугачевщину, Пушкинъ не огорошиваетъ васъ стонами и криками ея жертвъ, дымомъ и копотью пожарищъ, зрѣлищемъ разлагающихся труповъ и т. д. Но онъ, повторяемъ, не прикрашиваетъ дѣйствительности, а только возводитъ ее въ перлъ созданія, ни на минуту не забывая, что истинно-художественное произведеніе должно не отталкивать, а привлекать съ неопределимою силой.

Покажемъ на двухъ - трехъ примѣрахъ, какимъ образомъ Пушкинъ сумѣлъ объединить вѣрность бытовой и исторической правдѣ съ идеализмомъ своего романа.

Описывая „жестокій вѣкъ“ пугачевщины, Пушкинъ не могъ обойтись безъ такихъ мрачныхъ картинъ, какъ картины пытокъ, казней и т. д., и Пушкинъ не пряталъ ихъ отъ глазъ читателя, но онъ никогда не упускалъ изъ виду, что эти картины важны не сами по себѣ, а лишь какъ иллюстраціи того склада жизни и тѣхъ характеровъ, которые выводятся въ „Капитанской дочкѣ“. Поэтому онъ останавливался на этихъ картинахъ лишь настолько, насколько это было нужно для его основной цѣли. Взять хотя бы, на примѣръ, допросъ башкирца, пойманнаго съ возмутительными листами Пугачева. Весь этотъ допросъ прекрасно обрисовываетъ старинный взглядъ на пытку и выясняетъ, какъ и почему ее практиковали въ XVIII вѣкѣ съ чистою совѣстью даже такіе добряки, какъ капитанъ Мироновъ. Въ сценѣ, о которой мы говоримъ, Пушкинъ далъ въ лицѣ стараго баш-

кирца превосходное, изумительное по пластичности изображение изувѣченной жертвы безпощадной Θεмиды XVIII вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приготовленій къ кровавой расправѣ съ однимъ изъ мятежныхъ инородцевъ, отлично уживавшейся съ буколическими нравами маленькой „фортеці“. Но Пушкинъ не описываетъ подробностей и ужасовъ пытки: она отмѣняется комендантомъ, когда башкирецъ раскрываетъ ротъ съ отрѣзаннымъ языкомъ, и когда капитанъ Мироновъ вслѣдствіе этого приходитъ къ заключенію, что отъ схваченнаго бунтовщика все равно ничего нельзя узнать. Тяжелое впечатлѣніе, производимое сценой допроса, сглаживается къ тому же размышленіями Гринева о контрастѣ между кроткимъ царствованіемъ Александра I и суровыми нравами пугачевской эпохи, а также и появленіемъ перепуганной Василисы Егоровны со страшною вѣстью о взятіи Нижнеозерной крѣпости. Картина казни, какъ и картина, о которой мы только-что упоминали, не бьетъ по нервамъ, хотя и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе. Она описана у Пушкина съ такою живостью, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но въ этой сценѣ вниманіе читателя сосредоточивается не на физическихъ страданіяхъ несчастныхъ жертвъ Пугачева, а на ихъ нравственномъ величіи. Ихъ смерть поэтому прежде всего поражаетъ своею духовною красотой, а висѣлица, на которой они погибаютъ, внушаетъ намъ такое же чувство благоговѣнія, какъ и Гриневу (мы разумѣемъ ту чудную сцену изъ девятой главы, въ которой Гринева, покидая Бѣлогорскую крѣпость, кланяется висѣлицѣ, на которой кончили жизнь капитанъ Мироновъ и Иванъ Игнатьичъ).

Какое раздолье для изображенія звѣрскихъ инстинктовъ и людей-звѣрей нашелъ бы въ „Капитанской дочкѣ“ каждый реалистъ, который бы вздумалъ писать ее! Ихъ нѣтъ въ романѣ Пушкина. Въ немъ преобладаютъ положительные типы. Семья Мироновыхъ, семья Гриневыхъ, Савельичъ, Иванъ Игнатьичъ,— всѣ они намъ близки и дороги, ибо въ нихъ отражаются привлекательнѣйшія стороны человѣческой природы вообще и русской натуры въ частности, величавый и чуждый рисовки героизмъ, непоколебимое сознаніе долга, безкорыстная привязанность, истинно христіанское смиреніе, нелицемѣрная доброта, искренняя религіозность, семейныя добродѣтели и т. д. „Капитанская дочка“—это цѣлая галлерей лучшихъ представителей русской земли и русскаго народа второй половины прошлаго вѣка. Она примиряетъ съ жизнью и съ людьми, если вы будете читать ее

въ минуты душевнаго разлада и унынія; она подѣйствуетъ на васъ успокоительнымъ образомъ, какъ дѣйствуютъ рассказы умныхъ, благодушныхъ и многоиспытавшихъ стариковъ, сохраняющихъ до могилы и трезвость взгляда, и вѣру въ идеаль. Геній Пушкинъ разглядѣлъ даже въ Пугачевѣ и Хлопушѣ привлекательныя черты. Одинъ Швабринъ представляетъ безусловно отталкивающій характеръ; но Пушкинъ и у него нашель проблески благородства (мы намекаемъ на молчаніе Швабринна о Марьѣ Ивановнѣ въ Слѣдственной Коммисіи). Изъ всего этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что авторъ „Капитанской дочки“ смотрѣлъ на жизнь и людей сквозь розовыя стекла. Онъ не подкрашивалъ правды, но онъ судилъ о ней не по внѣшности, а какъ глубокій мыслитель и великій поэтъ, видящій дальше и больше простыхъ смертныхъ. „Капитанская дочка“ какъ бы говоритъ намъ: „Отрѣштите отъ мимолетныхъ впечатлѣній, отъ узкаго эгоизма, отъ страстей и страстишекъ, снимите съ глазъ своихъ ту повязку, которую онѣ на васъ надѣли, всмотритесь внимательно и спокойно въ то, что творится вокругъ васъ, и вы увидите Бога въ исторіи, познаете сокровенный смыслъ всѣхъ такъ называемыхъ случайностей и научитесь уважать и любить многихъ изъ тѣхъ, кого прежде считали достойными лишь ненависти и презрѣнія“. Оптимистическая точка зрѣнія такъ и сквозитъ между строкъ „Капитанской дочки“. Она вытекаетъ изъ величаваго, поэтическаго, спокойнаго и чисто русскаго міросозерцанія Пушкина и его свѣтлой, мягкой и любящей души. Описывая одну изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ новѣйшей русской исторіи, Пушкинъ не боялся говорить правды, но онъ озарилъ ее сіяніемъ своего поэтическаго генія и чуткаго благороднаго сердца, и мы, благодаря великому писателю, разглядѣли во мракѣ пугачевщины то, чего не открыли бы намъ никакія историческія розысканія, и что могли открыть только такіе знатоки человѣческой природы и такіе геніи, какъ Пушкинъ.

Бодрое, примиряющее настроеніе, которое выносится изъ чтенія „Капитанской дочки“, является, между прочимъ, слѣдствіемъ всего хода описываемыхъ въ ней событій, въ причудливомъ сплетеніи которыхъ чувствуется рука Провидѣнія. Естественно и просто, безъ всякихъ натяжекъ и подтасовокъ, въ силу необходимости въ „Капитанской дочкѣ“ торжество и успѣхъ достаются на долю честныхъ и добрыхъ людей, а низость и злодѣйство попадаютъ сами въ расклевутыя ими тенета. Это не значитъ, конечно, что у Пушкина награждается добродѣтель и наказу-

вается порокъ по шаблону старыхъ нравоучительныхъ романовъ. Марья Ивановна достигаетъ желанной пристани послѣ долгихъ страданій и тяжкихъ утратъ. Капитанъ Мироновъ и Иванъ Игнатьичъ погибають на висѣлицѣ; Василису Егоровну убивають пугачевцы. Но какъ прекрасна мученическая смерть стараго коменданта и бѣднаго поручика! Она сократила ихъ жизнь, но увѣнчала ее ореоломъ духовной красоты. Тоже самое можно сказать и о смерти Василисы Егоровны, до конца оставшейся преданною женой своему мужу и всенародно обличавшею Пугачева въ самозванствѣ. Когда старики Мироновы испускали послѣдній вздохъ, они, конечно, не знали, какая участь ждетъ ихъ единственную дочь. Они не оставили ей ни богатства, ни связей; они оставили ей только честное имя и были вознаграждены ея счастьемъ за свои послѣднія страдальческія минуты. „Все минетъ, одна правда останется“, говорить русская пословица, и ее можно было бы поставить эпитафіомъ къ роману Пушкина на ряду съ эпитафіомъ, который былъ избранъ поэтомъ: „береги честь съ молоду“.

Если бы авторъ „Капитанской дочки“ былъ реалистъ, онъ посвятилъ бы добрую половину ея описанію казацкаго быта, башкирскихъ и киргизскихъ нравовъ и всѣхъ чисто вѣшнихъ особенностей эпохи и края. Онъ не поскупился бы также на описаніе наружности и костюмовъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Иначе погнушилъ Пушкинъ. Въ „Капитанской дочкѣ“ описательный элементъ почти совсѣмъ отсутствуетъ. Онъ вошелъ въ геніальный романъ какъ разъ настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы воспроизвести духъ вѣка, характеры дѣйствующихъ лицъ и тотъ фонъ, на которомъ писалъ поэтъ свою историческую картину. Въ „Капитанской дочкѣ“ описаній очень немного, и всѣ они отличаются чрезвычайною сжатостью, но она черезъ это ничего не теряетъ, благодаря необыкновенной мѣткости пушкинскаго языка, точности его эпитетовъ, а также благодаря и тому, что діалоги и дѣйствія героевъ и героинь Пушкина до такой степени вводятъ васъ во всѣ изгибы ихъ сердца, что вы, по малѣйшимъ намекамъ поэта, и даже безъ всякихъ указаній съ его стороны, можете живо представить себѣ и наружность, и всѣ вѣшнія особенности того или другаго лица. Подтвердимъ нѣсколькими, взятыми на выдержку, примѣрами все сказанное.

Въ „Капитанской дочкѣ“ ни единымъ словомъ не опасывается наружность молодого Гринева, но у кого изъ насъ, при его

имени, не является въ воображеніи образъ статнаго, рослаго юноши съ смѣлымъ, открытымъ и добрымъ лицомъ, носящимъ отпечатокъ барскаго, привольнаго воспитанія и свѣжихъ нерастраченныхъ силъ? Пушкинъ ничего не говоритъ о томъ, каковъ былъ съ виду Савельичъ, но у художника, который вздумалъ бы написать его, врядъ ли явились бы на этотъ счетъ какія-нибудь сомнѣнія, ибо Савельича нельзя себѣ представить иначе, какъ худымъ, нѣсколько сутуловатымъ и подвижнымъ старикомъ, съ длиннымъ, плохо выбритымъ, благодущнымъ лицомъ, которому постоянное безпокойство о „барскомъ дитяти“ и частое брюзжаніе придавало какой-то комично-угрюмый оттѣнокъ. Много-ли сообщаетъ Пушкинъ о наружности Пугачева? А между тѣмъ его Пугачевъ какъ живой стоитъ передъ нами. То же самое можно сказать и о четвѣ Мпроновыхъ, и о старыхъ Гриневыхъ, и о Швабринѣ, и о Марьѣ Ивановнѣ, и о Хлопушѣ, и объ Екатеринѣ II, и обо всѣхъ другихъ герояхъ и героиняхъ романа вплоть до Палашки и хозяйки умета. Тѣ немногія строки, которыя Пушкинъ посвятилъ наружности дѣйствующихъ лицъ своего романа, могутъ служить образцами того, какъ нужно описывать, не теряясь въ мелочахъ, не раздробляя вниманіе читателя на частности и всецѣло сосредоточивая его на самыхъ существенныхъ особенностяхъ внѣшняго облика того или другого лица,—на такихъ особенностяхъ, въ которыхъ проявляется его душа. Вспомните хотя бы портретъ Екатерины II изъ послѣдней главы. „Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую“... „Все въ невѣстной дамѣ привлекало сердце и внушало довѣренность... Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лицо ея перемѣнилось, и Марья Ивановна... испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному“... Трудно представить себѣ, что-нибудь прекраснѣе пластичнѣе и въ то же время проще этихъ строкъ. Пушкинъ почти не описываетъ лица знаменитой императрицы, онъ говоритъ только о впечатлѣніи, которое оно производило на окружающихъ; но онъ сумѣлъ передать это впечатлѣніе съ такою жизненностью, что читателю кажется, будто онъ самъ испыталъ его и видѣлъ когда-то Екатерину Великую. Болѣе или менѣе подробно Пушкинъ говоритъ только о наружности Пугачева, но и ей онъ удѣлилъ, въ общей сложности, всего какихъ-нибудь десять—пятнадцать строкъ. Но эти немно-

гія строки стоють чуднаго, законченнаго портрета, навѣки запечатлѣваюцася въ памяти. Нельзя не изумляться тому искусству, съ которымъ Пушкинъ дѣлаеть читателя очевидцемъ своихъ героевъ и героинь, почти ничею, а иногда и буквально ничею не говоря объ ихъ наружности.

Немного въ „Капитанской дочкѣ“ и картинъ природы. Если ихъ собрать всё вмѣстѣ, то едва ли выйдетъ одна, разгониисто напечатанная страница. А между тѣмъ эти немногія картины природы какъ нельзя лучше обрисовываютъ тотъ край, въ которомъ происходитъ дѣйствіе „Капитанской дочки“ и, вообще, придаютъ роману то, что называется у французовъ *souleur local*. Одна картина бурана чего стѣитъ! Какая точность и выразительность въ каждомъ словѣ! Эта картина представляетъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ и никѣмъ непревзойденныхъ образцовъ силы, сжатости и пластичности языка, соединенной съ необычайною простотой. Для того чтобы понять всю прелесть этой картины, нужно сравнить ее съ другими, подобными же картинами, напримѣръ, съ картинами вьюги въ „Хозяинѣ и работникѣ“ и въ „Мятелѣ“ графа Л. Н. Толстого или въ „Буранѣ“ С. Т. Аксакова, и только при этомъ сравненіи мы убѣдимся, съ какою легкостью Пушкинъ достигалъ пятью-шестью строчками своихъ описаній того, чего не могли достигнуть другіе, и притомъ очень даровитые писатели, написавъ цѣлый очеркъ или рассказъ. Такою же сжатостью и пластичностью языка, какою поражаетъ Пушкинъ въ описаніи бурана, отличаются и другія, бѣгло, но мастерски набросанныя картины природы, изрѣдка попадающіяся въ „Капитанской дочкѣ“. То же самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ описаніяхъ: объ описаніяхъ костюмовъ дѣйствующихъ лицъ, объ общей картинѣ Бѣлогоркой крѣпости и о тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ идетъ рѣчь о внутреннемъ убранствѣ комендантскаго домика и пугачевского „дворца“ въ Бердѣ, о петергофскомъ садѣ императрицы Екатерины II и т. д. Всѣ эти описанія занимаютъ по двѣ-три строки, но образы, вызываемые ими, навсегда запечатлѣваются въ памяти. Какъ и тѣмъ достигалъ Пушкинъ этого изумительнаго умѣнья вызывать въ воображеніи читателя одну картину за другой, будучи столь скупымъ на слова и тщательно отбрасывая въ сторону всё мелочи? Это тайна его генія,—одна изъ тѣхъ тайнъ искусства, которыя онъ унесъ съ собой въ могилу.

О психологіи „Капитанской дочки“ и ея психологическихъ

приемахъ мы уже говорили. Заканчивая обзоръ главныхъ особенностей ея стиля, напомнимъ, что она отъ начала до конца, за исключеніемъ немногихъ эпизодовъ, составляетъ художественный вымыселъ, изумительный по своему правдоподобию. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ историческихъ памятниковъ, которые въ такомъ изобилии встрѣчаются въ историческихъ романахъ не только третъестепенныхъ, но и безспорно очень даровитыхъ писателей. „Капитанская дочка“ нигдѣ не превращается въ историческое повѣствованіе, перемѣшанное съ беллетристикой: она отъ начала до конца представляетъ чисто художественное произведеніе, въ которомъ нельзя найти слѣдовъ черновой работы и подготовительныхъ трудовъ поэта.

Стиль „Капитанской дочки“ составляетъ главное право ея на безсмертіе. Въ двадцатой главѣ сочиненія Шербюлье „Искусство и природа“ (*L'art et la nature*) есть нѣсколько страницъ, которыя цѣликомъ можно примѣнить къ гениальному роману Пушкина. Приводимъ ихъ *in extenso*:

„Но что же такое истинный идеализмъ? Это особая манера воспріятія дѣйствительнаго міра, именно наклонность къ созерцанію только выдающихся, яркихъ явленій природы и жизни..

„Если вѣрно, что деревья мѣшаютъ видѣть лѣсъ, то еще чаще случается, что лѣсъ скрываетъ деревья, и какой-нибудь могучій дубъ теряется въ густой чащѣ жалкихъ деревьевъ, годныхъ только на дрова, которыя, какъ бы завидуя его величавости, закрываютъ его отъ нашихъ взоровъ, какъ ширмой. Природа, кажется, болѣе интересуется мелколѣсьемъ, чѣмъ крупными деревьями, и идеалистъ не можетъ ей простить этого. Онъ обвиняетъ ее за то, что она не питаетъ никакого уваженія къ своимъ лучшимъ, прекраснѣйшимъ твореніямъ; онъ хотѣлъ бы защитить ихъ отъ ея презрѣнія, ея несправедливости, и онъ требуетъ отъ искусства, чтобъ оно было второю природой, хотя болѣе бѣдною, но зато лучше устроенною, гдѣ бы не закрывалось то, что достойно созерцанія, гдѣ не унижалось бы то, передъ чѣмъ слѣдуетъ благоговѣть, и гдѣ свѣтъ бережется для того, что заслуживаетъ яркаго освѣщенія.

„Реалистъ упрощаетъ по необходимости и съ сожалѣніемъ; онъ знаетъ, что природа безконечна какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ, что онъ долженъ отказаться отъ мысли воспроизводить ее такою, какою видитъ его острейшіи глаза и аналитическій умъ, что онъ осужденъ оставлять многое не воспроизведеннымъ; но онъ всегда боится, что отброшенное имъ, можетъ быть, и есть самое лучшее, а потому всякая урѣзка, убавка ему дорого стобитъ, и онъ упрекаетъ себя за то, какъ за какую-то жестокость, какъ за покушеніе на чужую жизнь. Идеа-

листъ же упрощаетъ намѣренно, онъ воспроизводитъ только главное, достойное вниманія, а всё остальнымъ онъ жертвуетъ безъ сожалѣнiя; онъ не только вырубаетъ лѣсныя чаши, но онъ подравниваетъ свои любимыя деревья, отсѣкаетъ ненужныя побѣги, чтобы дать лучшее питанiе главнымъ вѣтвямъ. Хотя онъ и придерживается правила, что все лишнее вредно, но ему безызвѣстно также, что на свѣтѣ ничто не живетъ особнякомъ, что полная самостоятельность—самая вздорная химера, что какъ бы великъ ни былъ человекъ, онъ нуждается въ малыхъ людяхъ, что все живущее находится въ зависимости отъ окружающей среды и платитъ ей дань, и что во всёхъ искусствахъ нужны аксессуары, побочныя придатки для лучшаго уясненiя сюжета. Но идеалистъ бережливъ, даже скупъ на нихъ боясь, чтобы ихъ не приняли за главное, существенное, онъ отводитъ имъ скромное мѣсто и удѣляетъ очень мало свѣта. У реалиста текстъ утопаетъ въ комментарiяхъ; идеалистъ же огше; ничивается только самыми необходимыми поясненiями, часто однимъ указанiями, намеками.

„Пословица говорить, что для лакеевъ нѣтъ великихъ людей: они слишкомъ близко стоятъ къ своимъ господамъ, видятъ ихъ при всёхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, и имъ извѣстны всё мелочныя черты ихъ личности. Идеалистъ знаетъ, что ничто такъ не умаляетъ большаго предмета, какъ обилiе деталей, маловажныхъ признаковъ; поэтому онъ включаетъ ихъ очень экономно, подобно аксессуарамъ, ограничиваясь самымъ необходимымъ. Архитекторъ ли онъ или скульпторъ, историческiй живописецъ или пейзажистъ, поэтъ или музыкантъ, — онъ заботливо избѣгаетъ всего того, что можетъ ослабить сильное впечатлѣнiе, которое онъ желаетъ произвести на насъ, и говоря словами нашего великаго романиста, „онъ не выставляетъ все наружу, а старается о томъ, чтобы мы сами видѣли все внутри.“ Если онъ все упрощаетъ, сокращаетъ, сжимаетъ уже не въ мѣру, его произведенiе будетъ сухо, холодно, мертвенно и своею намѣленною бѣдностью, доведенною до скудости, опечалитъ наше воображенiе; если же онъ умѣетъ управлять своимъ талантомъ, его созданiе производитъ на насъ впечатлѣнiе, подобно тому, какое производятъ величавыя картины природы, въ которыхъ всё подробности сливаются въ гармонiи цѣлаго, которыя возвышаютъ насъ самихъ, доставляя намъ самыя благородныя, разумныя наслажденiя, какiя мы только можемъ испытывать. Разумною строгостью, прiятною правильностью и мудростью, способствующею нашему счастью—вотъ чѣмъ вѣетъ отъ истиннаго искусства, и любовь къ нему облагораживаетъ насъ, возвышаетъ насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ.

„Идеализировать — не значить скрашивать вещи, а значить придавать, сообщать имъ стиль. Иногда онъ уже есть въ нихъ, но это совершенно случайно, милостью неба; потребность сообщить его вещамъ можетъ чувствовать только существо мыслящее и способное любить свой разумъ. Стиль, на языкѣ искус-

ства, есть способность подмѣтить общее въ частномъ и обнять цѣлое въ его частяхъ; это—стремленіе къ синтезу, обобщающему массу подробностей въ какую-нибудь одну, выдающуюся, которая замѣняетъ собой всё остальные. У великихъ художниковъ стиль—это любовь къ сокращенному и быстрому способу выраженія, пренебреженіе мелочами, смѣлость и свобода пониманія и выраженія; это — склонность обращаться съ природой, какъ съ ровнею, рекомендуя ей предпочитать богатству подробностей и роскоши украшеній простоту, которая всегда возвышаетъ предметы. Если реализмъ освобождаетъ искусство отъ лжи, отъ бессмысленныхъ условностей, то идеализмъ исцѣляетъ его отъ недуга суетнаго, ребяческаго любопытства. Когда изсыкаетъ источникъ творческаго вдохновенія, когда вкусъ къ мелочамъ, къ изящнымъ и цѣннымъ бездѣлушкамъ, къ суетнымъ украшениямъ изсушаетъ таланты, когда искусство приходитъ въ упадокъ, — тогда является освободитель, и первое сказанное имъ слово открываетъ всё, что онъ принесъ съ собою нѣчто такое, что гораздо интереснѣе, важнѣе того, что видѣли въ природѣ ихъ маленькіе муравьиные глаза.“

„Капитанская дочка“ вѣчно будетъ служить укоромъ для тѣхъ романистовъ, которые распространяютъ и поддерживаютъ „вкусъ къ мелочамъ“, къ „изящнымъ бездѣлушкамъ“ и къ „суетнымъ украшениямъ“, и забываютъ, что задачи истиннаго художника заключаются въ умѣньи сказать въ немногихъ словахъ многое и сочетать смѣлость и широту замысла съ экономіей слова и подробностей и съ простотой описаній и повѣствованія. Гоголь мѣтко сказалъ, что, сравнительно съ „Капитанскою дочкой“, всё наши повѣсти и романы кажутся приторною размазней. Приторною размазней кажутся, въ сравненіи съ „Капитанскою дочкой“, и произведенія многихъ знаменитыхъ западно-европейскихъ романистовъ. Даже романы Вальтеръ-Скотта (не говоримъ уже о романахъ Диккенса, Теккерея, Жоржъ-Занда) поражаютъ своею растянутостью и ненужнымъ многословіемъ, если сопоставить ихъ съ „Капитанскою дочкой“, и въ этомъ заключается ея всемірно-историческое значеніе и всемірно-историческое значеніе Пушкина, какъ ея творца. Онъ написалъ единственный въ своемъ родѣ романъ, — единственный по чувству мѣры, по законченности, по стилю и по пугмительному мастерству обрисовывать типы и характеры въ миниатюрѣ и вести повѣствованіе, не вводя въ него ни одного лишняго слова, ни одной лишней черты.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ КЪ СТАТЬѢ „КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“ ПУШКИНА.

Къ стр. 6-й. Къ числу немногихъ современниковъ Пушкина, по достоинству оцѣнившихъ „Капитанскую дочку“, принадлежала супруга Великаго Князя Михаила Павловича, Великая Княгиня Елена Павловна, глубоко интересовавшаяся всѣмъ, что имѣло отношеніе къ литературѣ и искусству. Въ Запискахъ А. О. Смирновой (часть II, стр. 92) приводится письмо графини Маріи Эльмптъ, относящееся къ 1837 году и упоминающее о разговорѣ Елены Павловны съ французскимъ посломъ, извѣстнымъ историкомъ Барантомъ. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорится вотъ что: „Барантъ провелъ вечеръ у Великой Княгини; онъ говорилъ съ нею о Пушкинѣ (Великая Княгиня замѣтила): „Такъ трудно переводить поэтовъ,—такъ же, какъ и копировать хорошія картины. Но можно было бы перевести на французскій языкъ повѣсти и романъ Пушкина. *Его историческій романъ гораздо выше романовъ Вальтеръ-Скотта*“.

Къ стр. 10 й. Вообще, Вѣлпнскій былъ не особенно высокаго мнѣнія о пушкинской прозѣ и ставилъ „Капитанскую дочку“ ниже не только „Дубровскаго“, но и „Арапа Петра Великаго“. Заканчивая свои статьи о Пушкинѣ въ 1846 году, онъ писалъ (Соч ; изд. 5-е, VIII, 692—693):

„Повѣсти въ прозѣ Пушкина, хотя и далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ лучшими стихотвореніями его произведеніями *даже перваго періода его дѣятельности*¹, однако, тѣмъ не менѣе принадлежать къ замѣчательнымъ произведеніямъ русской литературы. Первый его опытъ въ этомъ родѣ напечатанъ былъ въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ на 1829 годъ, подъ названіемъ: „IV глава изъ Историческаго романа“. Въ X томѣ полнаго собранія его сочиненій напечатано шесть главъ и начало седьмой этого романа, подъ названіемъ „Арапъ Петра Великаго“. Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ IV-я глава напечатана не вполне, но это едва ли не интереснѣйшій отрывокъ изъ всѣхъ семи главъ.

¹ Курсивъ нашъ.

Будь этотъ романъ конченъ такъ же хорошо, какъ начать, мы имѣли бы превосходный историческій русскій романъ, изображающій нравы величайшей эпохи русской исторіи. Поэтъ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ своего романа, выводитъ въ немъ на сцену и великаго преобразователя Россіи во всей народной простотѣ его пріемовъ и обычаевъ. Не понимаемъ, почему Пушкинъ не продолжалъ этого романа. Онъ имѣлъ время кончить его, потому что IV глава написана имъ была еще прежде 1829 года. Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы гг. Загоскина и Лажечникова, непзмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, взятыхъ вмѣстѣ“.

Къ стр. 11-й. Взглядъ Гоголя на „Капитанскую дочку“, по видимому, вполнѣ раздѣлялся Плетневымъ. 8-ю годами раньше появленія въ печати „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, Плетневъ въ статьѣ „А. С. Пушкинъ“ („Современникъ“ 1838 г., X), говорилъ: „Во всѣхъ своихъ повѣстяхъ, подобно, какъ и въ стихотвореніяхъ, онъ (Пушкинъ) былъ изумительно отчетливъ. Но въ послѣдней (здѣсь идетъ рѣчь о „Капитанской дочкѣ“) достигнулъ онъ высочайшаго совершенства—простоты самой природы“ (Сочиненіе и переписка П. А. Плетнева, I, стр. 385).

Къ стр. 12-й, 13-й, 53-й и 61-й. Въ статьѣ „Общественные идеалы А. С. Пушкина“ Анненковъ такъ характеризуетъ „Исторію пугачевского бунта“ и такъ опредѣляетъ ея отношенія къ „Капитанской дочкѣ“:

„Выписывая официальные данныя о пугачевскомъ бунтѣ и передѣлывая ихъ въ простой, чрезвычайно сдержанный и строгій рассказъ, Пушкинъ въ то же время воплощалъ духъ эпохи и представлялъ картину событія и жизненныя ея подробности въ мастерскомъ романѣ,—извѣстной „Капитанской дочкѣ“. Эта образцовая историческая повѣсть зачалась въ архивной пыли, выросла на донесеніяхъ, промеморіяхъ, слѣдственныхъ процессахъ, снятыхъ ея авторомъ съ молчаливыхъ положъ, гдѣ они такъ долго покоились, а закончилась въ одной изъ уральскихъ станицъ, куда въ слѣдующемъ 1833 году Пушкинъ отправился черезъ Казань, Симбирскъ и Оренбургъ для провѣрки и осмотра мѣста дѣйствій, какъ своего романа, такъ и своей исторіи. Эти близнецы назначены были пополнять одинъ другаго.

„Исторію Пугачевского бунта, которую озаглавить Пушкинъ хотѣлъ первоначально народнымъ, генерическимъ прозвищемъ

всей эпохи: „*Пушкенина*“, нельзя назвать въ настоящемъ смыслѣ слова исторіей. Это скорѣе дѣльная, хорошо составленная докладная записка, назначенная для быстрого ознакомленія съ предметомъ читателя, который-бы поинтересовался имъ,— чѣмъ и объясняется ея хладнокровный, чисто объективный и невозмутимый тонъ, который такъ возмущалъ друзей поэта, и, между ними, Н. В. Гоголя, когда она явилась въ печати. Всѣ краски, бытотыя подробности, вся живость изображенія этой русской „жакеріи“ выпали на долю „Капитанской дочки“. Известно, какимъ изяществомъ постройки она отличается, какимъ добродушнымъ юморомъ вѣетъ отъ описанія патриархальныхъ порядковъ того времени и созданія типическихъ характеровъ въ духъ эпохи“ *Вѣстникъ Европы*, 1880 г., июнь, 635—636).

Къ стр. 29-й. Библиографическія справки о переводахъ „Капитанской дочки“, о рисункахъ къ ней, о попыткахъ передѣлать ее въ драму и т. д.

За-границей, какъ и въ Россіи, „Капитанская дочка“ и вообще вся художественная проза Пушкина до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Какъ образецъ поверхностныхъ и произвольныхъ сужденій шпострапцевъ о великомъ русскомъ поэтѣ можно привести слѣдующее замѣчаніе итальянца Карлетти: „Въ его повѣстяхъ и въ *Исторіи пушкенина бунта* отразилось вліяніе Вольтеровскаго стиля“ („Современная Россія“, часть II, пер. А. Волковской, стр. 81). Едва-ли однако, есть, какой-нибудь русскій романъ, который былъ-бы переведенъ на столько языковъ, какъ „Капитанская дочка“. Изъ книги В. И. Межова „*Rusckhiniana*“, оказывается, что „Капитанская дочка“ была переведена, начиная съ сороковыхъ и кончая первой половиной 80 хъ годовъ на слѣдующіе языки: въ 1841 году на шведскій языкъ (Стокгольмъ), въ 1843 году—на датскій (Копенгагенъ), въ 1847 году—на чешскій (Прага), въ 1848 году—на нѣмецкій (одинъ переводъ былъ изданъ въ Лейпъ, а другой въ Лейпцигѣ), въ 1849 году—на сербскій (Бѣлградъ), въ 1853 году—на голландскій (Гарлемъ), въ 1854 году—на французскій (Парижъ, переводъ Л. Вярдо), въ 1859 году—на французскій (Парижъ, пер. Front-de-Forpertuis), въ томъ же году—на польскій въ газетѣ *Dziennik Warszawsky*, въ 1875 году—на англійскій (Лондонъ, Mrs Buchan-Telfer, рожденной Муравьевой), въ томъ же году въ Букарештѣ на молдованскій, въ 1876 году—на итальянскій (Миланъ, пер. Сальватора Фарини), въ томъ же году—на латышскій, въ 1879 году—на испанскій (Мадридъ),

въ 1882 году—на датскій, въ 1883 году—на англійскій (Лондонъ, пер. г-жи Igelström и Mrs Easton), въ томъ-же году—на итальянскій. Безъ обозначенія года существуетъ нѣмецкій переводъ „Капитанской дочки“ Вильгельма Ланге, изданный въ Лейпцигѣ. Особенно посчастливилось „Капитанской дочкѣ“ во Франціи. Переводъ Виардо былъ переизданъ шесть разъ: въ 1866, 1869, 1873, 1876, 1879 и 1884 гг. Англійскій переводъ 1875 года вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1880 году. Разборъ переводовъ „Капитанской дочки“ на французскій языкъ см. въ сочиненіи г. В. Шульца „А. С. Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей“. Оно было сначала напечатано въ журналѣ *Древняя и новая Россія* за 1880 г. (№ 5, стр. 17—36, № 6, стр. 305—330, № 7, стр. 477—496, № 12, стр. 766—819), а, затѣмъ, вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

О переводахъ „Капитанской дочки“ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ не имѣемъ свѣдѣній.

О рисункахъ къ „Капитанской дочкѣ“ см. въ вышнѣ сказанномъ трудѣ В. И. Межова указанія подъ №№ 3624, 3686 и 3714. Эти рисунки (Шарльманя и Негадасва) не представляютъ ничего замѣчательнаго. Никому изъ нашихъ художниковъ не приходило въ голову искать сюжетовъ для своихъ картинъ въ „Капитанской дочкѣ“, а въ ней чуть не на каждой страницѣ есть тема, въ которой можно было бы блеснуть и драматизмомъ, и экспрессіей, и воспроизведеніемъ старинной русской жизни и юморомъ. Нельзя не удивляться, что наши художники забываютъ о существованіи дивнаго романа, главные сцены и главныхъ героевъ и героинь котораго имъ уже давно слѣдовало-бы воспроизвести на полотнѣ.

„Капитанская дочка“ совсѣмъ не поддается передѣлкѣ въ театральную пьесу. Но въ нашей литературѣ была сдѣлана попытка превратить ее въ драму. Эта попытка была крайне неудачна. Д. М. Лобановъ (а не Любимовъ, какъ ошибочно говорится въ *Хроникѣ Петербургскихъ театровъ*, Вольфа, выпускъ III, стр. XXIX) передѣлалъ „Капитанскую дочку“ въ „драматическія сцены“ того-же имени въ 5-ти дѣйствіяхъ и 10-ти картинахъ. Эта пьеса шла въ первый разъ въ Петербургѣ, на сценѣ Александринскаго театра, 23-го сентября 1875 года, въ бенефисъ Малышева. Она была напечатана въ *Библиотекѣ для Чтенія*. Г. Лобановъ довольно умѣло воспользовался діалогами романа и, видимо, старался ничего не упустить изъ нихъ. Тамъ же, гдѣ ему приходилось пе-

релагать въ сцены то, что у Пушкина излагается путем повѣствованія, и, вообще, тамъ, гдѣ нужно было проявить болѣе или менѣе самостоятельное творчество, г. Лобановъ, видимо, не въ силахъ былъ стать на одинъ уровень со своею задачей. Ему очень мѣшала къ тому же необходимость приспособляться къ требованіямъ театральной цензуры. Въ угоду ей онъ вычеркнулъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ Екатерину II, Пугачева, Хлопушу, Бѣлобородова и отца Герасима. Съ самозванцемъ и мятежемъ г. Лобановъ знакомитъ публлку лишь изъ рассказовъ Гринева, Савельича, Ивана Кузмича и т. д. Не имѣя возможности вывести на сцену Пугачева, г. Лобановъ мѣстами долженъ былъ рѣзко отступать отъ фабулы романа. Освобождая Марію Ивановну изъ-подъ власти Швабрна, Гринева у г. Лобанова закалываетъ Швабрна. О встрѣчѣ Марьи Ивановны съ императрицей Екатериною и о помилованіи Гринева въ пьесѣ г. Лобанова, сообщаетъ какой-то придворный генераль. Въ передѣлкѣ г. Лобанова „Капитанская дочка“ превратилась въ монотонно любовную драму, лишенную всякой сценичности и не представляющую никакаго историческаго интереса. Швабрна г. Лобановъ понялъ, какъ мелодраматическаго злодѣя и, сообразно тому, искажалъ и дополнялъ пушкинскіи текстъ. Ивану Игнатьичу г. Лобановъ придалъ почему-то фамплію Дымко, вѣроятно, исходя изъ того убѣжденія, что афша должна сообщать не только имена и отчества, но и фамиліи дѣйствующихъ лицъ. Пьеса г. Лобанова не имѣла, да и не могла имѣть успѣха и скоро была снята съ репертуара.

Замѣтимъ, кстати, что въ концѣ 80-хъ годовъ носились упорные слухи, проникавшіе, время отъ времени, и въ печать, что П. И. Чайковскій хотѣлъ написать оперу на сюжетъ, взятый изъ „Капитанской дочки“, составилъ планъ либретто и сочинилъ музыку на нѣкоторыя сцены. Вѣрно ли это, не знаемъ. Желательно было-бы разъяснить этотъ вопросъ по рукописямъ, оставшимся послѣ знаменитаго композитора.

Къ стр. 35 и 37. Изъ описанія рукописей Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ, составленнаго г. Якушкинымъ,—видно, что программные наброски поэта о Шванвичѣ и Башаринѣ находятся въ двухъ, оставшихся послѣ Пушкина, тетрадяхъ. Набросокъ о Шванвичѣ написанъ на пятомъ листѣ, а набросокъ, начинающійся словами: „Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ“, на оборотѣ четвертаго листа тетради, вырванной изъ переплета и помѣченной опекунами

дѣтей Пушкина №-ромъ 2374 (*Русская Старина*, 1884 г., сентябрь, 642). Набросокъ о Шванвичѣ написанъ, какъ видно изъ объясненій г. Якушкина, на желтомъ листѣ. Какимъ образомъ между бѣлыми листами очутился желтый листъ,—г. Якушкинъ не объясняетъ. Не вклеенъ ли онъ въ тетрадь лицами, составлявшими опсь рукописей Пушкина? Какъ бы тамъ ни было, изъ того, что набросокъ о Башаринѣ сдѣланъ на четвертомъ, а о Шванвичѣ на пятомъ листѣ, вовсе не слѣдуетъ, что Пушкинъ предполагалъ сдѣлать главнымъ героемъ задуманнаго романа, сначала Башарина, потомъ Шванвича, а не наоборотъ. Если желтый листъ былъ вклеенъ, то набросокъ о Шванвичѣ могъ быть написанъ раньше наброска о Башаринѣ, но если-бъ онъ оказался и спитымъ съ другими листами, то и въ такомъ случаѣ порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ наброски, ничего не доказываетъ. Поэтъ въ своихъ черновыхъ тетрадяхъ далеко не всегда писалъ листъ за листомъ по порядку. Иногда онъ начиналъ тетрадь съ одного листа, затѣмъ не кончивъ его, переходилъ къ другому, при чемъ испсанные листы и страницы перемежались у него съ чистыми и т. д. Пушкинъ могъ сначала набросать отрывокъ о Шванвичѣ, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, написать на оставшейся чистой страницѣ отрывокъ о Башаринѣ, чтобы не разбрасывать по разнымъ мѣстамъ плановъ задуманнаго романа. Въ виду этого, а также и въ виду помѣты, сдѣланной Пушкинымъ подъ наброскомъ о Шванвичѣ, и косвенныхъ указаній на время, когда поэтъ узналъ о Башаринѣ (см. ниже, дополненіе къ стр. 40 и 62), всего естественнѣе размѣстить все три наброска первоначальныхъ программъ задуманнаго Пушкинымъ романа въ томъ порядкѣ, въ какомъ они размѣщены на стр. 35 и 37.

Второй набросокъ о Башаринѣ находится въ тетради, помѣченной №-ромъ 2375, на вложенномъ въ нее листѣ бѣлой бумаги съ помѣтой 32. Набросокъ написанъ полуистертымъ карандашомъ, при чемъ, какъ оказывается изъ объясненій г. Якушкина, въ концѣ перваго предложенія, послѣ слова *баликирца*, написано въ скобкахъ какое-то французское слово, котораго г. Якушкинъ не могъ разобрать (*le m. . .*) (*Русская Старина*, 1884 г., сентябрь, 653).

Къ стр. 40-й и 62-й. Исправляемъ промахъ, сдѣланный нами при опредѣленіи источника, изъ котораго Пушкинъ узналъ о Башаринѣ и объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось взятіе Ильинской крѣпости Пугачевымъ. И о Башаринѣ, и объ

этихъ обстоятельствахъ онъ могъ узнать изъ архивныхъ данныхъ, которыми пользовался также и г. Дубровинъ, разсказывающій вопреки тому, что говорится у насъ на стр. 40-й, и о пощадѣ, данной самозванцемъ Башарину, и о мученической смерти Камешкова и Воронова.

Г. Дубровинъ сообщаетъ, между прочимъ, нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у Пушкина. Упомянувъ объ убійствѣ маіора Заева, защищавшаго крѣпость, г. Дубровинъ говоритъ:

„Команда его растерялась и послѣ незначительнаго сопротивленія положила оружіе. Бывшіе въ отрядѣ Заева казаки все не защищались, и пугачевцы „тѣхъ казаковъ нисколько не били“.

— Для чего вы къ намъ не вышли? спрашивали ихъ мятежники.

— Еслибъ, отвѣчали казаки,—мы изъ крѣпости стали выходить, то насъ бы солдаты побили.

„Всѣхъ плѣнныхъ (число которыхъ доходило до 110) и раненыхъ (до 60) Пугачевъ приказалъ отвести въ свой станъ, въ ближайшую татарскую деревню. Тамъ поставили ихъ на колѣни противъ заряженнаго еднорога и въ такомъ положеніи приказали ожидать прибытія самозванца.

— Прощаетъ васъ Богъ, сказалъ Пугачевъ, подѣхавъ къ плѣннымъ,—и я вашъ государь Петръ Федоровичъ Третій, императоръ.

„Плѣннымъ приказано было встать; еднорогъ повернули въ противоположную сторону, и произведенный выстрѣлъ погнессъ ядро въ степь. Послѣ этой церемоніи самозванецъ призвалъ къ себѣ капитана Камешкова, прапорщика Воронова и неизвѣстнаго по фамиліи казачьяго сотника.

— Для чего вы противъ меня, вашего государя, идете и меня не слушаете? спросилъ самозванецъ.

— Ты не государь нашъ, отвѣчали офицеры,—и мы тебя онымъ не признаемъ; ты самозванецъ и бунтовщикъ.

„Пугачевъ приказалъ тотчасъ же ихъ повѣсить и привести къ себѣ изъ татаръ каптана Башарина. Ему грозила та же участь, но человекъ тридцать солдатъ губернской роты просили простить его.

— Капитанъ былъ до насъ добръ, говорили они,—и въ нашихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ насъ.

— Ну, когда онъ былъ до васъ добръ, сказалъ Пугачевъ,—такъ я его прощаю.

„Башарину и всёмъ плѣннымъ обрѣзали волосы по-казацки, а казакамъ оставили лошадей и оружіе“ („Пугачевъ и его сообщники“, II, 120—121).

Изъ монографіи г. Дубровина, такимъ образомъ, оказывается, что Башаринъ былъ изъ татаръ и что неизвѣстный по фамиліи казачій сотникъ проявлъ такой же героизмъ, какъ Камешковъ и Вороновъ, и былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ ними. Единственная разница между рассказомъ Пушкина и г. Дубровина заключается въ отвѣтахъ Камешкова и Воронова, но и эта разница самая незначительная и не касается содержанія всенароднаго общенія Пугачева въ самозванствѣ и крамолѣ. Чѣмъ объясняется эта разница, судить не беремся. Можетъ быть, г. Дубровинъ руководствовался показаніемъ не того лица, которое имѣлъ въ виду Пушкинъ; можетъ быть, г. Дубровинъ привелъ отвѣтъ казачьяго сотника и, затѣмъ, уже не счелъ нужнымъ привести совершенно въ общемъ одинаковыхъ съ нимъ отвѣтовъ Камешкова и Воронова; можетъ быть, наконецъ, г. Дубровинъ счелъ излишнимъ воспроизвести слова трехъ безстрашныхъ политическихъ мучениковъ буквально и ограничился передачею ихъ смысла. Какъ бы тамъ ни было, пушкинская редакція болѣе напоминаетъ оффиціальныи языкъ XVIII вѣка, чѣмъ редакція г. Дубровина.

Изъ ссылокъ, которыми снабженъ рассказъ г. Дубровина о взятіи Ильинской крѣпости Пугачевымъ, видно, что фактическія данныя для этого рассказа взяты изъ 2-й книги Архива Главнаго Штаба (въ Петербургѣ). По всей вѣроятности, это та самая книга, о которой упоминаетъ академикъ Я. Гротъ въ числѣ 3-хъ книгъ, отправленныхъ Пушкину на домъ 25 февраля 1833 года изъ петербургскаго Архива Инспекторскаго департамента военнаго министерства. Говоря о документахъ, находящихся въ первыхъ двухъ книгахъ, Гротъ замѣчаетъ: „Они состоятъ болѣею частью въ перепискѣ военной коллегіи съ мѣстными начальниками (т. е. съ начальниками Оренбургской губерніи), въ бумагахъ, касающихся преимущественнаго численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ. Притомъ, въ этихъ книгахъ болѣе обильные матеріалы относятся только къ первой половинѣ бунта, которая потому и разработана у Пушкина съ болѣею полнотою и точностью, нежели послѣдняя половина,—періодъ назначенія Панина, преслѣдованія Пугачева Михельсономъ, поимки самозванца, слѣдствія и суда надъ нимъ“

(Грота *Пушкинъ*, стр. 159 и 162). Въ виду вѣроятности предположенія, что Пушкинъ, при описаніи взятія Ильинской крѣпости Пугачевымъ, пользовался тѣми же самыми архивными источниками, какими пользовался г. Дубровинъ, мы считаемъ себя не вправѣ настаивать на томъ, что поэтъ могъ узнать о Башаринѣ и о подвигѣ Воронова и Камешкова лишь изъ преданій, собранныхъ во время поѣздки на Уралъ: обо всемъ этомъ Пушкинъ могъ узнать еще въ концѣ февраля 1833 года. Къ этому времени, слѣдовательно, можно отнести и его программные наброски о Башаринѣ. Въ подтвержденіе же своего мнѣнія о томъ, что Пушкинъ выработалъ фабулу „Капитанской дочки“ и началъ писать этотъ романъ лишь по возвращеніи съ Урала, мы можемъ привести, между прочимъ, слова Плетнева. Въ десятой книжкѣ *Современника* за 1838 годъ Плетневъ въ біографическомъ очеркѣ А. С. Пушкина писалъ: „Путешествіе въ Оренбургъ доставило ему матеріалы для новой повѣсти“ (Сочиненіе и переписка П. А. Плетнева, академическое изданіе, I, 385). Это свидѣтельство, какъ свидѣтельство лица, близко стоявшаго къ поэту, заслуживаетъ полного довѣрія. Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что „Капитанская дочка“ была отдѣлана окончательно не задолго до ея появленія въ печати, служить сдѣланная Пушкинымъ въ концѣ ея помѣта: 19 октября 1836 года. Приводимъ, кстати, изъ *Русской Старины* за 1889 годъ (іюнь, стр. 326—327) библиографическую справку о содержаніи того тома *Современника*, въ которомъ появилась „Капитанская дочка“:

Томъ четвертый (307 стр., въ 8-ю д. л. Разрѣшеніе цензора отъ 11 ноября 1836 года).

Содержаніе: 1) Занятіе Дрездена, 1813 года 10 марта. Изъ дневника партизана Дениса Давыдова (стр. 5—31). 2) Стихотворенія, присланныя изъ Германіи (XVI—XXIII) (стр. 32—41). 3) Капитанская дочка. (Подпись) 19 октября 1836 г. Издатель (стр. 42—215). 4) Къ князю П. А. Вяземскому (стихотвореніе). (Подпись) С. Баратынскій (стр. 216—218). 5) Вечеръ въ Царскомъ Селѣ (стр. 219—231). 6) Молитва объ Ольгѣ Прекрасной (стр. 231—233). 7) Парижъ. Хроника русскаго (стр. 234—266). 8) Прогулка за Балканомъ. Отрывокъ изъ невѣроподобнаго разсказа чичероне дель К... О.... (стр. 267—289). 9) Предназначеніе. Уралъ и Кавказъ. Подражаніе Саади (стихотвореніе). (Подпись) Л. Якубовичъ (стр. 290—294). 10) Объясненіе (о стихотвореніи „Полководецъ“). (Подпись) А. Пушкинъ (стр. 295—298).

11) Отъ редакціи (объ изданіи князя Вяземскаго: „Старина и Новизна“) (стр. 297—300). 12) Новыя книги (стр. 301—307).

Въ книгѣ племянника Пушкина Л. Павлпщева „Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“, приводится письмо отца А. С. Пушкина Сергѣя Львовича къ сестрѣ поэта Ольгѣ Сергѣевнѣ отъ 16 марта 1833 года изъ Москвы (стр. 310—311). Въ этомъ письмѣ между прочимъ говорится:

„Александръ намъ совсѣмъ не пишетъ и даже не отвѣчаетъ. Что дѣлать? Лъщу себя надеждой, что такимъ молчаніемъ обязанъ его великой лѣности, но это весьма небольшое утѣшеніе. Слышу что-либо объ Александрѣ, то единственно отъ его друга Павла Нащокина... Ты уже знаешь, что твой братъ попалъ въ члены академіи, какъ любитель отечественной словесности! (Еще бы не любитель! Да объ этомъ всему міру извѣстно...) Желая же носить это званіе съ честію и пользою (*en tout bien tout honneur*), онъ, какъ слышно, удвоилъ историческія занятія и половину дня проводить въ архивѣ. Кончилъ прелестный свой романъ, надъ которымъ провезился довольно долго, и начинать другой; сюжетомъ выбралъ происшествіе временъ Екатерины Великой. Этому послѣднему труду, а также и другимъ, поэтическимъ, посвящаетъ все время до вечера, а по вечерамъ дома рѣдко можно его найти: сопровождаетъ въ общество жену (*il chapebonne sa femme dans le monde*), гдѣ и долженъ бодрствовать до зари (*où il doit veiller jusqu'a l'aurore*). Значить, не смотря на раздраженные нервы, онъ можетъ выносить многое; но боюсь за такой тревожный образъ жизни: и гигантъ можетъ свалиться, будучи лишень сна—перваго благодѣтеля и друга челоѣчества“.

Въ этомъ письмѣ подъ оконченнымъ романомъ разумѣется, очевидно, „Дубровскій“, а подъ только что начатымъ — „Капитанская дочка“. По словамъ Сергѣя Львовича, выходитъ, что Пушкинъ уже въ мартѣ 1833 года усидчиво и систематически работалъ надъ „Капитанскою дочкой“. Не нужно, однако, упускать изъ виду, что Сергѣй Львовичъ писалъ объ этомъ въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, упоминая одновременно о „Капитанской дочкѣ“ и о другихъ поэтическихъ трудахъ своего сына, и что онъ сообщалъ о нихъ со словъ Нащокина, котораго Пушкинъ никогда не посвящалъ въ свои литературные замыслы. Поэтому придавать письму Сергѣя Львовича не только рѣшающее, но и вообще сколько-нибудь серьезное значеніе при обсужденіи вопроса, когда у Пушкина сложилась фабула „Ка-

питанской дочки“ и когда онъ началъ писать этотъ романъ,— никакъ нельзя. Письмо Сергѣя Львовича сообщаетъ вполне опредѣленно лишь то, что извѣстно и помимо его: мы узнаемъ изъ него, что Пушкинъ задумалъ написать романъ изъ временъ Екатерины II въ началѣ 1833 года, что въ то время онъ усиленно занимался въ архивахъ и велъ свѣтскую жизнь, до зари бодрствуя на вечерахъ и балахъ. Для „поэтическихъ трудовъ“ при такихъ условіяхъ у поэта оставалось немного времени: онъ могъ заниматься ими только урывками, и это не можетъ не навести на мысль, что въ 1833 году Пушкинъ лишь обдумывалъ планъ „Капитанской дочки“, но не писалъ ее.

Къ стр. 51. О той добросовѣстности, съ какою отнесся Пушкинъ къ изученію Пугачевского бунта, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, нѣкоторыя рукописи поэта, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ. Описывая ихъ, г. Якушкинъ упоминаетъ о цѣломъ рядѣ бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ этому бунту (*Русская Старина*, 1884 г., декабрь, стр. 573—575). Вотъ эти бумаги:

„№ 2391. Матеріалы для Пугачевского бунта. Матеріаловъ очень много, все ненапечатанное. Всего 269 листовъ, почти всѣ рукой Пушкина.

№ 2394. Тетради и отдѣльные листы въ оберткахъ. Всѣхъ листовъ 303. Разные историческіе матеріалы, писанные разными почерками.

А.—№ 13. Оборона крѣпости Яика отъ партіи мятежниковъ, л. 24.

Б.—№ 14, „О побѣгѣ Пугачева“, копія съ оффиціальной бумаги, л. 46.

В.—№ 11. Прибавленіе о разбойникѣ и самозванцѣ Пугачевѣ изъ дневныхъ записокъ 1773 года, города Оренбурга, Благовѣщенской церкви, что на Гостинномъ дворѣ, священника Ивана Осипова Нумарова, л. 72.

Г.—№ 17, (въ 4°). Записка полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ, что нынѣ уральскихъ, казаковъ и самозванцѣ Емельѣѣ, донскомъ казакѣ, Пугачевѣ. Сверху чьею-то рукой написано: отъ Н. Сахарова; сзади тою же рукой: посылаю записку эту точно въ такомъ видѣ, какъ она написана была сочинителемъ; конечно, надобно будетъ исправить безграмотный слогъ, а можетъ быть—по разсмотрѣнію—и сократить или выкинуть что-нибудь лишнее, какъ угодно. Во всякомъ случаѣ думаю, что она стоитъ печати: есть въ ней вещи неизвѣстныя доселѣ и о какихъ не упомянуто подробно въ изданной недавно объ этомъ предметѣ книгѣ“.

Къ стр. 64. Полковникъ Петръ Гриневъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Державинымъ и до насъ дошло одно его письмо къ поэту, помѣченное 2-мъ марта 1774 года и напечатанное на 9-й стр. пятаго тома академическаго изданія сочиненія Державина. „Этого Гринева, говоритъ Я. Гротъ: „не надобно смѣшивать съ другимъ офицеромъ того же имени, подпоручикомъ Алексѣемъ Матвѣевичемъ Гриневымъ, къ которому Пугачевъ посылалъ ложный свой указъ и который поэтому былъ въ послѣдствіи допрашиваемъ, но не могъ быть обвиненъ, такъ какъ онъ даже и не получилъ той бумаги (см. въ Госуд. архивѣ списоки сообщниковъ Пугачева подъ заглавіемъ: „Различеніе важности преступленій“ и проч. Также „Допросы Пугачеву“ въ *Чтен. въ Общ. Ист. и Др.* 1858 г., кн. II, стр. 45)“.

Отмѣтимъ, кстати, что имя полковника Гринева Пушкинъ далъ Петру Андреевичу, а имя подпоручика Гринева — Швабрину. Прежде, чѣмъ дать герою „Капитанской дочкѣ“ фамилію Гринева, Пушкинъ называлъ Гриневымъ Зурина. Въ томъ отрывкѣ изъ романа, который печатается нынѣ обыкновенно въ видѣ приложенія къ XIII главѣ, Зуринъ вездѣ именуется Гриневымъ, а Гриневъ — Буланинымъ. Это подало поводъ г. Бартеңеву высказать предположеніе, что Пушкинъ передалъ въ „Капитанской дочкѣ“ дѣйствительную судьбу Буланина (Русскій Архивъ, 1880 г., № III). Почему знать? можетъ быть, эта догадка и справедлива, можетъ быть Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду Буланина въ черновомъ и неоконченномъ наброскѣ предисловія къ „Капитанской дочкѣ“, который приведенъ у насъ на 81 стр., а также въ письмахъ къ Корсакову (см. стр. 81 и дополненіе къ ней).

Къ стр. 64 и 65. Г. Дубровинъ, на основаніи архивныхъ данныхъ, дополняетъ свѣдѣнія, сообщенныя Пушкинымъ о Шванвичѣ, слѣдующими подробностями:

„На утро 8 ноября оказалось, что деревня Юзеева и отрядъ Кара были окружены толпой, состояшею человекъ изъ шестисотъ съ однимъ орудіемъ... Каръ приказалъ открыть огонь изъ своихъ орудій, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ толпа разбѣжалась.“

„Въ это время прибылъ подпоручикъ Татищевъ и донесъ Кару, что въ тотъ же день должна присоединиться къ отряду рота 2 гренадерскаго полка, шедшая изъ Симбирска, въ составѣ 4 офицеровъ и 176 человекъ гренадеръ, подъ начальствомъ поручика Карташева.“

„Овчинниковъ съ наступленіемъ ночи предпринялъ съ частью своихъ силъ смѣлое движеніе въ тылъ отряда Кара и навстрѣчу подходившей гренадерской роты. Послѣдняя шла безъ всякихъ военныхъ предосторожностей: ружья не были заряжены и солдаты спали въ саняхъ. Выстрѣлы изъ орудій Овчинникова разбудили солдатъ, и пока они разобрали ружья, мятежники окружили ихъ и „болѣе уговариваніемъ, показывалъ впоследствии Чика, чтобъ они не стрѣляли“, преклонили гренадеръ на свою сторону. Солдаты положили оружіе и отказались защищаться. Два офицера и семь нижнихъ чиновъ были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ и отправлены въ Берду. Тамъ Пугачевъ устроилъ имъ народную встрѣчу: вышелъ на улицу, приказалъ поставить себѣ кресла, сѣлъ въ нихъ и велѣлъ представить плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ было два офицера: поручикъ Волжинскій и прапорщикъ Шванвичъ. Такъ какъ они оба сдались безъ боя и изъявили желаніе служить самозванцу, то и были назначены: Волжинскій атаманомъ, а Шванвичъ есауломъ. Всѣмъ плѣннымъ приказано было присягнуть и затѣмъ подойти къ рукъ мнимаго государя, который утиралъ глаза платкомъ, показывая видъ, что плачетъ

„Приказавъ всѣмъ плѣннымъ остричь волосы, самозванецъ ушелъ въ свою квартиру и, спустя нѣсколько дней, призвалъ къ себѣ Шванвича.

— Откуда ты родомъ? спросилъ Пугачевъ.

— Я изъ Петербурга, отвѣчалъ Шванвичъ; — государыня Елизавета Петровна меня крестила.

— Я слышалъ, сказалъ самозванецъ, — что ты умѣешь говорить на иностранныхъ языкахъ?

— Умѣю, надежда-государь, отвѣчалъ Шванвичъ.

„Пугачевъ подаль ему листъ бумаги и приказалъ написать по-шведски, „а какъ я не зналъ, показывалъ Шванвичъ по-шведски, то написалъ по-нѣмецки“.

— Напиши еще на какомъ ты знаешь языкѣ.

„Шванвичъ написалъ по-французски: „ваше величество Петръ III“.

— Мастеръ, замѣтилъ самозванецъ, повертѣвъ передъ собою листъ бумаги и видя, что на Шванвичѣ кафтанъ худъ, подарилъ ему шубу и шапку, съ объявленіемъ, что онъ будетъ у него завѣдывать иностранною перепиской.

„Шванвичъ дѣйствительно написалъ въ разное время нѣсколь-

ко нѣмецкихъ писемъ и въ томъ числѣ къ оренбургскому губернатору“.

Въ Бердѣ Шванвичъ командовалъ всѣми плѣнными солдатами („Пугачевъ и его сообщники“, II, 101—104 и 134).

Къ стр. 77 и 78. Пропущенную главу „Капитанской дочки“, обыкновенно помѣщаемую въ видѣ дополненія къ XIII главѣ, нашелъ г. П. Бартенева въ рукописяхъ Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ. Она появилась впервые въ печати въ третьей книжкѣ *Русскаго Архива* за 1880 годъ. Открытіе г. Бартенева вызвало не мало толковъ. Въ отвѣтъ на нѣкоторые изъ нихъ онъ писалъ въ № 279 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1880 годъ:

„Въ № 277 *Московскихъ Вѣдомостей* выражено удивленіе, какимъ образомъ найденная мною нынѣшнимъ лѣтомъ въ бумагахъ А. С. Пушкина новая глава изъ „Капитанской дочки“ могла до сихъ поръ оставаться неизвѣстною. Раздѣляя это удивленіе, я пригласилъ нашихъ библиографовъ къ новымъ поискамъ, такъ какъ, можетъ быть, существуетъ и еще глава изъ „Капитанской дочки“: на это указываетъ примѣчаніе, находящееся на 532 стр. пятаго тома сочиненій Пушкина, изданія 1855 г. Такъ сказано: „Въ повѣсти есть пропускъ, слѣданный самимъ авторомъ и относящійся къ XIII главѣ. Неважный эпизодъ, подвергнувшійся исключенію, вѣроятно, за то, что разстраивалъ экономію повѣсти, состоялъ въ описаніи происшествій, которыхъ былъ участникомъ Гриневъ въ одной деревнѣ, куда онъ отлучался отъ полка“.

„Трудно думать, чтобы слова эти относились къ нынѣ найденной и напечатанной главѣ“.

Хотя указаніе Анненкова на XIII главу наводитъ на мысль, что онъ имѣлъ въ виду именно тотъ отрывокъ изъ черновой рукописи „Капитанской дочки“, который былъ обнаруженъ г. Бартеневымъ, то обстоятельство, что Анненковъ назвалъ деревню Гриневыхъ *одною деревней*, можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ бѣгло просматривалъ рукопись „Капитанской дочки“ и не вникъ въ содержаніе отрывка, о которомъ упоминалъ въ столь сжатыхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Трудно допустить, чтобы кромѣ этого отрывка въ первоначальную редакцію XIII главы входилъ еще какой-нибудь болѣе или менѣе обширный рассказъ о приключеніи Гринева. Всѣ главы „Капитанской дочки“ очень невелики и мало отличаются по величинѣ одна отъ другой. Самыя большія главы заключаютъ въ себѣ стра-

ницъ по 10-ти въ 16-ю долю листа неособенно убористаго набора, а самыя маленькія отъ 5 до 7 страницъ. Если допустить толкованіе, которое даетъ словамъ Анненкова г. Бартечевъ, то выйдетъ, что XIII глава въ ея первоначальной редакціи равнялась приблизительно страницамъ 25. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ, старавшійся соблюдать равномерность между главами, сдѣлалъ для XIII главы столь рѣзкое исключеніе. Какъ бы тамъ ни было, крайне желательно, чтобы при новомъ изданіи сочиненій Пушкина рукопись „Капитанской дочки“, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ, была просмотрѣна самымъ тщательнымъ образомъ. Г. Якушкинъ, впервые давшій ея описаніе, ограничился провѣркой и исправленіемъ текста дополненія къ XIII главѣ, найденнаго г. Бартечевымъ. Рукопись „Капитанской дочки“, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ, помѣчена 2381 №—ромъ. Ея описанію г. Якушкинъ посвятилъ всего восемь строкъ, не считая указанія нѣсколькихъ неточностей, сдѣланныхъ г. Бартечевымъ при перепискѣ пропущенной главы. Вотъ это описаніе:

„Тринадцать собственноручныхъ тетрадей. Карандашомъ перенумерована каждая тетрадь отдѣльно; красной нумераціи нѣтъ. Всего во всѣхъ тетрадяхъ 219 листовъ.

„Всѣ тетради заняты „Капитанскою дочкой“, въ каждой тетради по главѣ, именно, начиная съ главы II и до IV, съ VIII—XIV; тринадцатая тетрадь занята пропущенною главой. Въ концѣ XIV главы, послѣ заключительной замѣтки: *19 октября 1836. Издатель*“. (*Русская Старина*, 1884 г., ноябрь, 345).

Проф. Незеленовъ, разбирая вопросъ, кѣмъ и почему пропущена одна глава изъ „Капитанской дочки“, далъ подробный разборъ этой главы, доказывающій, что Пушкинъ исключилъ ее, будучи недоволенъ ею. Вотъ болѣе вѣскіе изъ его доводовъ:

„Прежде всего оказывается, что глава эта пропущена поэтому изъ произведенія раньше его окончательной отдѣлки: она предстала передъ нами въ необработанномъ видѣ; объ этомъ несомнѣнно свидѣлствуютъ (не говоря уже о томъ, что Зуринъ въ ней называется еще Гриневымъ) внѣшнія противорѣчія въ ней самой и въ ея отношеніи къ цѣлой повѣсти. Остановимся на противорѣчіяхъ перваго рода. Когда Петръ Андреичъ, запертый въ амбарѣ со своимъ семействомъ, проситъ Савельича послать кого-нибудь къ Зурину дать ему знать о происходящемъ въ деревнѣ, Савельичъ отвѣчаетъ:

— Да кого-же послать, сударь? *Всѣ* мальчишки *бунтуютъ*, а лошади всѣ захвачены.

А дальше рассказывается, что слуги Гриневыхъ не бунтовали. Петръ Андреичъ пишетъ, что когда Зуринъ освободилъ его и его родителей,—

„Слуги явились въ переднюю. *Они не участвовали въ бунтъ* и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію“.

Другой примѣръ. Гриневъ ѣдетъ въ родную деревню съ двумя пропусками въ карманѣ; онъ самъ говоритъ объ этомъ:

„На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Гринева“.

А между тѣмъ, когда караульный на заставѣ въ деревнѣ заявляетъ ему о бунтѣ и спрашиваетъ „паспорту“, Гриневъ не предъявляетъ пропуска самозванца, а прорывается черезъ заставу силой. Точно также онъ не предъявляетъ этого пропуска и земскому Андрушкѣ; а такимъ путемъ онъ могъ бы, по всей вѣроятности, даже освободить своихъ родителей и Марью Ивановну.

Затѣмъ, между повѣшенными, которыхъ Гриневъ, переѣзжая черезъ Волгу, видитъ на плывущемъ по рѣкѣ плоту, оказывается какой-то „его“ Ванька:

„Это былъ Ванька (рассказываетъ онъ), бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву“.

Ни о какомъ Ванькѣ раньше въ повѣсти не говорилось, и онъ является въ этой сценѣ совершенно непонятнымъ лицомъ.

Написанная великимъ художникомъ въ пору полного развитія его генія, глава эта заключаетъ въ себѣ, конечно, много поэтическихъ достоинствъ. Наприм., удивительно хороша сцена объясненія Гринева съ караульнымъ на заставѣ.....

Далѣе прекрасно очерченъ здѣсь старикъ Гриневъ, и какъ отецъ, и какъ человѣкъ, и какъ хозяинъ-помѣщикъ.....

И кроткій образъ Марьи Ивановны является здѣсь совершенно вѣрнымъ самому себѣ. Прекрасно затѣмъ заключительное разсужденіе Гринева о русскомъ бунтѣ.....

Но вообще характеръ молодого Гринева въ этой главѣ не выдержанъ.

Не гармонируетъ съ нравственнымъ образомъ Гринева при-

данное ему поэтомъ какое-то разочарованіе: рассказывая объ испытанномъ имъ чувствѣ полного счастья, когда онъ и освобожденное Зуринымъ семейство его съ Марьей Ивановной „вечеромъ соединились въ гостиной около самовара“, Гриневъ совершенно неожпданно прибавляетъ:

„А много-ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой!“

Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ разсказа характеру Петра Андреича придана даже какая-то водевильность. Повѣствуя о томъ, какъ родители благословили его съ Марьей Ивановной на бракъ, Гриневъ вдругъ прибавляетъ:

„Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и *советовать*, пока еще время не ушло, влюбиться, и получить отъ родителей благословеніе“.

Вспоминая о такомъ важномъ моментѣ своей жизни, Гриневъ, по характеру своему и своимъ воззрѣніямъ, не могъ бы говорить легкомысленнымъ тономъ.

Какъ нѣсколько грубо очерченъ въ этой главѣ образъ Гринева, такъ грубость замѣтна въ одной чертѣ разсказа, касающейся Марьи Ивановны. Швабринъ, уходя отъ амбара послѣ совѣта Гриневу подумать и сдаться, говоритъ:

„Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами; вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ“.

Несомнѣнно, что въ дѣйствительности Швабринъ могъ-бы сказать эти циническія слова; но также несомнѣнно, что Гриневъ въ своихъ запискахъ, всегда такъ тепло и почтительно говоря о Марьѣ Ивановнѣ, не могъ повторить ихъ: они составляютъ диссонансъ въ общемъ строѣ его разсказа.

Далѣе, внесеніе въ повѣсть этой пропущенной главы съ нарушаетъ общую художественную гармонію произведенія, лишая его, до нѣкоторой степени, простоты и естественности: съ нею является слишкомъ много случайностей. Такъ, Марья Ивановна второй разъ попадаетъ во власть Швабрина, и во второй разъ избавляется отъ него, опять-таки по счастливой случайности: Зуринъ съ своимъ отрядомъ подоспѣваетъ въ деревню Гриневыхъ какъ разъ во-время, чтобы спасти всѣхъ.

Наконецъ, глава эта противорѣчитъ одной существенной чертѣ всего повѣствованія. Старикъ Гриневъ, какъ извѣстно, повѣрилъ, что сынъ его измѣнникъ, когда послѣдній попалъ подъ судъ. Этого никакъ не могло бы случиться, если-бы произошли событія, рассказанныя въ пропущенной главѣ: Андрей Петровичъ воочію

видить въ ней вѣрность своего сына нравственному долгу, видить и его храбрость. А между тѣмъ вѣра его въ измѣну сына очень нужна для обрисовки его характера: она выясняетъ то существенное его свойство, что для него нравственная обязанность выше личной и семейной привязанности.....

По всѣмъ этимъ причинамъ слѣдуетъ заключить, что появившаяся нынѣ въ свѣтъ новая глава „Капитанской дочки“ была пропущена изъ повѣсти самимъ Пушкинымъ и не по постороннимъ какимъ-либо соображеніямъ, а потому, что онъ былъ ею доволенъ, ибо она мѣшаетъ художественной стройности и правдѣ всего произведенія“. (А. И. Незеленова „Шесть статей о Пушкинѣ“, СПб., 1892 г., стр. 96—103).

Къ стр. 80 и 81-й. Съ такимъ-же, и даже еще съ большимъ основаніемъ, съ какимъ г. Поливановъ сближаетъ развязку „Капитанской дочки“ съ повѣстью Ксавье-де Местра: „La jeune Sibirienne“, можно объяснять исходъ романа Пушкина влияніемъ „Эдинбургской темницы“ Вальтеръ-Скотта. Ея героиня, Эфи Діинсъ, приговаривается къ смертной казни за дѣтубійство, въ которомъ она была неповинна, но получаетъ помилованіе и свободу, благодаря своей сестрѣ, добившейся черезъ герцога Аргайля аудіенціи у королевы Каролины, тронутой ея искренностью, ея скромнымъ, исполненнымъ достоинства, видомъ и ея пламенной мольбой за мнимую преступницу, выраженной съ непосредственностію и силой чисто шотландскаго народнаго краснорѣчія (см. „Эдинбургскую темницу“, 37 и 38 главы). Какъ нѣтъ никакихъ данныхъ объяснить развязку „Капитанской дочки“ влияніемъ „Эдинбургской темницы“, такъ нѣтъ никакихъ данныхъ думать, что, создавая сцену свиданія Марьи Ивановны съ императрицей Екатериной II-й, Пушкинъ дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ повѣсти Ксавье-де-Местра. Въ любой европейской литературѣ можно найти нѣсколько романовъ, оканчивающихся благополучною развязкой вслѣдствіе помилованія, даруемаго верховною властью въ уваженіе къ просьбамъ людей, близкихъ къ осужденнымъ. Это объясняется не подражаніемъ кому-либо, а тѣмъ, что литература служитъ отраженіемъ жизни. Изъ неоконченнаго наброска предисловія къ „Капитанской дочкѣ“ и изъ писемъ Пушкина къ Корсакову видно, что, отправляя Марью Ивановну въ Петербургъ хлопотать о помилованіи жениха, Пушкинъ имѣлъ въ виду не подвигъ Прасковьи Луцковой, пришедшей изъ Сибири въ Петербургъ въ 1804 году просить

за отца, сосланнаго при императорѣ Павлѣ въ 1798 г. (Дупулова умерла въ Новгородѣ въ 1810 году),—подвигъ, воспроизведенный съ разными прикрасами и отступленіями отъ исторической правды въ романѣ m-me Cottin „Elisabeth ou Les exilés de Siberis“ и въ повѣсти Ксавье-де-Местра,—а совсѣмъ другой случай и совсѣмъ другое лицо. Мы не имѣемъ никакого повода не довѣрять Пушкину.

Къ стр. 81-й. Приводимъ въ извлеченіяхъ письма Пушкина къ цензору П. А. Корсакову по поводу „Капитанской дочки“. Въ первомъ письмѣ, полученномъ Корсаковымъ 1-го ноября 1836 года, Пушкинъ писалъ: „Вы одинъ у насъ умѣли сочетать щекотливую должность цензора съ чувствомъ литераторовъ (лучшихъ, не нынѣшнихъ временъ). Знаю, какъ вы обременены занятіями: мнѣ совѣстно васъ утруждать, но къ вамъ одному можемъ мы прибѣгать съ полною довѣренностью и искреннимъ уваженіемъ къ вашему окончательному рѣшенію. Пеняйте-жь сами на себя. Осмѣливаясь препроводить на разрѣшеніе къ вамъ первую половину моего романа, прошу васъ сохранить тайну моего имени“.—Въ другомъ письмѣ Пушкинъ, повторяя просьбу о сохраненіи тайны имени автора, писалъ: „Слѣшу отвѣтить на вопросы ваши. Имя дѣвицы Мироновой вымышлено. Романъ мой основанъ на преданіи, нѣкогда слышанномъ мною, будто-бы одинъ изъ офицеровъ, измѣнившихъ своему долгу и перешедшихъ въ шайки пугачевскія, былъ помилованъ императрицей по просьбѣ престарѣлаго отца, винувшего ея въ ноги. Романъ, какъ изволите видѣть, ушелъ далеко отъ истины“.

Эти письма напечатаны не въ майской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* за 1895 годъ, какъ ошибочно сказано у насъ на 81-й страницѣ, а въ іюньской (стр. 923 и 924).

Къ стр. 166-й. Прежде чѣмъ одинъ изъ главныхъ героевъ „Капитанской дочки“ былъ названъ именемъ Савельича, Пушкинъ хотѣлъ дать это имя двумъ другимъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ романовъ. Въ третьей главѣ „Дубровскаго“ упоминается покровскій мономаръ Савельичъ. Въ отрывкѣ изъ „Русскаго Пелама“, написанномъ въ 1835 году, имя Савельича носить старый камердинеръ отца М. (автора автобіографическихъ записокъ)

Введение.	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Выводы нашей критики о „Капитанской дочкѣ“.—Отсутствіе критическихъ статей, специально посвященныхъ „Капитанской дочкѣ“—Равнодушіе, съ которымъ встрѣтило наше общество этотъ романъ.— Письмо князя Одоевскаго по поводу „Капитанской дочки“.—Сужденія, высказанныя о ней Бѣлинскимъ.— Отзывъ Гоголя.—Отзывъ Анненкова.—Взглядъ Григорьева на „Капитанскую дочку“ въ связи съ его же взглядами на значеніе повѣстей и типа Бѣлкина.— Мнѣніе г. Страхова о „Капитанской дочкѣ“ и объ ея особенностяхъ и высокаго достоинствахъ, какъ образчикѣ новаго, созданнаго Пушкинымъ, рода повѣствовательныхъ произведеній— <i>семейной хроники</i> .—Паралель Чернышевскаго между Пушкинскою и Гоголевскою прозой и его точка зрѣнія на „Капитанскую дочку“.—Оцѣнка „Капитанской дочки“, сдѣланная г. Скабичевскимъ.—Г. Незеленовъ о „Капитанской дочкѣ“.—Почему „Капитанская дочка“ доселѣ пользуется столь незначительною популярностью и стоитъ, въ смыслѣ школы, какимъ-то особнякомъ въ нашей литературѣ?	3
ГЛАВА ВТОРАЯ. Время созданія „Капитанской дочки“.—Мнѣніе Анненкова и его несостоятельность.—Письма Пушкина къ графу Бенкендорфу по поводу „Исторіи Пугачевского бунта“ и задуманнаго романа.—Какіе выводы можно сдѣлать изъ этихъ писемъ?—Нариски общаго плана „Капитанской дочки“.—Два позднѣйшія наброска были написаны Пушкинымъ послѣ путешествія на Уралъ.—„Капитанская дочка“ писалась между 1834 и 1836 годами	29
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Что навело Пушкина на мысль написать историческій романъ?—Его любовь къ исторіи и его историческая подготовка.—Вліяніе Вальтеръ-Скотта.—Взглядъ Пушкина на Вальтеръ-Скотта и его подражателей.—Отношеніе „Капитанской дочки“ къ романамъ Вальтеръ-Скотта.—Исключительныя особенности „Капитанской дочки“.—Почему Пушкинъ остановился на воспроизведеніи Пугачевского бунта?	43
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Научныя изслѣдованія Пушкина, положенныя въ основу „Капитанской дочки“ и „Исторіи Пугачевского бунта“.—Связь между этими двумя сочиненіями.—Мнѣніе Броневского, Анненкова, Грота, г. Поливанова, г. Дубровина и Бѣлинскаго и достоинствахъ и недостаткахъ „Исторіи Пугачевского бунта“.—Ея значеніе въ нашей исторической литературѣ съ точки зрѣнія языка, изложенія, глубины взгляда и вѣрнаго пониманія русской старины.—Мнимая сухость „Исторіи Пугачевского бунта“.—Въ ней нѣтъ и тѣни идеализаціи людей и эпохи.—Фактическіе пробѣлы „Исторіи Пугачевского бунта“.—Взгляды Пушкина на причины, особенности и послѣдствія Пугачевщины.—„Исторія Пугачевского бунта“ и „Капитанская дочка“ дополняютъ одна другую.—Паралельныя мѣста обоихъ сочиненій.—Вѣлгорская кровость.—Отвѣты Пугачеву Камешкова и Воронова, капитана Миронова и Ивана Игнатьевича.—Откуда позаимствовалъ Пушкинъ фамилію Гринева?—Ивабрия и Шванвичъ.—Взглядъ Пушкина на Пугачева.—Преданія о Пугачевѣ и Пугачевцахъ, внесенныя Пушкинымъ въ историческую монографію и положенныя въ основу фабулы и психологіи „Капитанской дочки“.—Военный соувѣтъ въ Оренбургѣ	50
ГЛАВА ПЯТАЯ. Архитектура „Капитанской дочки“.—Значеніе первыхъ трехъ главъ, какъ введенія въ романъ.—Сонъ Гринева.—Первая часть романа.—Вторая часть.—Ихъ связь съ предыдущими и послѣдующими.—Занимательность „Капитанской дочки“ и общій ходъ ея повѣствованія.—Почему Пушкинъ выбросилъ дополненіе къ XIII главѣ.—Историческій элементъ „Капитанской дочки“.—Заключительная глава, какъ эпилогъ романа.—Отразилось ли на „Капитанской дочкѣ“ вліяніе повѣсти Ксавье де-Мистра „La jeune Sibirienne“	69

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Четыре группы героев и героинь „Капитанской дочки“. — Андрей Петрович Гриневъ. — Его происхождение и служебное прошлое. — Его характеристика и убѣжденія. — Сближеніе ихъ съ „Наказомъ“ Екатерины II и со взглядами фонвизинскаго Стародума. — Наставленія Андрея Петровича сыну. — Авдогья Васильевна Гринева. — Петръ Андреевичъ Гриневъ. — Мнѣнія, высказанныя о немъ Бѣлинскимъ и проф. Ключевскимъ. — Наслѣдственные черты Петра Андреевича. — Его сходство и различія съ отцомъ. — Его воспитаніе и образованіе. — Его первые самостоятельные шаги на житейскомъ поприщѣ. — Его отношенія къ Савельичу, Швабрину, Марьѣ Ивановѣ и Пугачеву. — Основные черты его характера. — Его нравственное развитіе. — Петръ Андреевичъ на склонахъ дѣтъ. — Савельичъ, какъ порожденіе крѣпостнаго права. — Его душевная чистота. — Его преданность Гриневымъ. — Его прямота и самоотверженіе. — Комичныя черты его характера. — Его нравственная связь съ Петромъ Андреевичемъ. — Мосей Бопре. 82

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. „Старинные люди“. — Иванъ Кузьмичъ Миرونъ. — Его служебное прошлое. — Иванъ Кузьмичъ, какъ комендантъ Бѣлогорской крѣпости. — Последніе дни его жизни и его смерть. — Иванъ Кузьмичъ и герои графа Л. Н. Толстого. — Иванъ Игнатьичъ. — Его разсужденія о дуэли. — Комичныя черты его. — Его героизмъ. — Василса Егоровна, какъ жена и комендантша Бѣлогорской крѣпости. — Ея доброта и преданность служебному долгу. — Ея смерть. — Марья Ивановна. — Паралель между нею, съ одной стороны, и пушкинскою Татьяной, тургеневскою Лизой и графиней Марьей Болконскою графа Л. Н. Толстого — съ другой. — Міросозерцаніе Марьи Ивановны. — Ея высшій обликъ. — Впечатленіе, которое она на всѣхъ производила. — Анализъ ея характера. — Марья Ивановна — идеаль русскою женщиною. — Она принадлежитъ къ величайшимъ созданіямъ пушкинскаго гениа. 112

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Пугачевъ. — Пугачевъ и шекспировскій Кадъ. — Безпристрастный и примиряющій взглядъ Пушкина на Пугачева. — Богатырскія и плутоватыя черты въ характерѣ Пугачева. — Его казни. — Чувство благодарности, юморъ и другія свѣтлыя стороны Пугачева. — Его затаненныя побужденія и надежды. — Неизбѣжность его гибели. — Пугачевскіе „евралы“ и Хлопуша, какъ разбойникъ-богатырь и разбойникъ-рыцарь. — Швабринь. — У него нѣтъ ничего общаго съ мелодраматическими злодѣями. — Его прошлое. — Основные черты его ума и характера, его взгляды и отношенія къ Гриневу, къ Марьѣ Ивановѣ, къ Пугачеву и къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ „Капитанской дочки“. — Швабринь и Рашлей. 130

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Екатерина II. — Андрей Карловичъ Рейнсдорпъ. — Иванъ Ивановичъ Зуринъ 153

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Общіе выводы о значеніи и особенностяхъ „Капитанской дочки“. — Ея психологія и психологическіе приемы. — Спisyвалъ ли Пушкинъ съ кого-нибудь героевъ и героинь своего романа? — „Капитанская дочка“ отразила въ себѣ все русское общество и русскій народъ временъ Екатерины II. — Сравненіе „Капитанской дочки“ съ „Евгеніемъ Онегинимъ“ по широтѣ размаха. — Мнѣніе Страхова о „бѣдной дѣйствительности“ и „умѣренномъ пониманіи и чувствованіи“ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки“. — Ихъ языкъ. — „Капитанская дочка“, какъ проявленіе русскаго національнаго самосознанія. — Отзывъ Ю. Н. Говорухи-Отрока. — Особенности „Капитанской дочки“. — Слова Шербилюе о художественномъ идеализмѣ и стилѣ. — Всемирно-историческое значеніе „Капитанской дочки“. 161

Дополненія и поправки 189

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
5	11	сверху	Капитанская
13	5	"	писателя
21	23	"	о педагогическомъ значе- нія „Капитанской дочки“.
35	27	"	Думая, что къ концу..
38	6	"	.
38	10	"	и
38	10	снизу	На мѣновомъ дворѣ
40	16	"	писать ее,
41	5	"	Анскаго
44	4	"	за три года
45	6	сверху	года за четыре
49	14	снизу	а
50	16	"	1833.
59	17	сверху	Пугачева
61	19	снизу	и его
62	12	сверху	романа
63	19—20	снизу	романа
64	12	сверху	безстрашіе
68	5	"	романа
69	15	снизу	случай,
74	21	сверху	случай,
77	8	снизу	§ 40.
77	6	"	Гринева,
77	5	"	Она
78	19	сверху	Она
78	24	"	встрѣча
80	13	"	встрѣча Швабрина
87	17	снизу	прибытіе Зурина
89	6	"	отмѣчено
107	5	"	и вычеркнулъ
108	19	сверху	вычеркнулъ
108	13	снизу	героя романа
112	5—6	сверху	предками“.
112	7	"	Ариушки
112	16	"	конечно
120	2	"	Гриневымъ
120	4	"	заячемъ
123	1	снизу	и какъ командирша
132	9	сверху	долгу мужа
133	15	снизу	долгу мужа
136	9	"	Простаковой
137	13	"	мужа,
138	12	"	Режимъ,
149	5	сверху	приковывало-бы
			заблудшимъ
			донского
			въ видахъ поддержанія
			Гринева.
			Она
			„быть свидѣтелемъ“ по-
			единка“